С.Захаров

Это было недавно...

Записки старого свердловчанина

Свердловская конная милиция, тридцатые годы.

Духовой оркестр Свердловской милицейской школы, тридцатые годы.

Это было недавно...

Содержание

С. Захаров

Это было недавно...

Записки старого свердловчанина

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1985

ББК 63.3(2Р36)
З-38

Рецензенты:
П. Галкин, Р. Рабинович, Ю. Курочкин

З $\frac{0802010207-022}{М158(03)-85}$ 87-85

Родился я в 1920 году в городе Калуге. Отец мой тогда закончил Петроградский институт инженеров путей сообщения и получил назначение в Екатеринбург. На Урале после колчаковщины были разрушены многие железнодорожные линии, многие железнодорожные мосты, и для их восстановления требовались специалисты.

Мне было около года, когда я попал в город, ставший для меня второй родиной. Поселилась наша семья в доме по улице Белинского, которая до 6 ноября 1919 года именовалась Никольской.

Сейчас в Свердловске почти не сохранилось улиц со старыми названиями. Имена улиц отражают ныне историю страны, Урала, историю науки, культуры и т. д. А иногда улицы просто носят красивое название — Солнечная, Ясная, Цветоводов, Хрустальная...

Но когда-то улицы носили другие имена. Хоть город наш со дня своего основания (а основан он был в 1723 году) и стал центром горнозаводского Урала, названия улиц и площадей не соответствовали его роли в истории края. В Екатеринбурге были улицы Болотная, Водочная, Дровяная, Архиерейская, Успенская, Отрясихинская, Спасская, Крестовоздвиженская, Покровский проспект, Арсеньевский проспект, именовавшийся так в честь пермского губернатора Арсеньева (до Октябрьской революции Екатеринбург входил в состав Пермской губернии). Центральная улица называлась Главным проспектом...

В сентябре 1919 года на первом заседании городского Совета стоял вопрос о новых названиях улиц и площадей.

Специальная комиссия указала в своем протоколе, что «необходимо переименовать все главные улицы города в честь вождей пролетарской революции и наиболее видных екатеринбургских товарищей, погибших на фронтах гражданской войны. Кроме того, решено переименовать некоторые площади и ряд улиц, носящих названия, напоминающие умирающий строй».

Комиссия просила трудящихся Екатеринбурга поделиться своими мыслями об этом предложении. В течение октября в комиссию поступало много откликов.

И почти во всех письмах предлагалось переименовать Главный проспект в улицу имени Владимира Ильича Ленина.

И 6 ноября 1919 года на торжественном заседании, посвященном второй годовщине Октябрьской революции, которое проходило в так называемом Новом театре, со сцены было объявлено о новых именах улиц и площадей.

Вот тогда-то и появились в нашем городе улицы Маркса, Энгельса, Ленина *, Свердлова, Малышева, Вайнера, Хохрякова, Толмачева, Тверитина, 9 Января, Октябрьской революции, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Красноармейская, Пролетарская, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Степана Разина, Радищева, Мамина-Сибиряка, Первомайская, Декабристов, площади 1905 года, Уральских коммунаров**, Труда, Парижской Коммуны и т. д. Да всех названий и не перечислишь. В тот же день Новый театр получил имя в честь первого наркома просвещения А. В. Луначарского.

Эти названия сразу как-то изменили лицо города, подчеркнули его роль в истории страны, в революционном движении, в истории культуры.

---

* 5 сентября 1962 года постановлением Свердловского горисполкома улица Ленина была переименована в проспект Ленина.

** Сейчас эта площадь называется площадью Коммунаров.

А 3 ноября 1924 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение: переименовать Екатеринбург в Свердловск. И 6 ноября в городе прогремел орудийный выстрел. В оперном театре имени Луначарского, где проходило торжественное заседание, посвященное седьмой годовщине Октябрьской революции, это решение было зачитано. 14 ноября новое имя города утвердил ЦИК СССР.

Переименовали город по желанию трудящихся. Много писем поступало тогда в горсовет. «С какой стати славному городу рабочего Урала носить имя... жены царя»,— говорилось в них.

Предлагалось немало разных названий — Красноуральск, Красногорск, Платиногорск, Уралгород, Красный Урал,— но остановились на имени Якова Михайловича Свердлова.

«Имя Свердлова, мужественного революционера, неразрывно связано с уральским рабочим движением,— писалось в выводах специальной комиссии, созданной при горсовете.— Это историческое имя наилучшим образом символизирует роль и значение нашего города в истории революции».

Мой отец в 1927 году был выбран депутатом городского Совета рабочих и красноармейских депутатов. У меня сохранилось его депутатское удостоверение. Эта небольшая красная книжечка, напечатанная тиражом в 375 экземпляров, является сейчас бесценным документом. Прочитав ее, можно представить себе, чем занимались и какие цели ставили перед собой депутаты нашего горсовета в год празднования первого десятилетия Советской власти.

В начале книжечки-удостоверения идет фамилия, имя и отчество депутата. Затем следует Положение о городских и сельских Советах, подписанное М. И. Калининым. А за Положением напечатаны самые интересные страницы: наказ депутату.

«Избранным в Свердловский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов,— говорится в удостоверении,— мы, избиратели, поручаем всю работу проводить под знаменем и идейным руководством единственного вождя и защитника всех трудящихся — Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Что же тогда конкретно поручалось депутатам по отдельным отраслям народного хозяйства?

Депутаты должны были организовать для безработных общественные работы и проводить проверку числящихся на бирже труда. Кроме того, депутатам поручалось позаботиться о строительстве в Свердловске «ночлежного дома для взрослых», отвести определенные места для купания лошадей и наладить дело с пастьбой мелкого скота. Особое внимание уделялось вопросу ликвидации неграмотности, открытию бесплатных детских площадок для детей безработных и приему в детские сады беспризорных.

Давно уже нет у нас безработных, как нет и беспризорных детей. Ушли в прошлое и ночлежные дома. Не купают в реке Исеть лошадей и не пасут в черте города скот.

К сожалению, не все из того, что наказывали избиратели, можно было сделать сразу, в 1927 году. Очень многое из задуманного осуществилось позднее. Но уже тогда возникла мысль воздвигнуть на площади 1905 года памятник В. И. Ленину, снести старые дома в центральных районах, разбить на месте Монетного двора парк (то есть то, что мы теперь называем Историческим сквером), построить холодильник для скоропортящихся продуктов. Предлагалось озеленить Сенную площадь (то место, где теперь сад имени Павлика Морозова), построить аэродром для посадки самолетов...

Имелись к наказу депутата и дополнения, которые сами избиратели считали невыполнимыми. Очевидно, в 1927 году трудно было заставить извозчиков устано-

вить «твердую таксу и снабдить свои экипажи фонарями», также несбыточным считалось почему-то увеличение налога «на собак, содержимых ради забавы и развлеченья», оставались лишь в мечтах проекты о «создании команды мотоциклистов при милиции»...

Но, конечно, не те «невыполнимые добавления» были главными особенностями наказов. Главное было в другом! Овеянный дыханием Октября, Свердловск жил уже новой жизнью. Владимир Маяковский, посетивший город в январе 1928 года, поразился панорамой его строительства. Включая в наказ депутатам пункты о реконструкции города, избиратели просили не забывать следующее:

«Вопросы крупного городского строительства и благоустройства выносить на обсуждение широких масс. Всякого рода работы по строительству и благоустройству Свердловска начинать не иначе как после детальной проработки планов и смет. Перед началом производства всякого рода строительных работ устанавливать жесткие сроки выполнения отдельных работ».

Ныне лицо нашего города составляют заводы. Это одна из его характерных особенностей. А в 1927 году, когда сегодняшние промышленные гиганты рождались лишь в проектах, на чертежах, избиратели писали:

«В связи с имеющимися предложениями о постройке в Свердловске ряда заводов поручить горсовету оказывать всякое содействие в продвижении всех вопросов, могущих всплыть перед горсоветом в связи с их строительством».

Ну, а в заключение избиратели строго подчеркивали:

«Наш депутат должен помнить, что он является членом Совета, возглавляющего культурно-экономический центр Урала (в то время Свердловск был главным городом огромной Уральской области.— *С. З.*), а поэтому и работу свою выполнять так, чтобы она являлась образцом для трудящихся всего Урала...»

...Я кончал свердловскую среднюю школу № 152, в старших классах увлекался театром. Был активным членом школьного драмкружка и драмкружка при клубе строителей. Однако режиссером и актером не стал, а поступил учиться на исторический факультет местного университета. В школе хорошо занимался по литературе и истории, математику и физику не признавал. Но любовь к литературе впоследствии пересилила любовь к истории, и я перевелся на филологический факультет.

В годы Великой Отечественной войны служил в армии; раньше из-за плохого зрения от военной службы был освобожден.

После демобилизации окончил наш Уральский университет имени Горького и почти десять лет проработал преподавателем русского языка в свердловской школе № 40. Вел там и драматический кружок. Некоторые его участники стали потом актерами и режиссерами. Стремился прививать ученикам любовь к изучению истории Свердловска. Сам иногда выступал с краеведческими статьями и заметками в газетах «Уральский рабочий» и «На смену!», делал передачи для радио, а когда в нашем городе возникло телевидение, рискнул сотрудничать и там.

В начале 1958 года в Свердловске организовался журнал «Уральский следопыт». Его главным редактором был назначен Вадим Очеретин, учившийся вместе со мной в университете, но на отделении журналистики. Он предложил мне стать его заместителем, так как считалось, что в состав редакции подросткового журнала обязательно должен входить учитель. Так я расстался со школой и стал журналистом...

Сейчас я работаю уже во взрослом журнале, который называется «Урал». Но подавляющее большинство моих книг адресовано подрастающему поколению. Я рассказываю о том, что особенно запомнилось мне в детские и юношеские годы, о Свердловске, о его людях.

И эта книга тоже посвящена моему любимому городу. Очень хочется, чтобы ее с интересом прочли нынешние ребята и девчата.

Наказ Ленина был выполнен

У моего отца часто бывали его товарищи по работе, железнодорожники. Спрятавшись в уголке, я любил слушать их рассказы о том, как на Пермской дороге, или, как тогда говорили, ПЖД, появились новые паровозы, как реконструировали старые мосты, как сократили за сутки пробег товарных вагонов. Порой гости с гордостью вспоминали о Казанской железной дороге. Это была кратчайшая линия, лишь недавно связавшая Москву с нашим городом. (Кое-кто принимал в ее достройке самое активное участие.)

После разгрома колчаковцев и интервентов для трудящихся Урала открылся новый фронт — фронт борьбы с хозяйственной разрухой. Некогда шумные цеха заводов были пусты, не дымились трубы, заглохли мартены, с перебоями работал железнодорожный транспорт.

10 января 1920 года Реввоенсовет 3-й армии Восточного фронта направил В. И. Ленину письмо, в котором предлагал преобразовать эту армию в армию труда для ликвидации хозяйственной разрухи. В стране все еще существовала военная опасность, и демобилизовывать 3-ю армию было пока нецелесообразно.

«Вполне одобряю ваши предположения. Приветствую почин, вношу вопрос в Совнарком. Начинайте действовать при условии строжайшей согласованности с гражданскими властями, все силы отдавая сбору всех излишков продовольствия и восстановлению транспорта» *,— ответно телеграфировал двенадцатого января Владимир Ильич.

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 115.

И через день Совнарком по докладу Ленина принял решение о создании 1-й Трудовой армии. А 15 января 3-я армия постановлением Совета Обороны была переименована в 1-ю революционную армию труда. Ее части стали использоваться на трудовом фронте в Екатеринбургской, Пермской, Тюменской, Уфимской и Челябинской губерниях.

Самой главной задачей для Трудовой армии на железнодорожном транспорте было, по мнению В. И. Ленина, «скорейшее восстановление сквозного движения Москва — Екатеринбург и приведение линии Казань — Екатеринбург в состояние, соответствующее условиям правильной эксплуатации» *.

Владимир Ильич также указывал, что «Революционному Военному Совету запасной армии вменяется в обязанность принять все меры к тому, чтобы сквозное движение до Екатеринбурга было восстановлено к 1 июля сего года, а линия от Екатеринбурга до Казани была приведена в состояние, соответствующее условиям правильной эксплуатации, не позже 1 октября сего года...» **

По сравнению с Северной железнодорожной магистралью, проходящей через Пермь, Казанская дорога сокращала путь до Москвы на целых пятьсот верст. Поэтому можно себе представить, какая огромная экономия получалась в пробеге паровозов и вагонов, в топливе, во времени.

Об этой выгоде знало еще царское правительство,

---

* См. «Уральский рабочий», 1920, 1 июля.

** См. «Уральский рабочий», 1920, 1 июля.

Для того чтобы по новой трассе началось регулярное маршрутное движение, предстояло еще сделать многое. На некоторых участках, например, надо было построить здания вокзалов. И памятниками того далекого времени стали Красноуфимский и Казанский вокзалы, созданные по проектам замечательного архитектора А. Щусева.

и в 1910 году инженер Белоцерковский по собственному проекту начал здесь изыскания по постройке железной дороги. Два года тянулись подготовительные работы, и только в 1913 году Белоцерковский наконец получил указания приступить к прокладке шпал и рельсов. Но дорогу не достроили: помешала мировая война.

Когда на Урале разгорелась гражданская война, то обе стороны — и красные, и белые — быстро поняли огромное стратегическое значение новой магистрали... Поэтому и те и другие продолжали ее строительство: мы тянули линию от Сарапула, а белогвардейцы лихорадочно прокладывали рельсы на запад от Дружинино. Правда, впоследствии их работа специальной комиссией была забракована...

К началу 1920 года возведенные насыпи и дамбы на Казанской дороге поросли травой, и крестьяне из окрестных деревень успешно использовали «чугунку» как трактовый путь. Картина изменилась лишь первого февраля, после ленинского декрета. Прибывшие сюда отряды трудармейцев спешно возводили дамбы, восстанавливали разрушенные мосты, ремонтировали ранее проложенные рельсы, а от Дружинино на восток вели новые. Лучшим отрядом на строительстве считался отряд Козаченко. Среди руководителей работ был и пионер строительства инженер Белоцерковский.

Нынче праздник на Урале,
Бьем разруху, бьем беду...
Слава новой магистрали,
Слава честному труду! —

писал в газете «Уральский рабочий» безымянный поэт...

Незаметно подошло лето. С равнин трудармейцы поднялись к уральским увалам, лопаты пришлось сменить на пироксилин и рвать горные породы, укреплять туннели, возводить виадуки...

И вот наступило первое июля. «Новый путь связал

Урал и Сибирь с сердцем Советской республики — Красной Москвой,— сообщалось в передовой статье «Уральского рабочего». — Слава мозолистым рукам, работавшим на постройке новой железной дороги! Слава и честь Запасной (Трудовой) армии, выковавшей новую победу на бескровном фронте! Слава труду! В той трудовой войне, которую рабочие и крестьянские массы ведут с голодом, холодом и нищетой, главным участком является транспорт. Вот почему открытие движения по линии Москва — Екатеринбург — одна из самых блестящих побед на транспортном участке трудового фронта...»

...И с площади Уральских коммунаров по Верх-Исетскому бульвару, по бесконечным Опалихам к Палкинскому разъезду потянулись праздничные колонны демонстрантов. Трудящиеся и воинские части Екатеринбурга шли встречать первый поезд, прибывший из Москвы по только что законченной линии.

Около Палкинского разъезда была сооружена арка, украшенная зеленью и знаменами. Наверху алел плакат: «Победы фронта труда дадут победу на боевом фронте».

По бокам арки художники укрепили движущиеся макеты: с правой стороны кузнецы, кующие костыли для железной дороги, с левой — токари, работающие на маленьких ножных станках.

...Московский поезд не опаздывал. Под звуки «Интернационала» медленно подошел он к арке. А со стороны Екатеринбурга по параллельной линии двигался с приветственными гудками паровоз-«пермяк». После речей на плацу, рядом с железнодорожным полотном, состоялся военный парад.

С неменьшими почестями встречали первый поезд и на Екатеринбургском вокзале. А в 11 часов вечера в театре имени Луначарского открылось торжественное заседание, посвященное этому событию. Все высту-

пающие говорнли, что Трудовая армия закоичнла строительство железиой дороги к первому июля,— в срок, указаиный Владнмиром Ильнчем Леииным.

В конце заседаиия Владимиру Ильичу была отправлена телеграмма. Называлась она: «Привет с одного коица иовой дороги на другой конец...»

А в сентябре из Екатеринбурга в Москву, через Казань, иачалось регуляриое движеиие поездов.

Как открывали мемориальные доски

Когда оргаиизовался журнал «Уральский следопыт», то первые месяцы мы, его сотрудники, целыми суткамн были иеразлучны. Вечерами обсуждалн планы очередиых иомеров, с утра вслух читали поступающне илн добытые рукопнсн, после рабочего дия гурьбой бродилн по улнцам Свердловска.

Порой к иам прнсоединялись и члеиы редколлегин, средн которых своей плечистой фигурой выделялся пожилой человек с небольшой бородкой и с неизменно туго набитым портфелем. Часто, прерывая споры о проблематнке нового журиала, он вдруг спрашивал:

— А по какой улице мы идем?

— По улнце Хохрякова,— отвечалн ему, к прнмеру.

— А историю какого дома вы хотели бы сейчас узиать?

Можно было показать иа любой дом, н Леоинд Петрович Неверов тут же иачииал о нем рассказывать. А «следопыты», обступнв Леоннда Петровнча, забывали обо всем на свете. Его дару рассказчнка можно было позавидовать...

Самые иасыщеииые творческне периоды жизнн Леоиида Петровича Неверова были связаны со Свердловском. Газета «Уральский рабочнй», областиой краеведческнй музей, кинжное издательство н, наконец, журнал «Уральский следопыт».

Редкий сборник по истории Свердловска, который издавался в те годы, выходил без его статей, без его участия.

Дома у Леонида Петровича имелась собранная им с большой любовью и глубокими знаниями прекрасная краеведческая библиотека. Вел он и специальные записи о различных исторических событиях. Из этих записей можно было узнать о том, как, например, пермский губернатор пытался запретить туризм на Урале, или как в 1921—1922 годах в Екатеринбургском горкомхозе создавались специальные летучие бригады парикмахеров «в целях поднятия культуры». Особо интересовали Леонида Петровича памятники и памятные места нашего края, его замечательные люди.

Многое услышал я от него. Помог он мне раскопать материалы и об открытии первых мемориальных досок в нашем городе.

...В 1920 году, когда Свердловск еще назывался Екатеринбургом, утром 7 ноября через деревянный мост, который назывался Сплавным, на улицу Карла Маркса под звуки духового оркестра вступила стройная людская колонна. В ее рядах, чеканя шаг, шли депутаты Екатеринбургского Совета, члены губернского и уездного исполкомов, президиума 1-й Трудовой армии, губернского комитета РКП(б), губернского совета профессиональных союзов. Перед белокаменным двухэтажным домом под номером 13 колонна остановилась, оркестр смолк...

Но пока я прерву свой рассказ, и мы перенесемся в весеннюю Москву 1918 года. Тогда, 12 апреля, Совнаркомом был принят декрет «О снятии памятников, сооруженных в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической революции», получивший вскоре название плана монументальной пропаганды.

Идея этого плана принадлежала В. И. Ленину. Для его разработки он просил наркома просвещения А. В. Луначарского привлечь многих скульпторов и художников.

Ленин понимал, что разбуженный революцией народ, несмотря на лишения, которые приходилось переживать, тянется к просвещению, культуре, творчеству. И план монументальной пропаганды должен был претворить идею приближения искусства к народу, а народа к искусству.

Ленин намечал прежде всего сделать лапидарные надписи революционного содержания, предполагая разместить их на улицах и площадях.

— Еще важней надписей,— говорил он Луначарскому,— я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы. Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры. По этому списку закажите также временные, хотя бы из гипса или бетона, произведения. Важно, чтобы они были доступны для масс, чтобы они бросались в глаза...

К сожалению, почти все эти памятники не сохранились, так как их делали из недолговечных материалов. Но в деле пропаганды идей и мыслей новой России они сыграли огромную роль. Около них проходили митинги, торжественно пели «Интернационал», выступал с речами Владимир Ильич Ленин...

Теперь же вернемся снова в Свердловск. Этот уральский город — один из немногих в Советском Союзе, в котором остались мемориальные сооружения, установленные по ленинскому декрету. В день третьей годовщины Октября здесь открыли отлитые из чугуна мемориальные доски, увековечившие память основополож-

ннков научного коммуиизма К. Маркса н Ф. Энгельса, выдающихся деятелей междуиародиого рабочего движеиия К. Либкиехта и Р. Люксембург, а также героев граждаиской войны на Урале Н. Г. Толмачева н Л. И. Вайнера. На всех досках, за исключением одиой, посвящеииой К. Марксу, стоялн фирмеииые зиаки, говорящие о том, что делались эти доски на Каслинском заводе мастером Кашириимым. Это былн чугуииые плиты, в верхней частн которых — барельефиые портреты. Ниже барельефов — текст. Текст, кроме меморнальной доскн, посвящеиной К. Марксу,— прозаический.

Авторами памятиых досок сталн: К. Марксу — скульптор Шапошннков; Ф. Эигельсу, Р. Люксембург н Л. Вайиеру — скульптор Ваулниа; К. Лнбкиехту н Н. Толмачеву — скульптор Камбаров...

Самой первой открыли мемориальную доску, которой был отмечеи дом по улице Карла Маркса под номером 13. Доска с барельефом осиовоположиика иаучного коммуннзма находится на этом месте н в нашн дии. А доску, посвящеииую его соратнику Фрндриху Энгельсу, перенеслн недавио со старого деревяииого особнячка на стеиу иового девятнэтажого дома. На фасад академического театра драмы водружеиа теперь мемориальиая доска, увековечнвшая память Леоиида Вайнера. Раньше она украшала иаходившееся неподалеку угловое здание.

К иесчастью, когда перестраивалн кииотеатр «Совкиио», мемориальиую доску с барельефом К. Лнбкиехта повредили. Сейчас оиа установлеиа без барельефа.

А чугуииые памятиые плиты с барельефамн «Красной Розы» (Розы Люксембург) и Николая Толмачева, остались там, где оин и были...

Для открытия меморнальных досок в Екатернибурге выработалн особый церемоииал. Доска, украшенная хвойными веткамн, освобождалась от закрывающего ее щнта, перед иеи склоиялись красиые зиамена с чериой

каймой, оркестр нграл траурную мелодию. Затем выступалн ораторы. В заключение звучал «Интернационал».

Боевое задание

О Феликсе Эдмундовиче Дзержннском я впервые услышал от товарищей отца. Его имя они связывалн с ликвндацией разрухн на железнодорожном транспорте. Конечно, в то время мне было трудно представить всю огромную деятельность Дзержннского. Позднее, когда мой двоюродный брат Петя Соловьев, приезжавший из Москвы, вспомннал, что ему «руку жал сам Фелнкс Эдмундович», я смотрел на Петю с уваженнем. Ведь Дзержннскнй был наркомом путей сообщения! Это для меня тогда много значнло. В детстве я очень гордился професснeй железнодорожника: кроме отца железнодорожнникамн былн н оба моих деда.

Мне хочется рассказать о пребыванин Дзержннского в нашем городе.

Тяжелой была знма 1921/22 года для молодой Советской Россин. Из-за сильных морозов часто останавлнвался н без того скудный подвоз продовольствня, топлнва, сырья в промышленные районы страны, в Москву н Петроград. Засуха в Поволжье вызвала голод во многнх европейскнх губерниях страны. Хлеб ценился на вес золота. Кроме того, чтобы посеять его весной, требовалнсь семена, а их в центре не было. Правда, в далекой Сибнри хлеб и семена имелись, но их трудно было доставнть из-за разрушенных гражданской войной железных дорог. Поэтому Центральный Комитет партни решнл командировать туда Фелнкса Эдмундовича Дзержннского.

31 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании приияло решение:

«Предложить СТО (СТО — Совет труда и обороны.— *С. З.*) послать в Сибирь товарища Дзержинского в качестве уполиомочеииого СТО по урегулированию всех вопросов, связаииых с вывозом хлеба в части работы продовольственых, топливиых и железнодорожиых органов. Отъезд товарища Дзержииского ускорить всемерно».

5 яиваря 1922 года специальиый поезд двииулся от платформы Ярославского вокзала в Москве на восток. Феликс Эдмуидович взял с собой сотрудииков ВЧК и ТОВЧК (траиспортиый отдел ВЧК), ибо в Сибири еще оставалось миого вражеских белогвардейских элементов и саботажииков. Нужно было очистить от иих советские учреждеиия. В поезде также ехали ответственные работники Цеитрального комитета профсоюза транспортиых рабочих, представители Цеитрального управлеиия железных дорог и адмииистративного управления, главиый иинспектор путей сообщения, фииаисисты и т. д., всего сорок человек. Все они должны были мобилизовать на местах людей иа выполнение боевой задачи по вывозке хлеба, изменить старые формы и методы работы.

Совет труда и обороны выдал Дзержинскому иаличными сто миллиардов рублей *, чтобы ои личио мог фииаисировать местиые органы власти и траиспорт.

Первым городом, в котором экспедиция Дзержинского сделала остаиовку, стал главиый траиспортиый узел Урала — Екатериибург.

* В то время покупательная способность денег падала катастрофически. Она уменьшалась с каждым днем. Так в 1921 году в Москве на рынке пуд ржаной муки стонл 120 000 рублей, пуд пшена — 192 000, пуд картошки — 20 600. Починка обувн стонла 25 000—30 000 рублей, стирка «штуки белья» в прачечной — 1000 рублей. Проезд на трамвае стонл 500 рублей за перегон между двумя остановками.

Еще 6 января Феликс Эдмундович прислал в УралОКП (Уральский окружной комитет по перевозкам) телеграмму, в которой просил подготовить ему материалы о мерах, принимаемых в Екатеринбурге по переброске продовольственных грузов в центральные районы. А 7 января ои провел со своими сотрудииками совещание, чтобы уточнить план действий экспедиции в Екатеринбурге, и поднял вопрос о налаживании более тесной связи железной дороги с ЭКОСО (ЭКОСО — экономическое совещание) и хозяйствеииыми оргаиами.

В заключеиие Дзержинский отметил, что «Сибирь, богатая продовольствием, и Урал, имеющий в своем распоряжении транспорт, металл и топливо, могут и должиы добиться органической связи друг с другом».

На том совещании был и председатель Уральского промбюро Д. Е. Сулимов. Ои рассказал Феликсу Эдмуидовичу о встрече с представителями УралОКП, которые обещали сделать все от них зависящее, чтобы не сорвать план перевозок. Начальник Пермской железной дороги * обязался «рассосать транспортную пробку в течеиие двух дней». Управлению Пермской дороги было предложено как можно скорей вывезти уголь с Чусовского участка.

«9/I — запросить об исполиении»,— пометил у себя в записиой киижке Дзержинский.

Так с первых шагов работы экспедиции был устаиовлен контроль за всеми принимаемыми решениями.

В. Матвеев, один из сотрудников Дзержинского, впоследствии вспоминал об этом совещании:

«Из его простой, деловой вступительной речи каждый из нас узнал не об облегчении общих тяжелых условий предстоящей работы и не об уменьшении той от-

* Управление железной дороги было переведено из Перми в Екатеринбург еще в 1919 году. Но до середины тридцатых годов дорога продолжала иазываться Пермской.

ветственности, которая лежала на каждом из нас, а о том, что Дзержинский с доверием относится к добросовестности командированных в его распоряжение сотрудников, что он хотел бы, чтобы каждый участник экспедиции работал как полноправный ее член, свободно проявлял свою инициативу, самостоятельно и ответственно разрешал текущие вопросы в сфере своей специальности и, когда нужно, во всякое время и без всяких перегородок чиновничьей иерархии обращался к нему за указанием, советом и помощью. Одновременно с этим каждый увидел человека, который, получив ответственное правительственное задание, не уедет из Сибири, не выполнив полностью задание» («Железнодорожник», 1926, № 8).

8 января в Екатеринбурге состоялось второе совещание экспедиции совместно с транспортными и хозяйственными работниками Урала. Проходило оно в здании Уральского экономического совета, там, где теперь находится на проспекте Ленина консерватория имени Мусоргского. Председательствовал Дзержинский. Речь шла о подготовке Пермской железной дороги к предстоящей усиленной перевозке сибирского хлеба. Феликс Эдмундович поднял вопрос о возможности ремонта паровозов и вагонов силами Уралпромбюро и управления военных сообщений. Он считал, что ресурсы для этого можно отыскать на месте. Интересовали его и вопросы ускоренного движения поездов, состояние железнодорожных путей, охрана груза. Для ускорения движения Дзержинский предложил удлинить тяговые участки.

Участники совещания создали специальную комиссию из представителей Уралпромбюро, военного ведомства, профсоюзов и управления дороги. Комиссия должна была «в трехдневный срок выяснить все возможности ремонта паровозов и вагонов для Уралпромбюро, выработать необходимые для этой цели мероприятия и о результатах сообщить т. Ф. Дзержинскому...»

Феликс Эдмундович провел в Екатеринбурге совещание политработников Пермской железной дороги, разъяснил его участникам все стоящие перед ними задачи. Узнав, что многие политработники, особенно низового звена, испытывают материальные затруднения, Дзержинский срочно телеграфировал в Народный комиссариат путей сообщения и в Центральный комитет профсоюза транспортных рабочих:

«На совещании с политработниками Пермской железной дороги выяснилось, что партработники на транспорте... в течение трех месяцев не получают ни от партийных, ни от транспортных органов содержание и продовольствие. Для устранения этого ненормального явления считаем возможным, ввиду ограниченного количества таких работников, принять их на денежное и натуральное довольствие из общего фонда НКПС... Ввиду того, что этот вопрос имеет значение для всего транспорта и требует санкции ЦК РКП, просим в одно из ближайших заседаний транспортного п/отдела ЦК РКП принять его на обсуждение».

12 января «Уральский рабочий» в передовой статье «Боевое задание» писал: «В связи с боевым заданием центра, данным Сибири на вывозку в центр России 6 миллионов пудов имеющегося на станциях хлеба,— на Пермскую железную дорогу выпадает трудная задача по транзиту этого хлеба через Урал. Не подлежит никакому сомнению глубокая важность этой задачи, первостепенное ее значение в ряде других серьезных заданий различным органам советского аппарата. На это указывает также и то обстоятельство, что для организации переброски хлебного груза на Урал и в Сибирь приехал народный комиссар путей сообщения тов. Дзержинский...

...На совещании местных органов с тов. Дзержинским выяснилось, что технически, с имеющимися у железной дороги средствами, задание в общем выполнимо, необ-

ходимые материальные и денежные средства будут даны...»

Из Екатеринбурга Дзержинский выехал в Омск, а на Пермской железной дороге началось «оживление» паровозов. К 7 февраля из двадцати девяти «Декаподов» («Декапод» — марка паровоза.— *С. З.*), назначенных к ремонту, двадцать два уже были готовы. Остальные, отремонтированные, вышли на линии 20 февраля. Транспортные ЧК Пермской и Самаро-Златоустовской железных дорог выделили специальных комендантов и команды для сопровождения и охраны продовольственных сибирских грузов.

В Екатеринбургской губернии 22 января состоялся общегубернский субботник помощи голодающим. А в конце месяца стало известно, что Сибревком и уполномоченный ВЦИК и СТО Ф. Э. Дзержинский объявили работу по вывозке продовольствия на всех железных дорогах Сибири и Урала ударной.

В. Матвеев, вспоминая, как на одной из станций их поезд встал на запасный путь, чтобы пропустить идущие на запад хлебные маршруты, пишет: «На фоне белой снежной пустыни высокая фигура вышедшего из своего вагона Дзержинского в серой шинели и кожаной шапке. Из вагона выскакивают, направляясь к нему, члены экспедиции, а навстречу им бодрый, веселый голос Дзержинского:

— Вот все кричат: транспорт разрушен, останавливается, а вот смотрите, смотрите... Идет, назло всем нашим врагам движется.— И, секунду помолчав, громко, властно бросает куда-то в пространство: — И пойдет!..»

9 сентября 1977 года на здании Уральской государственной консерватории имени Мусоргского была открыта мемориальная доска. Так свердловчане отметили столетие со дня рождения одного из выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства.

Под звуки гимна СССР с мраморной доски упало покрывало, и те, кто собрались на торжество, могли прочесть:

«В этом здании в январе 1922 года на совещании уральских железнодорожников выступал председатель ВЧК, нарком путей сообщений Ф. Э. Дзержинский».

Уральская область

3 ноября 1923 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление о введении в действие Положения об Уральской области. В этом постановлении, подписанном М. И. Калининым, говорилось: «Образовать из губерний: Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской — Уральскую область с центром в городе Екатеринбурге».

До Великой Октябрьской революции Урал не один раз перекраивался на различные губернии и уезды. Но это разделение преследовало одну узкую цель — административную. Хозяйственные особенности уральских территорий царскими чиновниками во внимание не принимались.

Центральная часть Урала входила в состав Пермской губернии, и Пермь была как бы столицей обширного края *. Но фактически столицей Урала давно уже стал Екатеринбург, расположенный в самом центре горных заводов. Кроме того, он был и самым крупным на Урале железнодорожным узлом. А по административному положению Екатеринбург считался всего лишь уездным городом.

---

* Считалось, что Урал — это губернии Вятская, Пермская, Уфимская, Оренбургская. К Уралу также иногда относили и часть Тобольской губернии.

После Октябрьской революции сразу началась перестройка всей уральской территории. В Екатеринбурге, городе с большими революционными традициями, возникли областные органы: и партийные, и административные. И хотя вспыхнула гражданская война, уральские большевики не забывали о будущем народном хозяйстве своего края. П. Войкову, комиссару снабжения Уралсовета, и инженеру А. Кузьмину было поручено составить проект внутреннего административно-территориального деления Урала по производственному принципу...

Когда Урал вновь стал советским, прерванная работа по административному переустройству возобновилась *. Из Пермской губернии выделилась Екатеринбургская, из частей Оренбургской, Уфимской и Тобольской образовалась Челябинская, появилась Тюменская губерния. Одновременно перестраивались уезды и волости.

В Екатеринбурге постепенно начали складываться областные организации: партийные, профессиональные, кооперативные. Одновременно велась кропотливая работа по изучению административного устройства Урала. Губернское деление оставляло желать много лучшего. И поэтому, когда в Москве встал вопрос о полном изменении всей административной системы страны, о ликвидации старых губерний, уральцы горячо поддержали эту идею.

О новом районировании весной 1923 года говорилось и на XII съезде партии. Съезд постановил: провести в качестве опыта районирование на Урале, а также и на Северном Кавказе. Урал был намечен как промышленный край, Северный Кавказ — как сельскохозяйственный.

Почему именно в первую очередь был взят Урал? Да

* Еще в марте 1919 года по инициативе В. И. Ленина была образована Башкирская автономная республика.

потому, что в послереволюционные годы он уже успел сложиться как областная единица, хотя и не имел еще официальных областных органов. Уральский экономический совет чисто управленческими функциями не располагал, что по-настоящему затрудняло его работу. Образование единого облисполкома было на Урале одним из главных пунктов повестки дня. Кроме того, Урал быстрее других районов страны почувствовал потребность в ином административном делении и, благодаря ранее проделанной работе, был уже готов к новому районированию.

Вопрос об этом обсуждался 17 июня 1923 года на пленуме Госплана, а 18 июня ВЦИК окончательно решил районировать Урал по-новому. Началась подготовительная работа. И в ноябре Положение об Уральской области согласно решению XII съезда РКП(б) было утверждено третьей сессией ВЦИК десятого созыва.

10 декабря 1923 года зрительный зал Екатеринбургского оперного театра имени Луначарского заполнили делегаты первого областного съезда. Над входом в театр висел большой кумачовый плакат:

«Привет хозяину Уральской области — 1-му областному съезду Советов!»

Открыл съезд Д. Е. Сулимов, тогдашний председатель Уральского областного экономического совета.

— Согласно постановлению ВЦИКа,— сказал он в своем вступительном слове,— новое Положение об Уральской области вступает в силу с момента открытия областного съезда Советов...

Уральская область, первая область в Советском Союзе *, просуществовала до января 1934 года. В отведенных ей границах она представляла из себя своеобразный производственный комбинат. Входили в этот комбинат

* Северо-Кавказский край был образован в 1924 году. Центральный город Ростов-на-Дону.

промышленные районы, расположенные в основном вдоль Уральского хребта, сельскохозяйственные — центральные и южные части Предуралья и Зауралья, лесные — север Предуралья и Зауралья и районы рыболовно-охотничьи — Тобольский Север.

Но в конце первой пятилетки встал вопрос об ином делении Урала. Управлять такой большой административной единицей в новых экономических условиях стало уже трудно. И в январе 1934 года Уральская область разделилась на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую. А в октябре 1938 года из состава Свердловской области выделилась и Пермская...

...Узнать историю Уральской области мне помог тоже Леонид Петрович Неверов.

«Взвейтесь кострами...»

Сейчас никто не удивляется, когда летом по улицам Свердловска мчатся автобусы, украшенные знаменами. Из автобусов доносятся веселые песни, звуки горнов и барабанная дробь. Все знают, что это едут в лагеря или уже возвращаются оттуда пионеры.

Но перенесемся в 1923 год. Июньским днем, по направлению к Верх-Исетскому пруду, по улице Ленина движется необычная процессия. На телегах лежат свернутые брезентовые палатки, ящики с посудой, котлы, рядом в широкополых фетровых шляпах шагают мальчишки и девчонки с красными галстуками. Звучат слова песни:

> Ах, картошка, объеденье,
> Пионеров идеал,
> Тот не знает наслажденья,
> Кто картошки не едал...

Это первые свердловские, тогда еще екатеринбургские, пионеры отправляются в свой лагерь. Датой рож-

дения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина считается 1922 год. Именно тогда пионерами стали называть членов детских коммунистических групп, возникших в Москве.

Первый пионерский отряд в Екатеринбурге был создан в начале 1923 года при коммунистическом клубе. Находился клуб в том здании, где теперь театральный факультет Уральской консерватории. Но губком РКСМ понимал, что один отряд — капля в море. А для организации новых нужны вожатые. Поэтому на склоне горы Светлой, около Верх-Исетского пруда, решено было создать пионерский лагерь и сделать его школой для подготовки вожатых. Губернский съезд комсомола поддержал это предложение.

Различные расчеты, сметы для лагеря, планы, программы составили первые вожатые: Михаил Бородин, Евгений Упоров, Борис Рукавишников, Анатолий Черепанов, Анатолий Суворов. Руководил ими работник губкома РКСМ Леонид Тютрюмов. За помощью обращались в различные екатеринбургские учреждения и всюду встречали поддержку. В военном ведомстве, например, получили палатки и котлы, в отделе губернского народного образования — деньги на продукты. На одном из складов обнаружили более ста фетровых шляп. Они и стали как бы лагерной формой...

Первым горнистом в первом уральском пионерском лагере был Герман Усталов, ученик слесаря с электромеханической фабрики. Рано утром, в 6 часов, по его сигналу «Довольно спать, пора вставать!» пионеры вскакивали со своих постелей и после уборки в палатках бежали на гимнастику, а потом на пруд, купаться. После завтрака расходились на практические занятия. Вначале это были работы по сооружению бытовых помещений. Приходилось самим возводить палатки для хранения продовольствия, клубную палатку, столовую, расчищать место для спортивных площадок. Потом, когда все это

было сделано, стали учиться строить шалаши, раскладывать и разжигать костры, отыскивать и распознавать следы, стрелять из лука.

Перед сном у большого костра собирались все звенья. Они назывались «тиграми», «оленями», «орлами». Смотря по тому, в чем отличилось звено днем, ему и присваивалось соответствующее звание. При свете костра пионеры слушали рассказы уральских большевиков о революционной работе, о недавней гражданской войне. Часто ставились самодеятельные концерты, которые всегда начинались и кончались любимой пионерской песней тех лет — «Картошкой».

Впоследствии Анатолий Суворов вспоминал:

— Была и такая любимая форма самодеятельности — приключенческий рассказ собственного сочинения с продолжением. Начинал его один автор, а продолжали другие; и часто рассказ затягивался на несколько дней. Сколько замечательных приключений происходило с его героями! И вместе с героями переживали и слушатели, переживали и мечтали стать похожими на них. Уходить от костра не хотелось, но горнист свято помнил о своих обязанностях. Ровно в десять часов вечера по лагерю разносились звуки горна: «Спать, спать, по палаткам!..»

А на мачте развевался красный флаг, на котором можно было прочесть слова: «Тот, кто встал под наше знамя, не воротится назад!».

В лагере находилось восемьдесят ребят, то есть почти половина пионеров Екатеринбурга. Сейчас в любой школе Свердловска их больше в несколько раз! Но уже в сентябре 1923 года, когда начался новый учебный год, пионерская организация в городе выросла до четырехсот человек. Газета «На смену!» писала тогда: «После полуторамесячного пребывания в лагере на Верх-Исетском пруду екатеринбургские пионеры вернулись в город. Лагерь носил инструктивный характер и подго-

товил 50 вожатых и около 20 инструкторов, которые будут обслуживать город и уезды. В городе начинается организация четырех дружин при 17 группах, с расчетом на 400 пионеров».

Герман Усталов, например, стал вожатым одного из новых пионерских отрядов, а затем вожатым дружины при типографии «Гранит».

Когда в 1962 году отмечалось сорокалетие Всесоюзной пионерской организации, то редакция журнала «Уральский следопыт», где я в то время работал, решила посвятить этой дате специальный номер. И я заказал молодому журналисту, а ныне известному детскому писателю, лауреату премии Ленинского комсомола Владиславу Крапивину очерк о Германе Усталове. Свой очерк Крапивин так и назвал «Горнист». В 1962 году Герман Алексеевич работал в системе трудовых резервов. «Здесь были нужны его знания инженера,— писал В. Крапивин,—и в то же время он мог быть вместе с ребятами, которые чем-то напоминали Генку-слесаренка».

Вот тогда-то я и встретился с первым пионерским горнистом нашего города. Также заходил в редакцию «Следопыта» и Анатолий Суворов. Оба они много рассказывали о лагере на склоне горы Светлой. Рассказы их мне хорошо запомнились...

...Минуло пятьдесят лет, и у подножия этой горы в августе 1973 года собрались те, кто когда-то сидел у костра в первом уральском пионерском лагере. Их, правда, осталось уже не так-то много. Вместе с ними на то историческое место прибыли сводный отряд вожатых Свердловска, отряд городского пионерского штаба «Маяк», военно-патриотический отряд «Поиск» и другие.

И снова взлетел на мачту красный флаг. Право поднять его было поручено старшему вожатому первого

лагеря Михаилу Бородину. А затем, после торжественной линейки, начались те самые игры, которыми занимались пионеры 1923 года. Играли в «городки», в «третий лишний», «Машу-Пашу», стреляли из лука. Каждый отряд в тот день выпустил свою стенгазету. Выпустили ее и ветераны. А в заключение, вечером, был зажжен костер. И на поляне в наступившей тишине прозвучала клятва свердловских пионеров семидесятых годов, клятва верности пионерским традициям...

Участник Великой Отечественной войны летчик-истребитель С. Черноскутов писал А. Суворову:

«1923 год я считаю самым радостным в своей жизни. Вспоминаются картинки из лагерной жизни на горе Светлой: дожди, галеты, консервы, беседа у костра... Я думаю, что все наши ребята и сейчас не забыли навыков, которые получили в коммунистическом клубе и в лагере на горе Светлой. Когда я работаю в воздухе, иногда вспоминаю их, думаю: а где остальные ребята, пионеры того времени? Вероятно, все работают на общее дело. Не должны они быть другими. Ведь мы вместе ходили в походы с «Картошкой», вместе обещали быть большевиками...»

Более шестидесяти лет прошло с той поры... Где же вы теперь, те немногие свердловские пионеры, участники первого лагерного сбора?

Сам я в пионерскую организацию вступил, когда учился во втором классе, в школе имени Некрасова. Школа находилась на углу улиц Радищева и Добролюбова.

Шел второй год первой пятилетки. И мы, пионеры, понимали тогда мир как радостную стройку, как большой добрый дом, где нам надо учиться, работать во имя своей Родины.

А старое и враждебное продолжало путаться под ногами. И нам приходилось вести с ним долгую и упорную борьбу. Методы этой борьбы у нас были самые раз-

личные. Наверное, старожилы Свердловска помнят, как в один из июньских дней 1930 года по улице Ленина двигалась странная процессия. Впереди в длинных темных балахонах с траурными повязками на рукавах шли четыре подростка. На плечах они несли черный гроб. А за ними под звуки горнов и барабанов шагали веселые пионеры. Они пели: «Взвейтесь кострами, синие ночи!», «Через речку перешли» и другие песни того времени.

Прохожие удивленно останавливались. Что это за необычные похороны? Но те, кто подходил поближе и с любопытством заглядывал в гроб, начинали смеяться. В гробу лежал... ремень, самый обыкновенный поясной ремень с пряжкой. В чем же было дело?

Во многих семьях тогда еще существовали дедовские обычаи: основой воспитания в них считались телесные наказания. И вот свердловские пионеры, выражая протест против таких обычаев, избрали столь неожиданную форму — решили торжественно сжечь ремень.

В те дни на площади имени 1905 года возвышался пьедестал, оставшийся от дореволюционного памятника императору Александру II. В 1930 году этот пьедестал сослужил свою последнюю службу. Именно на него и был поставлен гроб с ремнем.

Хоронили ремень с шуточными речами. Затем под возгласы «ура» черный гроб подожгли. И пока он горел, все смеялись, хлопали в ладоши и пели. А когда остались только тлеющие угли, их залил из огнетушителя дежурный пожарный. Пустой же пьедестал вскоре снесли: начиналось благоустройство площади.

В 1930 году пасха и рождество на календарях уже не отмечались красными числами, как это было раньше. Но находились родители, которые в те дни запрещали своим детям являться в школу. И нам, пионерам, приходилось вести борьбу за этих ребят. Мы заранее готовили цветные плакатики с броскими надписями: «Противо-

поставим поповскому ханжеству, темноте и обману нашу хорошую учебу, здоровый отдых и разумное развлечение». Эти плакатики раскладывались на партах, вывешивались в коридорах. Детей из религиозных семей мы старались приглашать на свои отрядные и звеньевые сборы, специально для них готовили маленькие антирелигиозные пьесски, которые ставили в школе в большие перемены на самодельной сцене. Старались также в дни церковных праздников устраивать коллективные походы в кино на самые любимые наши фильмы — «Красные дьяволята», «Ванька и Мститель», «Абрек Заур», «Адрес Ленина», «Кастусь Калиновский», «Закройщик из Торжка».

Вот и приходилось задумываться тем, кто собирался быть дома в дни церковных праздников, где интересней: в школе с пионерами или в семье. И чаще всего победа оставалась за нами.

В 1933 году я первый раз поехал в пионерский лагерь, в село Бобровку. Там еще действовала церковь. И вот в какой-то религиозный праздник, какой — сейчас уже не помню, пионеры решили устроить свой, пионерский. В тот день мы дали два больших концерта и пригласили всех жителей села. Я выступал в дуэте Пата и Паташона. В то время это были два известных датских кинокомика. Пат — худой и длинный, а Паташон — толстый и маленький. Мне пришлось, благодаря комплекции, исполнять роль Пата. Текст мы с Паташоном, а его изображал Михаил Гофман, погибший позднее на фронте в дни Великой Отечественной войны, сочинили сами.

Первые слова принадлежали мне:

С Паташоном мы сейчас
Займемся лагерной политикой.

Затем вступал Михаил Гофман:

Всех покроем в один час
Здоровой юной критикой.

И дальше продолжали оба вместе:

Говорить будем о том,
Как мы в лагере живем.

И мы говорили довольно долго о тех недостатках, которые были и в нашем лагере, и в жизни села. Не забыли помянуть и о религиозных праздниках. Правда, все это звучало несколько наивно, но на зрителей действовало.

В общем, в тот день церковь была пустой. Почти все жители села с удовольствием смотрели и слушали пионерские концерты.

Я хорошо помню и те гнëвные митинги, которые проходили в школах, в дружинах, отрядах, когда мы узнали об убийстве Павлика Морозова. Враги новой жизни не собирались сдаваться. И их жертвами становились не только взрослые, но и пионеры. И мы клялись быть такими же стойкими борцами за социализм, каким был Павлик Морозов.

О любимом художнике

Летом 1925 года я жил с родителями на даче в Малом Истоке. Сейчас это рабочий поселок Кольцово, вошедший в черту Свердловска. Рядом находится аэропорт. А тогда Малый Исток был небольшой деревенькой, окруженной со всех сторон сосновыми лесами. Был пруд, на три четверти заросший водорослями, но еще достаточно красивый, около железнодорожного полотна огромная лужайка. И на ней я часто видел пожилого человека в полотняной куртке и панаме. Он сидел перед маленьким этюдником на складном стуле и рисовал бродивших рядом кур, свиней, телят и жеребят. Местные жители и дачники меж собой уважительно называли его «художник».

Сорок лет спустя, листая в библиотеке подшивку

издававшегося в 1925 году в Свердловске журнала «Товарищ Терентий», я нашел заметку: «Л. В. Туржанский». В ней сообщалось, что художник Леонард Викторович Туржанский «нынешнее лето опять проводит в деревне Малый Исток. Проводит не в качестве дачника-гостя, а за самой напряженной работой... Сейчас им закончены три большие полотна: «На карасьем озере», «В полдень», «Ясный день», кроме того — десятка четыре этюдов различной величины. Большие картины пойдут на выставки... Преобладающие сюжеты его работ — деревенские, его натурщики — коровы, лошади, свиньи, куры, особенно же хороши у него простые коняги...» Рядом были репродукции названных картин и портрет Туржанского.

И я сразу вспомнил пожилого художника и заинтересовался его творчеством.

Известность у Леонарда Викторовича Туржанского в старой России была. Хотя и не особенно громкая. И пришла она к нему довольно рано. Первые его работы появились еще на выставках передвижников, в 1905 — 1906 годах, две картины попали в Третьяковскую галерею, три — в нынешний Русский музей (тогда он именовался музеем Александра III).

Долгая жизнь Туржанского в искусстве началась на Урале. В справочнике «Город Екатеринбург», изданном в 1889 году, есть список врачей, их адреса. Доктор Виктор Андреевич Туржанский жил на Златоустовской (ныне улица Розы Люксембург) в доме 30. Дом сохранился до сих пор; в нем 9 февраля 1875 года и родился будущий художник.

Способности к рисованию у Леонарда Туржанского обнаружились в раннем детстве. Отец и мать поощряли их. Друг семьи Н. М. Плюснин, учившийся в Петербургской академии художеств, стал заниматься с мальчиком.

Отцу по служебным делам часто приходилось выез-

жать на заводы Урала, он брал с собой сына, и тот близко узнал и полюбил своеобразную уральскую природу. Каждое лето семья жила на даче в Малом Истоке, ставшем для Леонарда Туржанского самым близким и родным местом.

В 1898 году он поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Преподавали там замечательные художники — А. Васнецов, Н. Касаткин, К. Коровин, К. Савицкий, В. Серов. Но молодому Туржанскому больше всего нравилось заниматься у анималиста А. Степанова. Наверное, поэтому потом ему так удавались зарисовки животных, особенно вислогубых крестьянских лошадей. В них он всегда отыскивал какой-то определенный выразительный силуэт. Недаром среди знатоков и любителей живописи впоследствии появилось выражение «туржановские лошадки».

По жанровой и портретной живописи учителем Туржанского был Валентин Серов. В его мастерской, как писала впоследствии искусствовед С. Глобачева, Туржанский «начал учиться умению видеть композицию в жизни, отбрасывая все лишнее, создавать выразительные произведения». В дальнейшем, рисуя постоянно с натуры, художник развил в себе эти качества.

Окончив в 1907 году училище, Леонард Викторович становится профессиональным художником. Летние месяцы он проводит на Урале, в Малом Истоке *, работая над картинами для передвижных выставок. Он не писал их по старым традициям классической живописи, а по-своему переносил на полотно то, что видел вокруг себя. Леонард Викторович считал, что самое важное — это умение передать на холсте состояние природы, ее красоту, ее прелесть, заключенные в каждом ее пусть даже секундном моменте. И получалось, что многие

---

* В 1913 году Туржанский выстроил в Истоке небольшой домик. Поздиее пристроил к нему мастерскую.

мотивы, не замеченные другими мастерами, были для Туржанского в его работах большой, самобытной, серьезной темой.

Особенно привлекали художника уральские туманные утра и тихие вечера. Порой его работы — это маленькие этюды. Их сохранилось много, и некоторые были представлены на последней московской выставке Туржанского в 1959 году. Журнал «Огонек» писал тогда: «...Этюды передают бросившийся в глаза и пленивший художника тот или иной кусочек жизни. И даже в них он стремится найти образное истолкование природы. Поэтому все этюды смотрятся как целостное картинное изображение...»

Хотя Туржанского и считали пейзажистом-лириком, но он не был равнодушным к судьбам страны. Известно, что еще после 1905 года в екатеринбургском журнале «Гном» появлялись его карикатуры, высмеивающие реакционные порядки в России. Когда белогвардейцы и интервенты захватили в 1918 году Екатеринбург, Леонард Викторович не стал сотрудничать с ними и категорически отказался эвакуироваться в Сибирь.

В ночь с 14-го на 15-е июля 1919 года город был освобожден. И для художника началась новая полоса творчества. Когда Екатеринбург в ноябре 1919 года впервые отмечал годовщину Великого Октября, Леонард Викторович был среди тех работников искусства, кто деятельно помогал городу готовиться к празднику. «Весьма активное участие в украшении города принимали Туржанский и Елтышев,— писал в «Записках уральского художника» Н. Сазонов.— На их долю досталось выполнение наиболее крупных живописных панно на улицах. Трудились они не считаясь ни со временем, ни с тяжелыми условиями...» После возобновления занятий в Екатеринбургской художественно-промышленной школе Леонард Викторович стал одним из ее ведущих преподавателей.

У Туржанского было немало учеников. Среди них и известный уральский пейзажист И. К. Слюсарев. Двенадцатилетним мальчишкой он попал в Екатеринбург из деревни Черноскутовой, родные определили его подручным в хлебную лавку, но Слюсарев хотел учиться рисованию. И однажды ему сказали, что на базаре появился настоящий художник, который сидит и рисует лошадь. Слюсарев бросился искать этого «настоящего» и увидел Туржанского. Они познакомились, затем подружились, и Туржанский оказал заметное влияние на творчество Слюсарева.

Однажды я встретился с одним из учеников Л. В. Туржанского — Б. А. Шишкиным. И Борис Александрович рассказал:

— В 1927 году я с Олегом Бернгардом занимался у Ивана Кирилловича Слюсарева. Что-то ему, видимо, в нас нравилось, и он решил представить нас Леонарду Викторовичу Туржанскому. Тот жил в Москве, но почти каждое лето приезжал в Малый Исток. Знакомство состоялось, и вскоре мы начали брать уроки также и у Леонарда Викторовича...

Б. А. Шишкин с большим чувством благодарности вспоминает мягкого, влюбленного в искусство художника. Небольшого роста, с бородкой, в широкополой шляпе, в стареньком макинтоше, он всегда пытливо вглядывается в натуру, которую рисует, и уверенными мазками переносит на холст то, что видит и что чувствует.

Работе было подчинено все его пребывание в Малом Истоке, да и вся жизнь. Работал он с раннего утра до позднего вечера. Когда видел что-нибудь примечательное в рисунке, восклицал: «Во!» Сколько чувств в этот возглас он вкладывал!

Быт Туржанского в Малом Истоке был простым и скромным. Мастерская с бревенчатыми стенами, крохотная печь, кровать, комод, стол и несколько табуре-

ток. На стенах висели его работы: дача золотопромышленника Рязанова, зарисовки цветов, портреты неизвестного и неизвестной. Новые сохнущие этюды он всегда раскладывал на полу.

— Уроки наши начинались в девять утра,— продолжал Б. А. Шишкин,— длились часов пять-шесть; в дождь писали из окон мастерской. Часто использовали одни и те же мотивы, но при разном освещении и в разное время суток... Без работы Леонард Викторович сидеть не мог, но если уже выпадали свободные минуты, то, покуривая трубочку, он рассказывал нам о встречах со знаменитыми художниками, с Шаляпиным, с Гиляровским. Звали мы его за глаза и в глаза «отче», вкладывая в это слово свою любовь и уважение к большому мастеру, делившемуся с нами своим мастерством.

«Не любя, не понимая натуры,— не один раз повторял Леонард Викторович,— не напишешь и простого этюда...»

В тридцатые годы Туржанский много работал по заказам над картинами из колхозной жизни. Обращаясь к своим постоянным сельским темам, он успешно решал их созвучно новому времени. Сумеречные тона вытеснялись светлыми, появлялся на полотнах и человек, который обычно отсутствовал в его прежних произведениях. Человек работающий, человек — в деле.

Когда началась Великая Отечественная война, шестидесятисемилетний художник приехал в свой любимый Малый Исток. Но вскоре тяжело заболел. Родные при первой же возможности перевезли его назад в Москву. Там 31 марта 1945 года Леонард Викторович скончался. В некрологе газета «Советское искусство» писала: «Мы потеряли в лице художника замечательного пейзажиста и замечательного человека. Художественное наследство, оставленное им, войдет как ценнейший вклад в сокровищницу русского искусства...»

Картины и этюды Туржанского хранятся сейчас в

лучших музеях и галереях страны: в Третьяковской, в Ленинградском Русском музее, в Свердловской, Пермской, Тюменской и т. д. Есть они и за границей.

Как-то я был в Белоруссии и неожиданно для себя в Минском государственном художественном музее обнаружил целый отдел, посвященный Туржанскому.

— Почему у вас так много работ Туржанского? — спросил я.

— А у нас все очень любят его,— ответили мне.

Да, произведения Туржанского волнуют до сих пор. В них мы чувствуем красоту и поэзию даже в самых простых и на первый взгляд неприметных явлениях окружающей действительности. Почитатели таланта Туржанского называют его певцом Урала...

В 1983 году в Москве издательство «Художник РСФСР» выпустило альбом репродукций Леонарда Викторовича.

«Пролетарка»

Это было в конце 1925 года, в то время я уже ходил в детский сад. Один из моих сверстников как-то похвалился:

— А мы с папой в воскресенье в театр собираемся. «Кота в сапогах» смотреть.

Вечером дома я сказал отцу:

— Хочу на «Кота в сапогах».

Сказал... и забыл. Но отец просьбу мою запомнил. И в воскресенье мы поехали в извозчичьей пролетке в театр.

Этот сараеобразный деревянный театр в Свердловске помнят, наверное, немногие. Находился он на площади Коммунаров. Выстроило его Екатеринбургское общество попечительства о народной трезвости и торжественно открыло в сентябре 1900 года.

Именно в этом театре екатеринбуржцы видели известных артистов — В. Ф. Комиссаржевскую, М. В. Дальского, К. А. Варламова, братьев Роберта и Рафаила Адельгеймов и многих других корифеев нашей сцены. Выступал здесь и А. Л. Дуров.

В 1905 году, в бурные дни первой русской революции, в здании театра проходили политические митинги. В них принимал участие и Я. М. Свердлов. Когда началась империалистическая война, театр превратили в казарму для военнопленных. В гражданскую при отступлении из Екатеринбурга колчаковцы основательно его разрушили. Но уже осенью 1919-го он был восстановлен и торжественно назван «Пролетарским». Рабочий зритель звал этот театр просто и ласково — «Пролетарка».

Один из любителей театрального искусства, еще более старый свердловчанин, чем я, С. З. Кузнецов рассказывал:

— Театр (особенно оборудование сцены) был сильно поврежден. На установку декораций уходило, например, так много времени, что антракты затягивались, а само представление становилось очень продолжительным. Нередко спектакли оканчивались где-то около двенадцати-часу ночи и даже позднее. Но публика, жадная до искусства, легко прощала это. Из постановок первых сезонов мне особенно запомнились «Гибель «Надежды» и «На дне», в которых я участвовал как статист. Спектакли ставились спешно, репетиций было мало, а наш брат статист порой получал инструктаж, что делать и как держать себя на сцене, только перед открытием занавеса. Мы даже не всегда знали содержание пьесы: из-за этого, конечно, не обходилось без курьезов. Вспоминаю такой случай. В пьесе Горького «На дне», когда артистка, исполнявшая роль Наташи, по ходу действия заплакала за кулисами (как известно, Наташу обварили кипятком), статисты бросились к исполнительнице и испуганно закричали: «Что с вами, что с вами?» Ведущему

спектакль пришлось отгонять их от Наташи и срочно объяснить, что плач есть в тексте у Горького...

Однако, несмотря на все неурядицы, в театре всегда было многолюдно. Зрители после спектаклей шли толпами по проезжей части улицы Ленина и горячо, наперебой обсуждали игру актеров и содержание пьес.

В «Пролетарке» одновременно с классическими спектаклями ставились и первые произведения советских драматургов: «Яд» А. Луначарского, «Николай I и декабристы» Н. Лернера, «Предательство Дегаева» В. Шкваркина, «Воздушный пирог» Б. Ромашова. В сезоне 1925 года наибольший успех имел «Воздушный пирог», он был гвоздем сезона.

По понедельникам, когда оперный театр имени Луначарского не работал, «Пролетарка» занимала его сцену.

В начале 1925 года в Свердловск на гастроли приезжал народный артист РСФСР И. Н. Певцов *.

Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Г. Шебуев, игравший в «Пролетарке», впоследствии писал мне: «Мы были в Свердловске началом постоянного драмтеатра... и сейчас отрадно вспомнить тщательную, плодотворную работу всего нашего коллектива».

Но шло время, здание деревянного театра ветшало, становилось небезопасным в пожарном отношении, и его решили снести...

А воскресный дневной спектакль для детей в «Пролетарке» «Кот в сапогах» остался в моей памяти до сих пор.

---

* В 1934 году он снялся в кинофильме «Чапаев» в роли полковника Бороздина.

Праздники

15 июля — день освобождения Урала от белогвардейцев и интервентов — в двадцатых и начале тридцатых годов отмечался в Свердловске не только торжественными собраниями, но и грандиозной инсценировкой на городском пруду. Называлась она «Взятие Екатеринбурга Красной Армией».

Газета «Уральский рабочий» заранее сообщала читателям о начале празднования и приглашала желающих «расположиться на обоих берегах пруда». В назначенное время красноармейцы с полной боевой выкладкой под гром холостых пушечных залпов форсировали пруд и устремлялись в атаку на «белогвардейцев»...

...В начале двадцатых годов на многих собраниях уральцы высказывали пожелание о сооружении памятника Якову Михайловичу Свердлову. В марте 1923 года в Екатеринбурге на торжественном заседании, посвященном 25-летию образования РСДРП, было вынесено решение — объявить конкурс на лучший проект памятника Свердлову.

«Для выяснения и обсуждения всех вопросов по сооружению памятника Я. М. Свердлову» (как указывалось в протоколе заседания секретариата Уралбюро ЦК РКП(б) от 3 марта 1923 года) была создана специальная комиссия. Ее председателем назначили Бела Куна, одного из организаторов и руководителей венгерской коммунистической партии. В то время он находился в нашей стране и возглавлял в Екатеринбурге отдел агитации и пропаганды Уралбюро ЦК.

По условию конкурса памятник должен был прежде всего выражать «идею, которой отдал всю свою жизнь Я. М. Свердлов, идею борьбы за коммунизм через диктатуру рабочего класса. Вместе с тем в памятнике должны быть запечатлены портретные черты Я. М. Свердлова

и ярко выражен характер его личности, убежденного, сильного, непреклонного организатора и борца за рабочее дело».

К сожалению, итоги конкурса, подведенные в конце 1923 года, не дали положительных результатов, и проект памятника через некоторое время был заказан ленинградцам — академику архитектуры М. Я. Харламову и архитектору С. В. Домбровскому.

Заказчикам очень хотелось, чтобы авторы памятника изобразили Якова Михайловича Свердлова «оратором, призывающим рабочую массу сурового Урала к упорной борьбе и восстанию». Харламов и Домбровский учли это пожелание, и скоро их скульптура была принята специальной комиссией. Ленинградский завод «Красный выборжец» отлил бронзовую фигуру, а гранитный постамент сделали на месте. По замыслу авторов постамент «символизировал дикую природу Урала».

Место памятнику выбрали не сразу. Сначала хотели его поставить на привокзальной площади Свердловска, затем на площади Народной мести (сейчас эта площадь носит название Комсомольской), наконец остановились на площади Парижской Коммуны около оперного театра. В те годы рядом с ней проектировалась постройка Дворца Советов, и памятник Я. М. Свердлову мог гармонично войти в этот ансамбль. На постаменте, по решению исполкома городского Совета, были выбиты слова: «Якову Михайловичу Свердлову (товарищу Андрею) — уральские рабочие».

15 июля 1927 года, в восьмую годовщину освобождения нашего города от белогвардейцев и иностранных интервентов, памятник был открыт. На его открытии с речью выступил секретарь Уральского обкома ВКП(б) Н. М. Шверник.

А ровно через год в тот же день был заложен один из первенцев социалистической индустрии Уралмаш.

15 июля 1933 года «отец многих заводов», как образно сказал М. Горький, вступил в строй...

Особенно торжественно отмечали свердловчане свой праздник в пятую и десятую годовщину.

В июле 1924 года Екатеринбургский губпрофсовет и Екатеринбургская окружная камера инспекции труда постановили: день 15 июля, день пятилетней годовщины освобождения Урала от колчаковщины, считать праздником и включить его «в число особых дней отдыха».

Праздник этот уже 14 июля в 18 часов начали екатеринбургские пожарные. Добровольные дружины и профессиональные команды провели в честь него специальные маневры. А в 20 часов в оперном театре имени Луначарского открылось торжественное заседание. С докладом выступил Д. Е. Сулимов, будущий председатель совнаркома РСФСР, а тогда председатель Уральского облисполкома.

Массовый всенародный праздник начался утром следующего дня на площади Уральских коммунаров около братских могил. Самыми первыми сюда прибыли пионеры, затем на автобусах, а их в Екатеринбурге в тот год имелось всего лишь два, инвалиды гражданской войны и кавалеры ордена Красного Знамени. Стройными колоннами подошли красноармейцы, представители заводов, фабрик и учреждений.

Начался митинг. В самом его начале один из членов окружкома РКСМ объявил о переименовании Екатеринбургской пионерской организации в пионерскую организацию юных ленинцев. Юным ленинцам было вручено знамя, а двенадцать человек из них стали в то утро комсомольцами.

Работницы текстильной фабрики имени В. И. Ленина в честь пятилетней годовщины освобождения Урала от колчаковщины передали подшефному 170-му полку рабочее знамя, собственноручно вышитое на холсте.

А прибывшие на митинг тагильские работницы вручили свое знамя всей стрелковой дивизии.

В отчете, напечатанном в газете «Уральский рабочий», указано, что во время митинга «трещал киносъемочный аппарат». К сожалению, не удалось установить фамилию оператора. Но снятые им кадры вошли в один из выпусков «Госкинокалендаря». Так в 1923—1924 годах назывался всесоюзный киножурнал.

Празднование десятой годовщины начали дети. 14 июля 1929 года для них прошли утренники по особой программе, а вечером в городских садах были большие гуляния для взрослых. В кинотеатрах в тот день все сеансы проводились бесплатно. Демонстрировались художественные фильмы тех лет, рассказывающие об Октябрьской революции и гражданской войне: «Седьмой спутник», «Луна слева» (с участием совсем еще молодых Н. Черкасова и Б. Чиркова), «Законы шторма», «Лесная быль». На берегах пруда воинские части показывали свою традиционную инсценировку.

В шесть часов вечера в оперном театре имени Луначарского председатель горсовета А. Н. Бычкова, ныне Герой Социалистического Труда, открыла торжественное заседание. На нем присутствовала делегация москвичей, специально прибывшая на праздник. Во время заседания участники гражданской войны, находившиеся в зале, были награждены Почетными грамотами. В заключение гастролировавший в то лето в Свердловске театр имени МГСПС (ныне театр имени Моссовета) показал спектакль по роману Д. Фурманова «Мятеж».

А на другой день, воскресным утром, свердловчане собрались около своих заводов, фабрик, предприятий и учреждений и двинулись на демонстрацию. Участники освобождения Екатеринбурга выстраивались в специальных рядах. После окончания демонстрации все отправились на гулянье в Зеленую рощу. Зеленой рощей в те

времена называлось место, где теперь возвышаются корпуса Уральского политехнического института.

«Пусть останется сегодня город один, накаленный, пышащий жаром,— писала газета «Уральский рабочий».— В нем — только старики и маленькие дети и чуждые нашему празднику неорганизованные».

В Зеленой роще перед собравшимися выступали на самодеятельных эстрадах и на полянах оперные и эстрадные артисты, участники живой газеты. Мой отец взял меня на этот праздник. И даже прочитал мне статью из газеты. В ней говорилось примерно так: «Завтра — мирное строительство, пятилетка, социалистическое соревнование. Завтра нужно работать. И праздник освобождения Урала от Колчака в Зеленой роще — неплохая зарядка для завтрашнего дня, для будней строительства...»

...Когда-то в Свердловске был ипподром. Сейчас на его месте, за Дворцом молодежи, раскинулся красивый сквер. И от старого ипподрома уже ничего не осталось. А раньше свердловчане любили бывать здесь и на бегах, и на скачках. Там же проходили и большие конноспортивные праздники — необыкновенно яркое зрелище.

Один из таких праздников, посвященный Первому областному слету животноводов-колхозников, состоялся в июне 1934 года. Открылся он выездом гужевого обоза горпотребсоюза. Огромные лошади-тяжеловозы с короткими хвостами из породы клейдесдалов и арденов везли по беговым дорожкам телеги, нагруженные кирпичом. А вдоль трибун в это время выстраивались лучшие лошади с уральских и сибирских конных заводов.

Общий восторг вызвал кавалерийский дивизион свердловской милиции, проскакавший на рысях по ипподрому под звуки духового оркестра. Затем милиционеры-кавалеристы показали свое спортивное мастерство. История сохранила даже некоторые фамилии. Особен-

ио отличились в этих состязаииях милициоиеры А. Кузьминых, П. Чистяков, С. Бекетов. И бурные аплодисменты вызвал А. Рожков, показавший мастерскую рубку лозы.

После того как милицейские коннники продемонстрировали свое искусство верховой езды, на беговых дорожках ипподрома прошли рысистые испытаиня. А в заключенне был «артнстнческий заезд», в котором приняли участне мастера цирка. И выиграл этот заезд скакавший иа Леуфе Владимир Дуров, будущий народный артист СССР. В июие 1934 года ои гастролнровал второй раз в Свердловске со своей четвероиогой труппой.

— С семи утра н до поздией иочи,— говорил тогда Владимнр Дуров,— я вожусь с этой неспокойиой семьей, учу каждого «артиста», а нх у меня около двухсот, в отдельностн.

Но молодой дрессировщик все-такн иашел время, чтобы выступнть на празднике кониого спорта...

...Как-то с Руфнной Мнхайловиой Чериаковой, бывшнм директором Дворца культуры имеии М. Горького, мы вспомииали первомайский праздиик 1936 года. Вспоминали не только воеииый парад и демоистрацню, ио и гуляиье, которое было вечером на площадн 1905 года...

Свердловчаие узнали о предстоящем «граидиозиом гуляиье» примерио за неделю. О нем писала газета «Уральский рабочий», сообщало местиое радно, напоминали афиши. Но иикто ие думал и ие предполагал, что оно пройдет как большой радостный кариавал, какого в городе еще не бывало.

В тот вечер движеине по площади 1905 года закрылн. Около трнбуиы иа трамвайиых рельсах стояла грузовая площадка, украшенная зеленью н кумачом,— своеобразная эстрада. На самой трнбуне, она совсем не иапоминала нынешнюю, камениую, с памятнником

В. И. Ленину, устроили деревянный настил — импровизированную сцену.

Около девяти часов вспыхнули огромные прожекторы, установленные на двухэтажном здании горсовета. А через минуту раздался сигнал фанфаристов... Гулянье началось!

Закружилась карусель, взлетели вверх качели... Руфина Чернакова и Степан Попов, массовики, поднялись на трибуну...

Площадь и прилегающие к ней улицы были заполнены свердловчанами. Организаторы гулянья постарались, чтобы никто в тот вечер не скучал. С шутками и прибаутками появилась целая группа, человек шестьдесят, в национальных костюмах народов Советского Союза. Кто-то экспромтом придумал такую игру: положил на мостовую глиняную корчагу. Желающие с завязанными глазами должны были ударить по корчаге кочергой. Но удары под дружный смех обязательно попадали куда-то в сторону.

Чернакова и Попов стали показывать зрителям массовые танцы. Им помогали баянисты Краевы. Затем на импровизированной эстраде устроили конкурс на лучшего танцора. Им оказался кузнец Уралмаша Печинин.

В Свердловске в те времена ни один праздник не проходил без духового оркестра. А в этот первомайский карнавал на площади 1905 года их было три! Расположились они в разных местах. И когда зазвучали в одном конце нежные такты вальса, а в другом — веселая мелодия фокстрота, переполненная народом площадь заколыхалась. Танцевали и около трибуны, и рядом, на улице Володарского (эта улица одна из первых в городе была покрыта асфальтом), и на тротуаре возле так называемого Делового дома. Словом, куда доносилась музыка, там и танцевали! Фокстрот сменялся танго, танго — гопаком, гопак — полькой. В тридцатые годы в Свердловске началось поголовное увлечение танцами,

увлекались и старые, и молодые. Во многих клубах действовали кружки по обучению танцам. Свердловчане их охотно посещали. Лучшим считался кружок при театре музыкальной комедии...

Не дремали и пиротехники. Один за другим вспыхивали фейерверки, бенгальские огни...

Уходить с площади никому не хотелось. Опустела она лишь часа в два ночи. Но у трибуны долго еще продолжали кружиться заядлые танцоры. Остановиться они никак не могли!

Наконец потухли прожекторы, и усталые музыканты сыграли прощальный марш....

Целый месяц вспоминали свердловчане об этом необычном и удивительном первомайском гулянье! Вспоминаю о нем до сих пор и я...

Улица моего детства

Сейчас эта улица — одна из самых длинных в Свердловске. По ней беспрерывным потоком движутся троллейбусы, автобусы, легковые автомашины, в дни Первого мая и годовщины Октября идут праздничные колонны трудящихся. От первого квартала до последнего она покрыта асфальтом, а по бокам, по ее газонам, летом зеленеют яблони, тополя, акации.

Начинается она около гостиницы «Центральной» и заканчивается перед Уктусом. Улицу эту, названную именем великого критика-демократа В. Г. Белинского, знает каждый свердловчанин.

Правда, она не самая старая в своем районе. Самая старая — ее соседка, Красноармейская, которая раньше звалась Солдатской, а еще раньше — Завальной. Имя Завальной ей дали потому, что находилась она за валом Екатеринбургской крепости...

В 1889 году из Сысерти по Челябинскому тракту вместе со своими родителями в Екатеринбург въехал будущий писатель Павел Петрович Бажов. Вспоминая впоследствии о своей первой встрече с городом, Бажов писал как раз о тех местах, по которым теперь пролегает улица Белинского.

«С южной стороны он (Екатеринбург) тогда начинался по линии нынешней улицы Фрунзе. Тогда она была еще одинарка, обращенная в сторону просторного выгона с пожелтевшей, пропыленной полянкой. Вправо от дороги, ближе к реке, виднелись здания, похожие на какой-то завод.

— Посудное заведение тут,— пояснил отец.

Слева к городу вплотную примыкал сосновый бор...

Столбов заставы в этой части не было. Около углового дома на левой стороне улицы длинные коновязи. На крыльце шумливые люди. Сразу видно — кабак. . .»

Так запомнилась Бажову южная часть улицы Белинского. Однако в те годы она называлась по-иному. Северная ее половина до реки Исети именовалась Никольской, а дальше — Байнауховской (первоначальное название — Рябовская).

Обе эти улицы были немощеные, летом пыльные, а весной и осенью с непролазной грязью, деревьев на них почти не росло, вместо тротуаров лежали каменные плиты различных размеров. Дома строились большей частью деревянные и одноэтажные.

6 ноября 1919 года Никольская улица получила свое новое название. Байнауховская же осталась с прежним. Но в конце двадцатых годов переименовали и эту улицу. И она тоже стала носить имя Белинского. Таким образом, вместо двух улиц образовалась одна.

Я хорошо помню улицу Белинского двадцатых и начала тридцатых годов, там прошло мое детство. Пожалуй, внешний вид улицы остался такой, какой был и до 1917 года. В самом начале улицы возвышался кос-

тел, выстроенный в шестидесятых годах прошлого века ссыльными польскими повстанцами.

Каждый вечер в костеле начинал играть орган, и как раз в это время на улицу выходили хозяйки, чтобы встретить своих коров. Пастухи гнали коров по улице Энгельса до пересечения с улицей Белинского. Здесь был как бы конечный пункт, дальше которого стадо не шло.

Все это считалось обычным явлением, а вот если на улице Белинского появлялся автомобиль, то мальчишки и девчонки бежали следом. Автомобиль в этих немощеных краях еще казался диковинкой.

Правда, все эти мальчишки и девчонки хорошо знали и про автомобиль, и про трактора, и про многие другие машины из книг. Советская власть дала права мальчишкам и девчонкам с улицы Белинского ходить в школу. Но одно дело — книги, а другое — увидеть своими глазами...

Никольская улица пересекала Сенную площадь, которую часто называли еще Конной площадью. И о ней говорит Павел Петрович Бажов в своей повести «Дальнее — близкое»: «Отец, не перестававший знакомить меня с городом, указав на мост, промолвил:

— Там вон, за мостом-то, квартал только подняться, и будет Конная площадь, куда лошадей-то продавать приводят.

Мне, разумеется, захотелось сейчас же хоть одним глазом взглянуть на эту площадь, но мои родители дружно заговорили, что ехать еще далеко, время к вечеру...»

В фондах Свердловского объединенного историко-революционного музея хранится фотография, датированная 1905-м годом. На Сенной площади, около улицы Никольской, на фоне единоверческой церкви (сейчас в этом реконструированном здании — клуб «Автомобилист») выстроилась екатеринбургская конная полиция. Видимо,

приготовилась для разгона демонстрации, а демонстрации в городе тогда проходили довольно часто.

Но прошло двенадцать лет, и на Сенной площади уже не гарцует конная полиция. Вскоре после Октябрьской революции, чтобы враги зримо могли убедиться в военной мощи Екатеринбургского Совета, центральный штаб местной Красной гвардии решил провести на Сенной площади — самой большой площади города — смотр красногвардейцев. В былые времена на ней, как уже говорилось, устраивались конные ярмарки. Теперь же огромное пространство пустовало. Правда, днем здесь играли окрестные ребятишки, ночью же площадь погружалась в беспросветную темноту, и никто из обывателей ни за какие сокровища не рискнул бы пересечь ее. В наши дни на этой площади разбит парк пионеров и школьников имени Павлика Морозова, выстроены жилые многоэтажные дома, корпуса факультетов Уральского госуниверситета, возведена телевизионная вышка.

И вот первый военный парад в Екатеринбурге после провозглашения Советской власти. Принимал его сам начальник Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии матрос Павел Хохряков.

Точно в назначенное время выравнялась на Сенной площади с оружием в руках, со знаменами первая тысяча красноармейцев Екатеринбурга. Из Оровайских казарм пришли с оркестром солдаты.

Стройными рядами промаршировали красногвардейцы, революционные солдаты мимо трибуны, на которой находились представители комитета РСДРП(б) и члены Совета. В заключение к участникам смотра с краткой речью обратился Хохряков. Он призвал красногвардейцев по первому сигналу выступить против врагов революции, и если будет нужно, то и кровью защитить молодую республику рабочих и крестьян.

— Наша борьба за светлое будущее,— закончил свою речь Хохряков,— зовет нас вперед!

7 ноября 1922 года на Сенной площади состоялся парад в честь первой круглой даты Октябрьской революции — в честь ее пятилетия. Репортаж об этом параде сохранился на пожелтевших страницах газеты «Уральский рабочий». Мне хочется привести его целиком: «Чем ближе к Сенной площади, тем гуще становились ряды спешивших к месту парада. На площади командующая тройка распределяет места. Время близится к 11 часам, скоро начнется торжество. Стоят линейные с красными флажками на штыках. Площадь окружена правильным четырехугольником выстроившихся воинских частей и рабочих организаций. Лес знамен с короткими лозунгами, говорящими о «Красном Октябре», о «мировом Октябре»...

Наконец площадь освобождена от глазеющих. Появляется вестовой с донесением командующему парадом о прибытии начальника гарнизона. По фронту пробегает команда «смирно», оркестр играет марш, и на площадь входит группа представителей Уралбюро ЦК РКП, Губисполкома, Губкома и Губпрофсоюза во главе с начальником гарнизона.

Они обходят части, поздравляют их с 5-й годовщиной Красного Октября. В ответ гремит дружное «ура!». Все моменты торжества фиксируются киноаппаратом. Предприимчивый оператор фотокиноотдела Эдуард Тиссэ буквально «вездесущ».

Он появляется во всех уголках Сенной площади, щелкает аппаратом, запечатлевающим происходившее.

Открывается митинг. Ораторы говорят о значении пролетарских завоеваний. Затем начинается церемония вручения знамени местному военному госпиталю от шефа — Полиграфкуста. Знамя очень красиво — на полотнище изображена сестра милосердия в белой косынке, склонившаяся над раненым.

Наступает момент дефилирования всех присутствующих на параде частей и организаций по площади.

Оркестры выходят к трибунам — и бодрые звуки марша встречают проходящие мимо стройные ряды красноармейцев. У всех проходящих четкий шаг, новая форма обмундирования.

Идут части ЧОН, идут допризывники. Движутся кавалеристы-курсанты с грациозно гарцующими впереди на породистых конях командирами. Оркестр пехотинцев к этому моменту сменился кавалерийским оркестром. Тоже на конях. Темп марша ускоряется, всадники переходят к легкому галопу. За кавалерией двинулись пожарные части, еще издалека сверкая медными касками. Впереди проезжает брандмайор города.

Прогромыхал последний пожарный обоз, и пошли различные организации, студенты рабфака, Уралуниверситета, учителя.

— Да здравствуют красные интеллигенты! — слышится привет.

Дальше идут текстильщики, горнорабочие, союз строительных рабочих — все производственные союзы демонстрируют свои силы.

Парад закончен. Манифестирующие двигаются к площади Уральских коммунаров — посетить могилы павших товарищей...»

А в морозный сумрачный день 1924 года на Сенной площади, на расчищенном от снега плацу, горели костры и стреляли пушки. В этот момент по всей стране гудели сирены и гудки паровозов, фабрик, заводов, а люди, не обращая внимания на холод и ледяной ветер, стояли без головных уборов и не стыдились слез. В тот день в Москве хоронили Владимира Ильича Ленина. Моя мать рассказывала, что она привозила меня, закутанного, на детских санках тогда на Сенную площадь...

В 1926 году началось строительство Центральной гостиницы. Строили ее почти вручную, а все материалы доставляли на лошадях. Центральная гостиница стала первой ласточкой преобразования улицы. Вслед за ней

заложили четырехэтажный жилой дом... Жители улицы Белинского прозвали этот дом под номером 8/10 «инженерским», так как создавался он на кооперативных началах инженерно-техническими работниками. Их товарищество называлось «Уральский старожил».

На Сенной площади начали возводить огромную школу (сейчас это здание занимают факультеты Уральского университета имени Горького). А за рекой Исетью, там, где улица Белинского пересекается с улицей Фрунзе, соорудили пожарную часть с каланчой.

Эта пожарная часть начала действовать осенью 1929 года. Была она в основном на конной тяге, имелся лишь один автомобиль. Зато звался он гордо — «Октябрь». Это имя было выписано золотыми буквами на его радиаторе.

Весной 1930 года развернулись работы по благоустройству центра Свердловска. Но улицы Белинского, если не считать асфальтированного тротуара около гостиницы, новшества коснулись не сразу. Только около моста через речку Малаховку, рядом с Сибирским проспектом (теперь улица Куйбышева), в темном каменном полуподвальном домике открыли магазин с оригинальным названием «Свиновод». В это же время в городе появилось еще два магазина — «Скотовод» и «Овцевод». Но все они просуществовали недолго. Те, кто придумал их, очевидно, предполагали, что в первом магазине будет продаваться лишь одна свинина, во втором — говядина, в третьем — баранина.

В конце двадцатых годов в той части улицы, которая продолжается за улицей Фрунзе, начали ходить автобусы. Они шли в Уктус, Нижнеисетск, Арамиль. А в квартале между улицами Энгельса и Карла Маркса в начале тридцатых годов вырос большой дом — общежитие облоно. Затем был выстроен жилой дом на углу улицы Энгельса.

Во время Великой Отечественной войны по улице

Белинского был пущен троллейбус. Тогда в Свердловск, в район Нижнеисетска, эвакуировали Киевский завод химического машиностроения. Завод требовалось связать с городом. И вот из Куйбышева по железной дороге доставили 25 небольших троллейбусов с деревянными корпусами, покрытыми листовым железом. К сожалению, все эти машины, уже бывшие в эксплуатации (в Куйбышев они попали из Москвы), пришли в негодность.

Что было делать? Решили выбрать из старых, отслуживших свой срок, помятых троллейбусов менее изношенные, поставить их на колеса и дополнить деталями, годными к употреблению, с других машин. В. Г. Сергеев, ставший позднее начальником объединенного ремонтного цеха Свердловского Октябрьского троллейбусного депо и получивший высокое звание Героя Социалистического Труда, рассказывал о тех днях так:

— Ремонтировали, кто как умел, не считаясь со временем. Не хватало инструмента. В ходу была кувалда. Я тогда только что окончил производственно-техническое училище. Особого навыка, понятное дело, не имел. Со мной из училища пришли Каменский, Машьянов. Тоже, как и я, электрослесари. Но без помощи многих старших товарищей, без оперативного руководства Александра Николаевича Федорова, который возглавлял все восстановительные работы, мы бы, конечно, намного затянули пуск первой троллейбусной линии...

И утром 17 октября 1943 года около пожарной части, где начинался маршрут, стояли шесть голубых свежевыкрашенных машин. Их водители специально ездили в Москву на трехмесячные курсы, чтобы освоить новую для нашего города профессию.

Под аплодисменты и звуки духового оркестра председатель горисполкома В. П. Головин перерезал красную ленту, и троллейбусы тронулись по улице Белинского в сторону Нижнеисетска. В самом первом сидели и стояли строители трассы, монтажники, ремонтники.

Опоры для контактной сети на всем протяжении пути были деревянные. Когда прокладывалась трасса, их из соседних лесов привозили на лошадях. Но под эти опоры требовалось шестьсот девяносто ям глубиной в два метра. Только где отыскать в военные годы огромную бригаду землекопов? И тогда исполком горсовета решил обратиться с просьбой к жителям тех домов, около которых собирались ставить опоры, чтобы они выкопали ямы. К нужному сроку ямы были готовы...

Зимой 1945/46 года троллейбусный маршрут продолжили до улицы Ленина, а затем — до железнодорожного вокзала...

Как менялась улица Белинского за последние годы, помнят уже многие. И за это время она изменилась больше, чем за все предшествующее. Там, где в двадцатых годах стояли частные дома Воронцовой и наследниц фельдшера Шумкина, выстроено здание публичной библиотеки имени Белинского; где находился «Свиновод» — огромный жилой дом. А сколько таких жилых домов, построенных в десять раз быстрее, чем Центральная гостиница, возникло на пустынных местах, мимо которых в 1889 году проезжал П. П. Бажов.

«Город в эту сторону вырос...— вспоминал он о тех местах через десять лет.— Улицы Сухаревская, Байнауховская, Гилевская, Бороздинская, которые тогда едва намечались, теперь вытянулись. Незастроенное пространство между городом и Уктусом потеряло характер выгона: здесь появилось много построек типа мелких предприятий...»

А в наши дни и это пространство стало современным городом.

Много интересных людей жило в свое время на улице Белинского.

Дом под номером 25 не сохранился. Второй этаж был деревянный, а первый — белокаменный. Владельцем

числился некий Ю. Дзимидович, сдававший весь низ прачке Анне Константиновне Митюниной. Митюнина же в свою очередь пускала к себе постояльцев и нахлебников. То, что они — жильцы особые, прачка, конечно знала. У нее, например, жил член Екатеринбургского комитета РСДРП, известный уральский революционер С. А. Черепанов.

В первых числах октября 1905 года Сергей Черепанов привел к Митюниной еще одного постояльца — Андрея. Это был Яков Михайлович Свердлов...

В начале 1957 года ученики седьмого класса школы № 40, где я был классным руководителем, захотели встретиться с дочерьми Анны Константиновны Митюниной — Августой Ивановной и Екатериной Ивановной. Жили сестры в то время по улице Энгельса, № 17а неподалеку от своей бывшей квартиры.

От Августы Ивановны и Екатерины Ивановны мы узнали, что Свердлов приходил на Никольскую не каждый день. Не хотел, видимо, подвергать опасности хозяев. Если же оставался ночевать, то целый вечер у Митюниных стоял смех, правда, приглушенный. Свердлов оказался веселым «нахлебником».

Чтобы никто не мог заглянуть случайно с улицы, окна в комнате старательно занавешивались. Но Свердлова хозяева все равно усаживали в глубокое кресло, повернутое спинкой к окнам.

В кухне, за печкой, в надежном месте, хранился гектограф. Напечатанные на нем листовки Августа Ивановна, в те дни еще просто Гутя, уносила в корзинках с выстиранным бельем в Оровайские казармы. Назад же, в грязном белье, она доставляла домой патроны. А Екатерина Ивановна ночами расклеивала листовки на центральных улицах. И Августа Ивановна, и Екатерина Ивановна признались, что тогда о настоящем имени и настоящей фамилии Свердлова они не имели понятия...

В декабре 1955 года отмечалось пятидесятилетие

первой русской революции, и сестры Митюнины за активное участие в ней получили высокие награды — ордена Трудового Красного Знамени...

Не сохранился по улице Белинского и дом под номером 11. Здесь проходили детские годы известного уральского революционера Леонида Вайнера, погибшего от рук белогвардейцев. Нет сейчас и дома № 28. В этом доме Вайнер жил позднее. Мой друг Павел Галкин, со слов своей матери, которая жила тогда тоже в том доме, рассказывал:

— Раз в неделю, по четвергам, накрыв косматой шубой граммофон, Вайнер уходил якобы к товарищам провести вечерок, а на самом деле — на партийные собрания. Граммофон же служил неплохим средством для конспирации.

В ноябре 1919 года именем Леонида Вайнера была названа бывшая Успенская улица.

Четырехэтажный каменный дом под номером 8/10 («инженерский дом») был заселен в конце 1928 года. Квартиру № 6 в этом доме занимал первый главный инженер Уралмаша, тогда еще Уралмашиностроя, В. Ф. Фидлер. За ним и за первым начальником производственно-технического отдела Уралмашиностроя И. К. Захаровым, который жил в доме под номером 33, каждый день, кроме воскресенья, приезжали зимой розвальни, а летом огромный тарантас. В начале 1930 года этот гужевой транспорт был заменен автомобилем. Я из окна, а обитала наша семья в доме, на месте которого теперь находится областная публичная библиотека имени Белинского, любил наблюдать за уралмашиностроевским автомобилем.

В том же доме, где и В. Ф. Фидлер, в квартире № 12 жила будущая народная артистка СССР В. В. Барсова. В сезон 1929/30 года она пела в оперном театре имени Луначарского.

На улице Белинского прошли детство и юность изве-

стного советского кинорежиссера, народного артиста СССР С. А. Герасимова. Он жил в доме под номером 35, отсюда в 1923 году уехал на учебу в Петроград.

Свердловские старожилы, наверное, помнят врачей И. А. Кусевицкого и С. П. Фридьева. Кусевицкий проживал по улице Белинского в доме № 20, а Фридьев — в доме № 6. Они организовали кружок любителей музыки, который, начиная с 1926 года, давал регулярные концерты и в домашних условиях, и в клубе медицинских работников, и в Деловом клубе.

Старые и малые жители наших кварталов хорошо знали и свердловского Айболита, ветеринарного врача И. Грабя-Мурашко. Дом его находился в начале второго квартала улицы Белинского, на четной стороне. Я однажды носил к нему на лечение своего черного кота Коршуна.

В послевоенные годы спортивную честь Свердловска по тяжелой атлетике защищал не только свердловчанин Аркадий Воробьев, но и заслуженный мастер спорта Николай Саксонов. На соревнованиях в Стокгольме он стал чемпионом мира, а в Хельсинки — призером Олимпийских игр. В детстве Николай Саксонов, или, как его тогда звали, Кокша, проживал по улице Белинского в доме № 19. Напротив этого дома после Великой Отечественной войны жила чемпионка мира по конькам среди женщин 1955 года Римма Жукова. В Свердловске, на стадионе «Динамо», она впервые вступила на лед. Сама Римма Жукова так вспоминала о том времени:

— Когда привели меня на этот самый стадион «Динамо» к тренеру Евгению Ивановичу Сопову, я была еще девочкой с косичками. Евгений Иванович посмотрел на меня и сказал грозно: «Спорт — не танцы». Как ни странно, это и решило мой выбор в пользу коньков: ведь характер у меня уже и в то время был упрямый...

А деревянный дом № 33 (сейчас его уже снесли) связан с молодыми годами заслуженного мастера спорта,

неоднократной чемпионки РСФСР по стрельбе среди женщин Веры Бурденко.

В школе № 11 (ныне здание университета на пересечении улиц Белинского и Куйбышева) учился и жил в небольшой квартире полуподвального этажа Анатолий Бурденюк, с которым я был знаком, будущий штурман экипажа бомбардировщика Николая Гастелло. Отец Толи работал в этой школе завхозом.

Там, где неподалеку от Минска на шоссе Молодечно — Радошковичи самолет Гастелло врезался в танки фашистов, теперь возвышается огромный обелиск. У его подножия на камне надпись:

«26 июня 1941 года здесь совершил бессмертный подвиг экипаж Героя Советского Союза Николая Гастелло».

Тут же, на стилизованных крыльях, высечены фамилии членов экипажа: А. А. Бурденюк, Г. М. Скоробогатый, А. А. Калинин.

В личном деле А. А. Бурденюка * мы можем прочитать: «...окончил 9 классов школы № 11 имени Кирова в Свердловске. В комсомоле с 1939 года. В Красную Армию вступил добровольно...»

Летом 1938 года Аким Иосифович Бурденюк, держа в руках повестку с вызовом в военкомат, изумленно говорил:

— Не понимаю... Ничего не понимаю... По-моему здесь все напутано... Тебя вызывают в наш райвоенкомат...

— Ошибки, папа, никакой нет,— пояснил Анатолий, забирая у отца повестку.— Меня действительно вызывают.

— Тебя?!

Пришлось открыть тайну. Оказывается, Анатолий уже не один раз побывал в райкоме ВЛКСМ, горячо и

* Это личное дело сейчас находится в Минске, в музее истории Отечествеиной войны.

настойчиво доказывал, что шестнадцатилетний возраст — не помеха.

— Я ж, смотрите, всех вас выше и в плечах шире, — говорил он работникам райкома, — и сила у меня есть, в авиамодельном кружке занимаюсь...

В райкоме наконец дали Анатолию рекомендацию и направили в военкомат. Там как раз проходил набор в Челябинское штурманское училище.

Аким Иосифович был твердо убежден, что его сына торжественно выставят и скажут: «Ждем через два года», — но ошибся. Как ни пытались врачи придраться к Анатолию, но в конце концов развели руками и заявили, что этаких молодцов следует отправлять в авиацию вне всякой очереди. И сам военком, смерив взглядом рослого черноглазого юношу, подписал заявление...

Челябинское штурманское училище Анатолий Бурденюк закончил по первому разряду. 8 августа 1940 года ему было присвоено звание лейтенанта.

«Теоретическую программу усвоил отлично. Штурманское дело любит и знает», — с такой характеристикой Бурденюк прибыл в 207-й авиационный полк 42-й бомбардировочной дивизии. Там он попал в четвертую эскадрилью, которой командовал Гастелло.

Во многих городах, в том числе и в Свердловске, есть улица Героя Советского Союза Гастелло. Кроме того, в Свердловске второй учебный корпус Уральского госуниверситета отмечен мемориальной доской. Когда я прохожу мимо, то всегда читаю слова, выбитые на ней:

«В этом здании в бывшей школе № 11 в 1931—1938 годах жил и учился Анатолий Акимович Бурденюк, штурман экипажа Н. Гастелло, совершивший 26 июня 1941 года свой бессмертный подвиг».

Есть на мемориальной доске и барельеф героя-штурмана. 25 января 1958 года Анатолий Бурденюк был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени...

Одна лишь улица Свердловска. Но сколько связано с ней интересного! Будет хорошо, если кто-нибудь из молодых жителей этой улицы продолжит мой рассказ.

Первый директор Уралмаша

Пожалуй, уже мало кто из свердловчан помнит, что в 1927 году на том месте, где теперь возвышается центральный универмаг, находилось недостроенное здание так называемой Товарной биржи. В нем в те времена размещалось много различных учреждений. Одно из них называлось управлением Машиностроя.

Как-то морозным днем от этого здания тронулся необычный конный поезд. В передней кошевке под медвежьими пологами разместились начальник Машиностроя А. П. Банников и главный инженер В. Ф. Фидлер. Следом за ними ехали начальники участков, плотники, лесорубы, печники и рыжебородый фотокорреспондент Л. М. Сурин. Замыкали длинный поезд десятки саней с кирпичом, пиломатериалами, паклей, инструментами.

Так начиналось строительство Уралмаша. Правда, слухи о будущей стройке ходили давно. Еще в 1920 году машиностроительный завод собирались проектировать на базе металлургического Верх-Исетского завода, но шла гражданская война, и выделить необходимые средства не было никакой возможности. Лишь через шесть лет, когда зарубцевались военные раны, по-настоящему развернулась подготовка к созданию завода.

Уралмаш должен был стать машиностроительным центром всего Урало-Кузнецкого промышленного комплекса.

Миновав железнодорожный вокзал, санный поезд медленно двигался по Пышминскому тракту. К дороге

вплотную подступал густой нетронутый сосновый лес. За одним из пригорков передние сани остановились. Надо было сворачивать влево, но на парах проехать оказалось невозможно: деревья тесно жались друг к другу. Пока лошадей перепрягали, начальник производственно-технического отдела Захаров (старший брат моего отца) и его помощник Андрюков, проваливаясь в сугробах, устремились вперед.

— Не торопитесь, — засмеялся Банников. — Целый год ждали. Потерпите... Минуты ведь остались. Простынете, а впереди еще работы много...

Лошадей поставили цугом — и «поезд» двинулся. Захаров и Андрюков с чертежами и картами сидели теперь в головной кошевке и внимательно всматривались в лесные прогалины. Наконец Захаров, замахав картой, радостно закричал:

— Стой, товарищи! Вот она, точка — центр площадки.

Банников выпрямился в санях во весь рост.

— Поздравляю, друзья, с началом работ! Речей говорить не будем, некогда. Илларион Константинович, командуй!

— Выгружать материалы, рубить первую будку! — раздался голос Захарова.

Сурин быстро приготовил свою фотокамеру...

Уральский завод тяжелого машиностроения проектировали в Свердловске с 1926 года. Занимались этим делом советские специалисты. И хотя проект еще не был окончательно готов, уже подбирались инженеры, размещались заказы на оборудование. Естественно, всю эту сложную работу должен был возглавить талантливый, инициативный человек. Им оказался Александр Петрович Банников.

Родился Александр Петрович Банников в семье слесаря Казанского порохового завода. В 1904 году ему, несмотря на все препятствия, удалось сдать вступитель-

ные экзамены в Глазовскую гимназию, но из седьмого класса за «дерзкое отношение» к священнику-законоучителю его исключили с «волчьим билетом». Банников решил податься на Урал. В Перми он с трудом устроился в реальное училище, на горнозаводское отделение. Жил впроголодь. Денег из дому не присылали, приходилось за гроши давать уроки сыновьям купцов и чиновников. В 1916 году Александр Банников получил аттестат и одновременно...—повестку из воинского присутствия.

В армии бывший реалист принял активное участие в революционной работе среди солдат. После Октября Пермский Совет назначил Банникова председателем местного штаба Красной гвардии...

В Оренбуржье зашевелился атаман Дутов. С первыми добровольцами помощником начальника отряда туда отправился Банников. После разгрома белоказачьего атамана молодой командир стал военным комиссаром города Осы. Он формировал воинские части, руководил борьбой с бандитизмом. Осенью 1918 года в западных уездах Пермской губернии было неспокойно. Сказывалась близость вспыхнувших в Ижевске и Воткинске эсеровских мятежей. Работников военкомата в деревнях кулаки встречали угрозами. Но Банников один появлялся в селах, выступал там на сходках и так образно и ярко говорил о новой власти, о Красной Армии, что крестьяне слушали, затаив дыхание, и вступали в красные отряды.

Когда белогвардейцев с их приспешниками навсегда изгнали с Урала, Банников перешел на советскую работу. Трудящиеся Перми избрали его председателем исполкома, затем он возглавлял Тюменский, а позднее Нижнетагильский окрисполкомы. Времени свободного, конечно, не было, но все-таки Банников урывал минуты для учебы: мечтал получить диплом инженера. И в 1923 году он сумел окончить практический металлургический институт в Перми.

Партия не ошиблась, направив Александра Петровича начальником строительства Уралмаша. Такой человек, как Банников, наделенный огромными организаторскими способностями, здесь был крайне необходим.

— Место, где строился завод, было сырое, полуболотистое,— рассказывал один из первых уралмашевцев Ф. Слесарев.— Под цехи завода и поселок уже был вырублен огромный массив векового леса. Для стока воды проложены канавы. На сыром замшелом пространстве торчали тысячи пней. Тайгу днем и ночью сотрясали взрывы — это расчищали площадку... Густой, дремучий лес подступал прямо к домам...

Важнейшими фигурами на стройке Уралмаша в то далекое время были землекопы и грабари-коновозчики. Всем приходилось нелегко. Трудились, не считаясь со временем. Часто после основной работы устраивались субботники: рабочие и служащие разгружали оборудование, прибывшее на стройку, убирали мусор, белили бараки.

И вместе со всеми на субботниках постоянно можно было увидеть широколобого, грузного, с доброй улыбкой человека в полувоенной форме, подпоясанного широким армейским ремнем,— руководителя строительства Александра Петровича Банникова. Он интересовался на стройке буквально всем.

Нередко шел в бараки к рабочим в сопровождении своих заместителей, начальников отделов, начальников строительных групп, снабженцев. И где-нибудь на полянке, под соснами, возникали непринужденные беседы. Александр Петрович разговаривал с рабочими, узнавал их нужды, обсуждал насущные бытовые вопросы, и если Банников что-либо обещал, каждый из тех, кого это касалось, брал себе на заметку его обещание, чтобы потом вовремя выполнить его. Эти собрания под соснами обычно кончались импровизированными концертами. Банников брал из рук неопытных гармонистов гармонь

и под собственный аккомпанемент распевал красноармейские песни...

15 июля 1928 года состоялась торжественная закладка Уралмашзавода. Выступая в этот день на митинге, Александр Петрович говорил:

— Закладка первого цеха машиностроительного завода — цеха железных конструкций — совпадает с великим днем освобождения Урала от Колчака. Товарищи! Белые банды могли сжигать мосты, разбирать и уничтожать по частям машины. Но белая банда не смогла уничтожить волю и неукротимую творческую энергию рабочего класса. Мы построим новый гигантский завод, мы дадим машины нашим металлургам, нашей горной и лесной промышленности...

После митинга уралмашиностроевцы и гости собрались у котлована. На первый камень в северо-восточном углу котлована легла медная доска с надписью:

«15 июля 1928 года, в день 9-й годовщины освобождения Урала от Колчака, заложен Уральский машиностроительный завод».

Кто-то крикнул:

— Ребята! Качать Александра Петровича!

Десятки рук подхватили начальника строительства, и он высоко взлетел над праздничной, шумной толпой.

— Пустите, друзья!..— шутливо просил Банников.— Ведь вам же самим меня потом отхаживать придется... Вот когда окончательно построим завод, тогда уж на здоровье. А пока за дело, за дело!

— Чтоб наш завод был чирьем в буржуазном глазу! — в азарте воскликнул какой-то курносый парнишка.

— Вот это правильно!..

Ровно через год, на три месяца раньше срока, цех металлоконструкций вошел в число действующих предприятий страны.

Потребовались высококвалифицированные кадры.

На Уралмашинострое организовался целый учебный

комбинат с различными техническими курсами и школами Центрального института труда. Лучшие производственники направлялись в вузы. Кадры ковались на ходу. Вчера еще неграмотные, темные деревенские парни и девушки становились к станкам. Порой, как вспоминал бывший начальник промышленного строительства Уралмашиностроя П. Н. Орехов, случались забавные истории.

Однажды потребовалось узнать, работает ли бульдозер, недавно доставленный на стройку. Банников вызвал к себе рассыльную Васену и попросил выяснить это у начальника парка механизации Богомолова.

Васена, позвонив от диспетчера по телефону, прямо так и спросила:

— Вышел ли на работу товарищ Бульдозер?

Богомолов в шутку ответил:

— Нет, бульдозер на работу сам не идет, его вести надо.

— Александр Петрович, товарищ Бульдозер на работу не идет, его вести надо, вроде больной...

Банников не стал смеяться, а объяснил рассыльной, что бульдозер — не человек, а новая машина...

— И ты на нем, Васена, станешь работать, — обнадежил он девушку.

И действительно, несколько месяцев спустя Васена уже работала бульдозеристом...

Я уже упоминал, что брат отца Илларион Константинович Захаров был на Уралмашинострое начальником производственно-технического отдела. Навещая его по воскресеньям, я встречал там иногда и Александра Петровича Банникова, в неизменной военной гимнастерке.

До чего же он был прост в обращении! Ко мне обычно обращался с шуткой, называл «Дружба». Как-то раз дядя собрался обклеивать комнаты обоями. А на чердаке кто-то из семьи отыскал мешок с керенками, оставшийся, видимо, от старого домовладельца. Керенками

именовались разменные деньги, которые в 1917 году выпустило Временное правительство.

Дядя рассказал Банникову о находке.

— Эти деньги в народе назывались «от кваса ярлыки»,— улыбнулся Банников и пояснил мне: — Они так назывались потому, что печатались на одной стороне бумаги и выпускались неразрезанными рулонами.

— Такие рулоны и затолканы в мешок,— добавил дядя.

— А можно их посмотреть?— сгорая от любопытства, попросил я.

— Конечно, можно! — разрешил дядя.

Мешок лежал на кухне. Дядя развязал его и протянул мне целый лист керенок.

— Илларион Константинович! — повернулся Банников к дяде.— Вот ты ищешь красивые обои... А зачем искать? «От кваса ярлыки» любые обои могут заменить! Вон какие они яркие...

Дядя, глянув на меня, серьезно ответил:

— Правильно, Александр Петрович... А племянник поможет обклеивать ими комнаты... Поможешь?

— И я охотно помогу! — добавил Банников.— Как, Дружба, согласен?

Мне, конечно, в голову не пришло, что они шутят, и я стал серьезно убеждать их отказаться от этой странной затеи. Дядя и Банников долго «не соглашались» со мной. Наконец рассмеялись:

— Неужели ты нас за таких чудаков принимаешь?..

Но чаще дядя и Банников вели между собой серьезные разговоры. Ведь строительство Уралмаша приобретало все больший и больший размах.

Трудности возникали на каждом шагу. Под видом рабочих на Уралмашинострой пробрались и бывшие белогвардейские офицеры и кулаки. И вот в подшипниках, в станках оказывался то насыпанный чьей-то вражеской рукой песок, то болты. Враги хитроумно

играли на очередях в столовых и магазинах, на нехватке промтоваров, на плохих жилищных условиях. Совершались и прямые террористические акты.

Не дремали и члены вредительских организаций, засевшие в различных научно-технических советах и экспертных комиссиях.

В начале 1929 года взволнованный Банников пришел на партийное собрание. В руках у него была телеграмма.

— Товарищи! Москва приказывает остановить наше строительство.

Собрание зашумело. Банников пустил телеграмму по рукам.

— Ошибка, поди, на телеграфе произошла,— неуверенно сказал кто-то.

Не закрывая собрания, коммунисты поручили Александру Петровичу и еще двум товарищам отправиться в город и по телефону связаться с Москвой (своей прямой связи Уралмашинострой еще не имел).

По тракту понеслись сани, запряженные тройкой лихих коней.

Вернулись посланцы из города поздней ночью. Коммунисты, уставшие после трудового дня, терпеливо ждали, не расходились. Оказалось, что стройку действительно останавливают, кредиты сокращают. Подробности, мол, будут сообщены письмом. Однако через день пришло не письмо, а новая телеграмма. Это был приказ о переводе строительства в Нижний Тагил. Созванное экстренное партийное собрание приняло решение: Банникову немедленно выехать в Москву и добиться отмены приказа. Коммунистов Уралмашиностроя поддержали областной комитет партии и облисполком.

Журналист Евгений Кригер, бывший тогда на Уралмашинострое, позднее вспоминал: «Чья-то злая рука тянулась к Уралу из Москвы, из Главметалла, душила стройку деловыми с виду, а по существу преступными

указаниями. Баииков был обязаи выполиять их. Но ои изворачивался, хитрил, обмаиывал иевидимого врага, а часто, осатанев, наотрез отказывался подчиняться распоряжеииям, благоиамерениым по форме, ио убийствеииым для будущего завода. Баиников чувствовал: кто-то пытается задушить Уралмаш еще в колыбели, задержать надолго, а то и вовсе сорвать сооружение гигаитского предприятия...

Не зиал ои тогда, что нити заговора от иачальиического кресла в главке тяиулись к тайиой парижской норе, откуда рябушинские, маиташевы, нобели инструктировали своих исполиителей, засевших в Главметалле, агентов коитрреволюциоииой промпартии. Не зиал этого Баииков. Но сердцем чуял иедоброе. Долг коммуииста, совесть честиого человека побуждали его, ие страшась гоиеиий, вступая в неравиый бой, строить и строить свой Уралмаш».

Неоценимую поддержку оказал Баиникову в Москве Г. К. Орджоиикидзе, он обещал выясиить, почему на строительство идут иелепые распоряжения, почему срывается фииаисироваиие. Орджоиикидзе в то время был иародиым комиссаром Рабоче-крестьяиской иинспекции, заместителем Председателя Совета Народиых Комиссаров СССР и заместителем Председателя Совета труда и обороны.

— Строить будем,— говорил возбуждеииый Банников, возвратившись в Свердловск.— Москва деиег дала.

В декабре Совет труда и обороиы прииял постаиовление, где Уралмашииострою придавалось исключительиое значеиие как одиой из крупиейших новостроек первой пятилетки.

Серго Орджоиикидзе сдержал свое слово. Особым его распоряжеиием всем хозяйствениым оргаиизациям предлагалось усилить снабжеиие Уралмашиностроя необходимыми материалами и оборудоваиием, направлять туда как можно больше рабочей силы.

Еще в августе 1929 года уралмашиностроевцы заложили ремонтно-механический цех, а вскоре начали строить каменные жилые дома. 13 августа на стройке появилась первая ударная бригада, возглавляемая слесарем А. Туревичем. А в начале следующего года состоялась первая конференция ударников-строителей Уралмаша. На конференции с докладом выступил Банников.

С нового года быстрыми темпами начали возводиться основные цеха завода: сталелитейный, чугунолитейный, термический, инструментальный, модельный, механический, кузнечно-прессовый. Днем и ночью, при свете костров, кипела работа в ту морозную зиму. Когда замерзший грунт не поддавался ни кайлам, ни лопатам, в ход шли стальные клинья и кувалды. Вместо прежних разнородных групп создавались участки с единым направлением работ — промышленного строительства, жилищного строительства, строительства водопровода, канализации, благоустройства и другие. Эта реорганизация благотворно сказалась на темпах. Стены недостроенного еще чугунолитейного цеха озарились огнем первой плавки. В эти дни Банникова срочно вызвали в Москву для доклада о ходе строительства. Прямо в вагон рабочие принесли ему только что отлитую круглую плитку с гербом Советского Союза. Это был рапорт о первой трудовой победе.

В марте 1931 года Уралмашинострой был выделен в самостоятельный район города Свердловска со своим райкомом партии и райисполкомом.

Пуск завода приближался. Но дел у Банникова не убывало. Он по-прежнему воевал с нерадивыми снабженцами, кричал что-то озорное, веселое в телефонную трубку бригадирам комсомольских бригад, давал прорабам новые и новые задания, утверждал встречные планы бригад, ездил в Москву к Серго Орджоникидзе.

Между тем незаметно подкрадывалась тяжелая бо-

лезнь. Александр Петрович старался ее не замечать, скрывал от семьи и товарищей. На вопросы о здоровье шутливо отвечал, дескать беспокоиться нечего, на Уралмашинострое есть доктор Касторский, который все знает, если потребуется, вылечит.

А партия поручила Банникову еще один важный пост — он был назначен начальником Востоксоюзстроя и одновременно продолжал руководить стройкой своего любимого детища.

Кипучая деятельность Александра Петровича продолжалась до самого последнего дня жизни. И для многих явилось полной неожиданностью траурное сообщение, опубликованное в газетах в середине апреля 1932 года. В нем говорилось:

«ЦК ВКП(б) выражает глубокую скорбь по поводу смерти преданного делу рабочего класса большевика-хозяйственника, одного из способнейших строителей крупнейшего предприятия социалистической индустрии Уральского машиностроительного завода А. П. Банникова».

Утром 19 апреля к перрону Свердловского железнодорожного вокзала подошел из Москвы траурный поезд. Уралмашиностроевцы бережно вынесли урну с прахом первого строителя. Похоронная процессия двинулась по той дороге, по которой четыре с половиной года назад ехал санный поезд. Но теперь это была не заснеженная глухомань. По широкому шоссе мчались автомашины, рядом пролегла трамвайная линия. А в лесу, где когда-то Захаров и Андрюков отыскивали центр будущей строительной площадки, возвышались почти готовые корпуса завода-гиганта.

Уралмаш, первенец первой пятилетки, готовился к пуску.

Рассказывают, что перед кончиной к Банникову в кремлевскую больницу зашел тогдашний Председатель Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимов, работавший дол-

гое время в Свердловске. И именно к нему были обращены последние слова Александра Петровича:

— Данила Егорович, как уральца, как руководителя прошу... не забывайте помогать заводу...

Похоронили Александра Петровича Банникова под салют винтовок и под печальные заводские и паровозные гудки у входа на Уралмаш. На могиле поставили небольшой скромный памятник. Одна из улиц Орджоникидзевского района носит теперь имя Банникова... Умер Александр Петрович совсем молодым, тридцатисемилетним...

Кавалеры ордена Ленина

На одном из стендов Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея экспонируется орден Ленина. Он не похож на тот орден, который мы привыкли видеть в наши дни: и по размерам чуть меньше, и ленинский барельеф, обрамленный колосьями, изображен на нем на фоне заводов, фабрик и трактора. Рисунок его выполнил художник С. Дмитриев; профиль Владимира Ильича Ленина он воспроизвел по скульптурному портрету, сделанному нашим земляком-уральцем И. Шадром.

Орден Ленина был учрежден 6 апреля 1930 года постановлением Президиума ЦИК СССР.

Через полтора месяца, 23 мая, в пятую годовщину со дня своего основания, им была награждена газета «Комсомольская правда». Среди первых кавалеров ордена Ленина мы встречаем азербайджанских нефтяников, Сергея Мироновича Кирова, коллектив Московского электрозавода. Есть в этом списке и свердловчане. Кто же они?

7 июля 1931 года Президиум ЦИК СССР наградил

орденом Леиииа «... за особо выдающиеся заслуги в области социалистического строительства, выразившиеся в удариой работе по практическому завершению на Верх-Исетском заводе производства высококачествеииого трансформаторного железа, импортировавшегося до последиего времени из-за границы, ударные темпы этой работы через встречный план и внесение рациоиализаторских предложеиий — тов. Федотова, электромоитера электропечи, тов. Калугина, старшего изложника электропечи, тов. Тюмеицева, мастера электропечи...».

Эти визовцы, члены бригады заводской электропечи, стали первыми в Свердловске кавалерами высшего ордеиа Советского Союза...

Шел третий год пятилетки. Коллектив старейшего в стране металлургического Верх-Исетского завода вместе со всеми тружениками Урала активио боролся за ее досрочиое выполнеиие. В ответ на постаиовлеиия ЦК ВКП(б)от 15 мая 1930 года и Совета труда и обороиы от 25 февраля 1931 года о развитии производства высококачественного траисформаториого железа, необходимого для развертываиия электромехаиической промышленности, бригада электропечи взяла обязательства: дать стране траисформаторный металл.

В дореволюциоиной России траисформаториая сталь ие производилась. Не производилась оиа в иашей страие и в двадцатые годы. Но в иачале первой пятилетки этот металл — сплав железа с кремиием, который обладает особыми магиитиыми и электрическими свойствами, потребовался в огромиом количестве. Выход был один: наладить его производство у себя.

«Освободим СССР от капиталистической зависимости в высококачествеином железе!» — таков был лозуиг визовцев, когда осваивалась выплавка траисформаториой стали...

Шел 1930 год. Слово «трансформаторка» стало, пожалуй, самым популяриым словом в Свердловске. Но

для налаживания выплавки этой стали требовалось много электроэнергии. А электроэнергией в те годы верхисетские кварталы питались в основном с электростанции имени Куйбышева. Ныне она закрыта из-за своей маломощности, да и в 1930 году не очень-то справлялась со своей задачей. Чуть перегрузка — и многие жилые дома оставались без света. Но жители не жаловались и уважительно говорили:

— На заводе «трансформаторку» варят... Энергия мартеновскому цеху нужна, поэтому нас временно и отключили...

И наконец 26 апреля 1931 года в 11 часов 20 минут мартеновская печь выпустила первую трансформаторную плавку, положив этнм начало производству электротехнического железа на мартеновских печах Советского Союза. Металл по химическому анализу вполне соответствовал техническим требованиям.

Однню из инициаторов выплавки трансформаторной стали, застрельщиком социалистического соревнования, организатором встречного плана стал парторг печн Павел Федотов. По его предложению суточная загрузка электропечи была увеличена с двух плавок до четырех. Активно помогал Федотову старший изложник канавы, профорг смены Николай Калугин. Он сумел так поставить работу, что в его смене совершенно устранился простой. Самым молодым членом этого коллектива был Алексей Тюменцев, совсем недавно выдвинутый на должность мастера. 23 апреля 1931 года он довел длительность процесса плавки вместе с посадом шихты до 4 часов 30 мннут против 7 часов 20 минут по встречному плану.

Большую помощь коллективу электропечи оказал Уральский институт металлов, который возглавлял С. С. Штейнберг. Профессор Штейнберг и многие визовцы, освоившие производство трансформаторной стали, тогда же были награждены орденами Трудового Крас-

иого Зиамеии. До 1955 года Верх-Исетский завод оставался едииствеииым в СССР поставщиком этой стали.

П. Федотову и А. Тюменцеву ие пришлось дожить до наших диеи. А Николай Иванович Калугии, выйдя иа пеисию, передал свой орден Свердловскому государствеииому объедииеииому историко-революциоииому музею. Вот его-то мы и видим сейчас иа музейном стеиде...

В 1932 году был создан новый образец ордена Ленина. Тот же образец ордеиа, которым были иаграждены Федотов, Тюмеицев и Калугии, вскоре стал уиикальным. Московская фабрика «Гозиак» выпустила его лишь в количестве 700 экземпляров...

Осенью тридцать первого...

8 сеитября 1931 года в 8 часов 55 миiут утра к первой платформе свердловского вокзала с восточной стороиы медлеиио подошел поезд. Резко блесиула на перроие сталь штыков красиоармейского почетного караула, вскиивувшего виитовки. И из последнего вагоиа с перекииутым иа руки плащом спустился иародиый комиссар по воеииым и морским делам СССР, члеи Политбюро ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилов.

В тот же момеит со стороиы привокзальиой площади раздалось:

— Ура Климу Ворошилову!

Так приветствовали иаркома пришедшие его встретить свердловчане...

1931 год был в мире тревожным. В Германии к власти рвались фашисты, япоиские империалисты готовились оккупировать Маньчжурию и ие скрывали своих захватиических плаиов в отиошеиии Советского Дальиего Востока. Наше правительство прииимало экстрен-

ные меры по укреплению обороны страны, и наркомвоенмор Ворошилов с группой помощнников выехал на восток.

Почти все лето продолжалась поездка Ворошнлова по дальневосточным границам. Ворошилов инспектировал войска, проводнл маневры, в которых участвовали пехота, кавалерня, танки и авиация. Но главное внимание нарком уделял новостройкам. По пятилетнему плану на востоке страны закладывалась тогда вторая угольно-металлургическая база Уралкузбасс, сыгравшая затем огромную роль в годы Велнкой Отечественной войны.

Урал Ворошилов знал не понаслышке. Еще в марте 1913 года царское правительство отправило его в ссылку в Чердынский уезд Пермской губернии. Будущего наркома поразила тогда бедность населения. Теперь же, спустя восемнадцать лет, он увндел огромные изменения, которые происходили в этом крае.

В уральских степях вырастал не по дням, а по часам новый город Магнитогорск, строившийся с невнданным энтузназмом. К. Е. Ворошилов познакомился с ходом его строительства, а вечером 4 сентября прнсутствовал на митинге, который состоялся на площадке перед будущим металлургическим заводом.

— Отлично понимаю, что вы — часть великого рабочего класса,— обращался Ворошнлов к участникам этого митинга,— что вы отдаете себе отчет во всей важности выполнения в срок поставленной перед вамн задачн, что вы являетесь в данный момент фокусом, вокруг которого сконцентрнровано внимание не только Советского Союза, но и всего мира. Магнитострой — это не просто одно из очередных строительств. Магнитострой, как н Днепрострой н Кузнецкстрой,— опорные пункты социалистнческого строительства...

Решением рабочих-ударнков Магнитостроя Ворошилова зачислилн в первую бригаду кладчиков, еже-

дневно выполняющих плаи иа 160 процентов. Ему тут же, на мнтинге, подарили спецодежду и нииструменты.

Нарком был троиут н, поблагодарив ударников, сказал, что очеиь сожалеет, что не может работать вместе с ними. И, улыбиувшись, добавил:

— Если бы не служба в Красиой Армни, я бы прнехал на кладку. Лучше, правда, в механическне мастерские слесарем. Эта профессия мие ближе...

...В Свердловске в честь приезда наркомвоенмора миогие ударные бригады брали повышениые обязательства по выполнению плана. А строители каркасиых стандартных деревяииых домов провели в иочь с 7-го иа 8-е сеитября субботник имеии Ворошилова.

Дело в том, что сборка этих домов задерживалась из-за доставки их частей. И ночью водители грузовых автомобилей Союзтраиса, Автотраиса, Верх-Исетского завода н Новостроя пришли иа помощь строителям. Ночь оказалась едннствеииым времеием суток, когда машнны былн свободны и моглн перевозить части стандартных домов с железиодорожной стаиции иа стронтельиые участки.

И вот к десяти часам вечера все одиииадцать грузовиков (ие надо удивляться такому мизериому числу автомашин: ведь субботник проходил в 1931 году, когда осиовиым видом городского транспорта был гужевой) прнехали на стройки. Рабочне н воднтели решили, что деньгн, полученные за этот субботннк, будут внесеиы в фонд обороны страны.

И к утру, к приезду Ворошилова, все запланированиое ими было выполнено...

Привокзальная площадь в Свердловске тогда совершенно не напоминала ныиешнюю. Посередине находился чахлый садик, чуть ли не к самому вокзалу подходила трамвайная линня. Да и вокзал был ниже н короче.

Окружали площадь одиоэтажиые и двухэтажиые дома. Недалеко возвышалось кирпичное здание мельиицы.

Коиечио, вместить всех желающих встретить иаркомвоеимора площадь ие могла. Но те, кто успел прийти пораиьше, плотио окружали деревяиную трибуиу. И когда иа трибуие появился Ворошилов в ладиой гимиастерке с сииими петлицами (ои числил себя по кавалерии), площадь встретила его громовым «ура».

Сразу же после митиига Ворошилов вместе с секретарем Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабаковым поехал иа Уралмашииострой.

Ворошилов побывал во миогих цехах, озиакомился с ходом строительства, беседовал с рабочими, иижеиерами, техиками, а затем иа митинге, который состоялся иа площади Первой пятилетки, сказал:

— Уральский машииостроительиый завод — одиа из лучших и сложиейших строек, которые я видел. И это строительство осуществляется гораздо успешиее, чем миогие другие. По приезде в Москву я порадую ЦК иашей партии и правительство сообщеиием о темпах и качестве осуществляемой вами стройки...

И гордостью светились лица людей, слушающих иаркома...

Попрощавшись со строителями, Ворошилов иаправился иа Верх-Исетский металлургический завод. И когда Ворошилов осматривал электропечь, дающую первую отечествеииую траисформаториую сталь, то поясиеиия ему давал Алексей Тюмеицев, иа спецовке которого блестел ордеи Лeииииа.

А на заводской площадке иовый митииг...

Побывал иарком в тот деиь и иа граиильиой фабрике, озиакомился со строительством Втузгородка, которое шло за восточиой окраииой города. Здаиие иыиешиего политехиического ииститу та имеии Кирова, первый

профессорский корпус и студенческие общежития окружали тогда вековые сосны...

Вечером в саду Уралпрофсовета состоялся общегородской слет ударников. Нынче этот сад передан Свердловскому Дворцу пионеров. А в те времена в нем проходили массовые гуляния, в эстрадном театре давались представления, работали всевозможные аттракционы.

Около сада собралось больше десяти тысяч людей, желающих встретиться с Ворошиловым. И перед садом, на площади, которая теперь называется Комсомольской, возник незапланированный летучий митинг. Ворошилову пришлось снова выступить перед свердловчанами.

С самого утра наркома всюду сопровождал фотокорреспондент «Уральского рабочего» Леонид Михайлович Сурин. В Свердловске тогда ни одно значительное событие не обходилось без Сурина. Он неизменно дежурил со своей верной фотокамерой, укрепленной на трехногом штативе, около трибуны или сцены. Пропускали его без всяких удостоверений, за мандат, как шутил сам Сурин, сходила рыжая борода. Рядом с ним можно было видеть его верного ученика, юного Ивана Тюфякова, с ящиком, в котором лежали фотопластинки.

Сурина контролеры пропустили на слет ударников свободно. Борода и здесь сослужила ему службу, а ученик Иван Тюфяков, как я впоследствии узнал от него самого, перелез через забор.

Проходил слет в эстрадном театре. Начался он с рапортов передовых людей свердловских заводов и фабрик о проделанной ими работе за два с половиной года пятилетки. Затем слово предоставили «слесарю луганского завода, лучшему ударнику Красной Армии Климу Ворошилову».

— Перед свердловскими пролетариями стоят сейчас огромные задачи,— начал Ворошилов.— Они связаны не только с выполнением промфинплана на своих предприятиях...

С первых слов наркома из-за кулис на сцену начала выдвигаться на штативе фотокамера. Ее медленно подталкивал укрытый черным покрывалом Сурин. Остановившись около места, где находился Ворошилов, он сорвал с себя покрывало, вставил кассету с пластинкой и быстро поднял вверх правую руку. В сентябре сумерки наступают рано, и Сурин, чтобы не испортить снимок, зарядил машинку для вспышки магния. Но вспышки почему-то не последовало. Раздалось лишь жалкое шипение.

Повернувшись к неудачливому фотомастеру, Ворошилов произнес:

— А вот этот фотограф свой промфинплан не выполнил!

Под дружный смех участников слета сконфуженный Сурин убежал за кулисы.

Когда смех затих, Ворошилов продолжал:

— Задачи эти также связаны с осуществлением строительства в самом городе, с социалистическим освоением всего Урала как новой индустриальной области. Уже сегодня нам надо готовить красный Свердловск к тому, чтобы он стал боевым руководящим центром мощной социалистической индустрии Урала. Вы, товарищи, ведете колоссальное строительство. В Свердловске будет сконцентрировано больше десятка вузов, которые подготовят из рабочих и крестьян тысячи специалистов для социалистического хозяйства. Вы перестраиваете заново старый Свердловск...

Пока Ворошилов рассказывал о будущем Урала и Свердловска, Сурин успел зарядить за кулисами свою машинку заново и опять появился на сцене. На этот раз он перестарался. Произошла такая магниевая вспышка, что все невольно вскрикнули.

— Ничего, товарищи, ничего! — успокаивал Ворошилов присутствующих.— Теперь фотограф, наверно, перевыполнил свой промфинплан!

И опять под общий хохот Сурин скрылся со сцены...

В конце речи Ворошилов сказал об укреплении обороноспособности Советского Союза.

— Не будет у нас достаточного количества технически вооруженных металлургических и машиностроительных заводов,— подвел он итог,— значит, не будет высокой оборонной техники. Здесь, на Урале, это нужно особенно твердо усвоить...

Кавалерийский дивизион

В Свердловск Алексей Кулик приехал летом 1933 года после демобилизации из Красной Армии. Военную службу он проходил в Минске. До нее работал лесорубом в Белоруссии. А сейчас решил попытать счастья на Урале. Уралмашинострой, Магнитострой, Челябтракторстрой гремели тогда по всей стране.

Город хоть был в ту пору центром гигантской Уральской области, но только еще начинал расти. С нынешним не сравнишь. Не только Юго-Западного жилого района, но и Эльмаша, Южного, Сортировочного, Химмаша — в те времена не существовало и в проектах. На улицах уже звенели трамваи, но по булыжным мостовым грохотали колеса телег и лишь изредка проезжали одиночные грузовые и легковые автомобили.

Однако Алексею Кулику Свердловск понравился, он почувствовал: растет город. Выделялись недавно открытые вместительные гостиницы «Центральная» и «Большой Урал», новые многоэтажные жилые дома в центре. В день четырнадцатилетней годовщины освобождения края от белогвардейцев были пущены первые цехи Уралмашзавода, строились огромные здания школ.

В горкоме комсомола Алексею Кулику дали направление на электростанцию имени Куйбышева.

Осмотревшись, Алексей обрадовался: на электростанции были и общежитие, и вечерняя школа. Он считал, что его жизненный путь определился.

Но прошло месяца полтора — его вызвали в орготдел горкома комсомола. «Наверно, что-то хотят уточнить в личном деле»,— подумал Алексей. Но речь пошла о другом:

— Ты ведь в кавалерии служил?

— В кавалерии,— гордо ответил Алексей.

— Укомплектовывается кавалерийский дивизион свердловской милиции... Как, согласен?

— Стать милиционером?

— Да, милиционером.

— Надо побывать в дивизионе,— неуверенно произнес Алексей.— Посмотреть... Потом подумать...

— Особенно думать нет времени.

— А до завтра можно?

— Хорошо. До завтра можно! В общем, горком тебя рекомендует...

В двадцатые годы конную милицию называли просто конным резервом. А в тридцатые стали формировать дивизионы, эскадроны — по принципу армейских кавалерийских частей. И служба милиционеров-конников приближалась к армейской.

Стремительно росло население промышленного города. Сосредоточение множества людей притягивало и разных проходимцев.

Чтобы навести порядок, милиция неустанно совершенствовала организацию наружной и постовой службы. В 1932 году в Свердловске действовало уже шестьдесят милицейских постов. По городу и в прилегающих районах в вечернее и ночное время патрулировали конные пикеты по специально разработанному плану.

Конная милиция в ту пору была значительной и весьма маневренной силой. Ведь в городских и районных

управлениях имелось всего лишь пять стареньких автомобилей, два мотоцикла и тридцать четыре велосипеда. При тогдашних дорогах, особенно в распутицу, у конников были большие преимущества.

В Свердловске конная милиция, носившая официальное название 9-го отдельного кавалерийского дивизиона, базировалась со своими конюшнями на улице Детский городок. Ныне это улица Чапаева, и там находится автоинспекция.

Командир дивизиона Григорий Иванович Здановский подробно расспрашивал Алексея о прежней жизни. Они приглянулись друг другу. Здановский крепкого сложения, среднего роста, на серой форменной гимнастерке алел орден Красного Знамени: сражался с белогвардейцами, служил в Первой Конной Буденного.

В тот же день Алексей Кулик получил обмундирование, винтовку, шашку, седло. Закрепили за ним рыженького коня по кличке Буравчик. Поселили в общежитии дивизиона.

В годы становления Советской власти бывало, что принятого в милицию сразу направляли прямо на пост. Теперь человек проходил учебную подготовку. Правда, зачеты «по лошади» и «по вооружению» у Алексея приняли сразу. А вот специальными милицейскими знаниями пришлось овладевать... И заниматься помногу.

Почти все в дивизионе до милиции отслужили в кавалерийских частях Красной Армии. Лошадей любили, ухаживали добросовестно, ежедневно мыли, чистили, прочесывали. От ухода за лошадью зависело и ее поведение во время строевой и патрульной службы. За лошадьми наблюдал прикрепленный к дивизиону ветеринарный врач.

И в конюшнях был порядок. Над каждым просторным стойлом с затвором, где лошади стояли без привязи, висела табличка, на ней указывались кличка, порода, год рождения, рост. Лошади, вычищенные до блеска,

фыркали в теплом полумраке. Рядом — тщательно уложенное снаряжение.

Здановский не уставал повторять:

— Конь любит ласку, любит уход. Вовремя не расчистишь ему копыта — выйдет из строя. Плохо седло положишь — спину собьет. Если коня не любишь — ты не кавалерист!..

Регулярная патрульно-постовая служба была главным делом конной милиции. Каждый вечер дежурный по дивизиону собирал очередные наряды, кратко инструктировал. Затем наряды разъезжались по районным отделениям милиции. Там инструктаж был уже конкретный: за какими улицами усилить наблюдение, на какие места обратить особое внимание, случалось, сообщали приметы разыскиваемых преступников.

Патрулировали конники парами, не торопясь, зорко осматриваясь по сторонам. К двум часам ночи дежурства обычно заканчивались. Но если оперативная обстановка в районе была неспокойная, объезды продолжались до утра.

«Стой!» — раздавался окрик, когда кто-нибудь в ночной улице почему-либо вызывал подозрение: идет, например, с узлом, или на руке перекинута шуба, или крадется вдоль забора с чемоданом. За приказом «Стой!» следовало: «Документы!» Проверял их один конник, старший патруля. Напарник бдительно наблюдал за остановленным: благодушие или замешательство могло обернуться непоправимой бедой. Правда, сопротивляться или бежать редко кто решался: вид у милиционеров с шашками и винтовками, верхом на конях был внушительным.

Разумеется, надо было уметь разбираться в людях, не в каждом же видеть преступника! Приглядывались к походке, к внешности и поведению ночных прохожих. Почему, скажем, у некоего мужчины неестественна правая рука — не сгибается в локте? «Стой!..» — и при-

проверке выясняется, что в рукаве пальто у задержанного спрятан ломик, «фомка».

Подозрительных конвоировали в отделение милиции.

Бывало, где-то раздаются испуганные крики или тревожные сигналы, свистки — патруль моментально скачет туда. Часто помогали горожане — подбегут, обратятся к конникам: «Товарищи, там, у бараков, драка...» Или: «Третью ночь подряд по нашему проулку подозрительная подвода с мешками проезжает... Вон за углом. Поинтересуйтесь!..» И задерживаются крупные спекулянты.

Пролетарский Свердловск наводил у себя порядок.

Алексей Кулик после специальной подготовки и сдачи зачета выезжал в паре с товарищем, хорошо знавшим город. Когда освоился, стали назначать старшим. Буравчик, с первых же дней почувствовавший силу и опыт нового хозяина, послушно подчинялся ему.

Прошло всего три месяца, и в феврале 1934 года Алексей получил повышение: стал командиром отделения. В августе за бдительное несение патрульно-постовой службы был награжден именными часами.

В праздники, в дни военных парадов и демонстраций работы у дивизиона прибавлялось. Вместе с другими подразделениями конники следили за соблюдением общественного порядка, а когда демонстрация трудящихся подходила к концу, стягивались к Дому обороны, и наступали самые ответственные, торжественные минуты.

В военных парадах Свердловского гарнизона участвовали тогда лишь пехотные части и конная артиллерия. Позднее появились мотоциклы и автомашины, но кавалерии не было. И милицейский 9-й отдельный дивизион после последней колонны демонстрантов проходил на рысях по площади 1905 года мимо праздничной трибуны.

К этому начинали готовиться за месяц. В своем ди-

визионном манеже под духовой оркестр милицейской школы занимались съездкой.

На заключительные тренировки иногда выезжали и на улицы города. Мне однажды довелось видеть, как они двигались по улице Розы Люксембург. Удивительно четко держали равнение кавалеристы в строгой милицейской форме, в шлемах с голубыми звездами. Лошади шли как одна, чуть пританцовывая на мостовой. Полюбоваться красивым зрелищем сбегались и стар и млад — со всех ближайших кварталов.

А в дни октябрьских и первомайских торжеств, когда до праздничной площади начинал доноситься нарастающий цокот и сводный духовой оркестр гарнизона менял ритм, все смолкали, затаив дыхание. Показывались кони, с начищенными бляхами на уздечках, сверкало на солнце оружие всадников, оркестр играл веселый и стремительный марш, приветливо махали с трибуны, с тротуаров...

В те годы, когда Алексей Кулик стал командиром, обострилась международная обстановка. В Италии и Германии у власти были фашисты, Япония завоевывала Китай...

По всей нашей стране, а в первую очередь в органах милиции, усиленно развертывалась оборонно-спортивная работа. Проводились различные тренировочные сборы, сдача норм на значки ГТО, ПВХО, ГСО, «Ворошиловский стрелок». Громадное внимание уделялось военно-прикладным видам спорта.

Повышать военную квалификацию, боевую и строевую подготовку подразделения свердловской милиции выезжали в летние лагеря. Конники имели хорошо устроенный палаточный городок, летнюю столовую и клуб. Построили навесы и коновязи для лошадей. Приезжали в лагерь подразделения милиции и из других городов Урала — конные взводы из Перми, Челябинска, даже из Кудымкара. И на лето создавался второй ка-

валерийский дивизион, сводный, как его называли. Его командиром обычно назначали Семена Петровича Галунова. Он, как и Здановский, тоже участвовал в гражданской войне, тоже был награжден орденом Красного Знамени. Сам из оренбургских казаков, в царской армии дослужился до вахмистра, а в 1918—1919 годах командовал Верхне-Уральским революционным казачьим полком и приказом по оренбургскому войску атаманом Дутовым «за измену» был приговорен к смертной казни. Воевал вместе с В. К. Блюхером (об этом он опубликовал воспоминания в журнале «Урал», затем в сборнике «Легендарный рейд»).

Сначала Галунов работал начальником Ишимского отделения милиции, а в Свердловске стал инспектором строевого отдела УРКМ (управление рабоче-крестьянской милиции), затем инспектором командного отдела.

Под руководством Здановского и Галунова конники в полевых условиях овладевали всеми видами кавалерийского дела. Занимались джигитовкой, вольтижировкой, учились менять аллюры, брать различные препятствия.

Усиленно отрабатывали технику удара при рубке лозы. Непросто опустить шашку в ту долю секунды, когда движение лошади и мышечная сила руки сливались воедино, рождая необходимый удар. Пропустишь это мгновение — проскочишь мимо, лоза останется невредимой, да и ухо лошади может пострадать.

Милиционеры изучали новейшие средства связи, военно-инженерное дело. Из областного управления, из уголовного розыска, из научно-технического отдела приезжали лекторы и преподаватели. Занятия по политическим и специальным дисциплинам следовали своим чередом, но продолжалось организованное по специальному графику и патрулирование.

Отделение, которым командовал А. А. Кулик, по всем видам учебы и службы шло впереди других отделений.

Алексей Кулик придерживался в тренировках главного правила: работать с лошадью спокойно, но настойчиво, готовить к будущим боям и к спортивным состязаниям. Этого требовал и от своих подчиненных. Он стал командиром взвода, и его взвод очень часто занимал на конно-спортивных соревнованиях первые места. Повышалось профессиональное мастерство конников. За хорошие показатели Алексея Кулика наградили малокалиберной винтовкой и два раза — библиотечками. Бывший лесоруб с четырехклассным образованием без отрыва от службы сдал за два года экзамены за семилетку.

А рабочие будни кавалеристов 9-го отдельного дивизиона требовали постоянного мужества и отваги. Летом 1937 года в городах вокруг Свердловска неизвестные стали похищать коров и лошадей, произошло и несколько убийств. Оперативники, тщательно проверив и отработав ряд версий, установили, что это дело одних и тех же лиц. Но города, где были совершены преступления, от Свердловска в разных направлениях: Березовский, Первоуральск... Когда и где можно ожидать преступников?

Решили перекрыть дороги, подступы к этим городам. Поручили это конному дивизиону. Устроили засады. Три дня и три ночи, замаскировав оседланных лошадей, милиционеры провели в придорожных лесах. Но вокруг было спокойно.

Шли четвертые сутки. И вдруг под утро на туманной дороге послышалось шуршание, а затем показались подозрительные фигуры. В считанные секунды кавалеристы вскочили на коней, вылетели навстречу: «Стой!..» Выхватив оружие, неизвестные пытались сопротивляться. В короткой схватке Алексей Кулик получил рану в плечо. Но в несколько секунд все было кончено: крепко связанные преступники лежали на дороге. Потом на следствии они признались и в убийствах, и в кражах скота...

Зимой несколько подразделений дивизиона прибыли в Верхотурье. В городе и около него действовала вооруженная банда. Нужно было помочь местной милиции.

Наконец бандитов выследили. Но они заперлись в доме, который стоял на горе. Подступы к дому простреливались. Что делать? И Здановский решил действовать хитростью. По его команде спешенные конники подняли шум и свист. Чуть ли не каждую секунду раздавались выстрелы из винтовок. Преступники яростно отвечали. Они думали, что милиционеры собираются в лобовую атаку. Поэтому весь огонь и все свое внимание сосредоточили на тех, кто «готовился к броску». На это и рассчитывал Здановский. Пока шла перестрелка, с тыла незаметно подползла небольшая группа милиционеров. Они подтянули пожарный рукав... и сильная струя ледяной воды ударила по дому. Бандиты не выдержали, ведь дело происходило зимой, и сдались...

А однажды ночью погиб милиционер-кавалерист Василий Баранов. Патрулировал с напарником район, где начиналась горнозаводская железнодорожная линия, и увидел, как около туннеля, под насыпью, мелькнули двое. В руках одного какой-то крупный предмет.

Баранов крикнул: «Стой!..» — и рысью к туннелю. Раздались гулкие выстрелы — лошадь Баранова вскинула голову, дернулась, а сам он начал медленно сползать с седла. С храпом взметнулась на дыбы лошадь напарника, и, не удержавшись, он тоже упал.

Стрелявшие — опасные бандиты — бежали из мест заключения и, сумев добыть оружие, только что ограбили прохожего... По тревоге на место происшествия прибыли сотрудники железнодорожного отделения милиции, эксперт, проводник с собакой-ищейкой. Через неделю убийц нашли.

В Великую Отечественную войну две трети милицейского кавалерийского дивизиона сразу ушло добровольцами на фронт.

В Свердловске в военное время кавалерийского милицейского дивизиона уже не было, оставался лишь сводный взвод. И дел у милиционеров-конников в ту пору резко прибавилось: народу в городе стало в несколько раз больше. Война расширила масштабы работы милиции. Непрерывным потоком прибывали эшелоны эвакуированных с запада. Всех размещали по квартирам, устраивали с питанием. Вместе с другими организациями этим занимались, помимо своих обязанностей по охране общественного порядка, сотрудники милиции. В дни, когда солдаты Красной Армии сражались на фронтах против фашистов, солдаты милиции очищали тыл от воров, бандитов, хулиганов и прочей дряни, пытавшейся воспользоваться создавшимися трудностями.

Свердловские конники по-прежнему выезжали патрулировать улицы, упругий стук копыт каждую ночь раздавался по городу.

Алексей Кулик в пору Великой Отечественной войны был заместителем начальника милиции Верх-Исетского района Свердловска. Дневать и ночевать приходилось на службе. В напряженной обстановке всякой работы хватало до предела. Для примера — один случай, рассказанный майором милиции Н. Новым:

«Участковый уполномоченный заметил, что в один дом по улице Школьников приходит вечерами армейский офицер. Переодевается в гражданский костюм и уходит на ночь. Его задержали — предложили следовать в милицию. Мужчина спокойно подчинился, но вдруг, резко обернувшись, ударил милиционера, перепрыгнул через забор и скрылся в доме. По тревоге подняли наряд, дом оцепили. Операцией руководил А. А. Кулик. Преступник стал стрелять. Работники милиции не открывали огня: кругом люди... Наконец удалось концом металлической трубы выбить дверь, впустить служебную собаку и следом за ней ворваться... Вместе с фальши-

вымн документамн бандит был доставлен по назначенню...»

...В отставку подполковник милиции Алексей Алексеевич Кулик — кавалер орденов Красного Знаменн н Красной Звезды — вышел в 1962 году с поста начальннка Октябрьского районного отделения мнлиции Свердловска. Остались позадн трн десятнлетия милицейской боевой службы, тяжелой н сложной. Но те годы, когда он молодым гарцевал по улнцам на Буравчнке, милы его сердцу как самые дорогне, самые памятные.

Сейчас в Свердловске нет конной мнлиции. Последнний взвод в послевоенные годы еще патрулнровал ночами по городу, а в дни футбольных матчей наблюдал за порядком около стадиона «Дннамо». Теперь наша милиция механизнрована, оснащена радносвязью, электроннкой.

Милицейская конница, как н армейская, ушла в нсторню. Но слава армейской живет в нашем сознанни по книгам и лнхнм песням. А слава мнлнцейской? В ее былых кавалерийскнх буднях тоже была высокая отвага, мастерство, страстная преданность любимому делу...

Эти далекие авто...

За последние годы в Свердловске довольно часто проводились органнзованые редакцией газеты «Вечернпй Свердловск» парады старых автомобилей. Странно и ннтересно было смотреть на этнх колесных ветеранов. Такимн они казалнсь маленькнмн н неуклюжнмн.

На каждом параде обязательно появлялнсь какиеннбудь чудом сохраннвшнеся автомобилн, маркн которых теперь почтн забыты. Но когда-то этн легковушкн н грузовички счнталнсь шедевром техники. Водители гордо велн их по булыжной мостовой мнмо постовых

милиционеров в длинных белых гимнастерках. Выезжали те авто и на парады. Только никто не говорил «Парад старых автомашин», а называлось это смотром транспорта.

Первый такой смотр-парад состоялся в Свердловске 25 декабря 1928 года. Организовало его Уральское отделение Автодора *.

К 12 часам того дня вся городская транспортная техника собралась на площади Парижской Коммуны, около оперного театра. Скверы на той площади тогда значились лишь в проектах.

Выстроились машины: на правом фланге — велосипеды, затем — мотоциклы, после — легковые автомашины, за ними — грузовые, пожарные и, наконец, автобусы. Между машинами сновали и мы, мальчишки. Такого скопления городского транспорта никто из нас еще не видел.

После короткого митинга, посвященного автомашинам будущего, начался торжественный марш по Свердловску. Колонна двинулась по улице Мамина-Сибиряка к вокзалу. Оттуда — по улицам Свердлова, Карла Либкнехта и Розы Люксембург до улицы Декабристов, потом — по улице 8 Марта на площадь 1905 года. Около вокзала, кинотеатра «Совкино», Дома крестьянина и на площади 1905 года прошли летучие митинги.

Затем машины разделились: часть отправилась на Верх-Исетский завод, часть — в Арамиль, часть по городу. Во время этих поездок распространялись лотерейные билеты Автодора. Вечером на улицах можно было увидеть пожарные машины со светящимися лозунгами, посвященными Автодору.

Так проходил в Свердловске первый автопарад. А теперь поподробнее о машинах тех лет...

---

* **Автодор** — Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог (1927—1935).

Так выглядел памятиик Я. М. Свердлову вскоре после открытия.

Открытие железиодорожиой линии Москва — Екатериибург через Казаиь, 1 июля 1920 года.

Пролетарский театр.

Почетный караул около братских могил. Екатеринбург, 15 июля 1924 года. Кадр из «Госкинокалендаря» за 1924 год.

Демонстрация, посвященная десятилетию освобождеиия Урала от Колчака, 15 июля 1929 года.

Неделя помощи голодающим Поволжья. Екатеринбург, 1921 год. Грузовики иа Пушкииской улице.

Л. В. Туржанский.

А. А. Бурденюк.

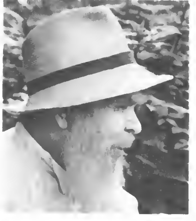

А. П. Банников.

Заслуженный артист РСФСР П. С. Соболевский и народный артист СССР С. А. Герасимов.

Л. М. Сурин.

Г. И. Здановский, командир 9-го отдельного кавалерийского дивизиона милиции.

В. Г. Дуров, народный артист СССР.

В. Н. Емельянов, народный артист РСФСР.

Так в 1926 году выглядели в Свердловске легковые автомобили. Второй справа П. П. Бажов, пятый справа Демьян Бедный.

Парад свердловских пожарных на площади 1905 года, 1927 год.

Автомобиль «Уралец» 2-й свердловской пожарной части, 7 ноября 1927 года.

Строительная площадка Уралмаша.

К. Е. Ворошнлов выступает иа митииге иа Уралмашинострое, 8 сентября 1931 года.

Л. М. Сурни на редакциоииом задаиии.

За четыре года до Октябрьской революции редакция журнала «Разумный кинематограф и наглядные пособия» выпустила справочник «Путеводитель по Екатеринбургу и его окрестностям». В нем имелся раздел «Екатеринбург в алфавите», начинавшийся со слова «Автомобили».

«Попытки устройства автомобильного движения,— было написано в этом разделе,— не получили успеха в Екатеринбурге. Пока имеются автомобили у частных лиц и главных гостиниц, доставляющих пассажиров с вокзала. Прокат автомобиля у Р. Р. Штроля, угол Вознесенской и Покровской (ныне улицы К. Либкнехта и Малышева.— *С. З.*), и Американской гостиницы (ныне здание художественного училища.— *С. З.*)».

Вот и все... Стоил проезд в автомобилях дорого и не всегда себя оправдывал. Моторы были несовершенные и на тряских булыжных мостовых с ухабами часто выходили из строя.

Одним из первых шоферов в городе считался Николай Павлович Забелин. Он возил хозяина спичечной фабрики Логинова, который в 1910 году купил себе за границей автомобиль.

По-настоящему автоистория в Екатеринбурге началась лишь в годы Советской власти. Правда, на его улицах тогда, как и прежде, царили ломовые подводы и извозчичьи пролетки, но было ясно, что обслуживать растущий, налаживающий свое хозяйство город им становится не по силам. Требовался транспорт более оперативный и вместительный.

Пожалуй, раньше всех заговорили об автомобилях пожарные. Хотя в 1922 году имелось постановление коллегии губкоммунотдела, чтобы губисполком ходатайствовал перед центром о переводе екатеринбургского пожарного обоза с конного на автомобильный, все же первые автомобили пожарные приобрели сами. Из Перми и Омска они доставили брошенные там еще отсту-

пающими колчаковцами машины иностранных марок и после реконструкции приспособили их для своих целей. Получились две автоцистерны, которые смогли заменить несколько parоконных бочек, и одна автолинейка с прикрепленными наверху лестницами: штурмовкой, лестницей-палкой, раздвижной. Иногда линейку вызывали на какой-нибудь митинг. Здесь она использовалась как трибуна: с ее лестничного сооружения выступали ораторы. К десятилетию Октябрьской революции свердловские пожарные отремонтировали еще один автомобиль, который был назван «Уралец».

В августе 1924 года «для быстрейшей выемки писем из почтовых ящиков Екатеринбурга и Верх-Исетского завода» в городе появился специальный автомобиль.

В былые времена почтальон на лошади объезжал все почтовые ящики в течение трех часов. Теперь на эту процедуру стало уходить менее часа. А в конце 1929 года Наркомпочтель прислал свердловской окружной конторе связи «два почтовых грузовика и четыре легких почтовых автомобиля специально для обслуживания почтовых нужд города».

Нуждалась в автомобилизированном транспорте и медицина. Скромные конные повозки «скорой помощи» при всем желании не могли быстро добраться до нужного адреса. И в октябре 1925 года их место заняли купленные в Америке автокареты с красными крестами. К сожалению, кузовы этих машин «скорой помощи» оказались не совсем удобными для перевозки больных. Пришлось их переделывать.

В 1927 году моторизация коснулась и милиции. Один из опытных шоферов того времени В. А. Мальцев обучал милиционеров управлять автомашиной. Но все-таки основной «моторизованной» силой в Свердловске долго продолжала оставаться конная милиция. Даже в первой половине тридцатых годов управление милиции имело всего-навсего пять автомобилей.

Я помию, что в 1927 году автомашииы по-прежиему былн новиикой. И мы, мальчишкн и девчоикн того времени, заслышав тарахтеиие одниокого мотора, выбегалн нз своих дворов, чтобы ие пропустить какой-нибудь старый «паккард» нли помятый «форд». По регистрацни горкомхоза в нюне 1927 года по городу числилось лишь трндцать легковых автомобилей и трндцать семь мотоцнклов. Не миого иасчитывалось и грузовнков.

Шум от тех автомашнн стоял страшиый; рессоры и деревянные частн кузова скрнпелн, шестерни скрежеталн. Прнвод у грузовиков на колеса был цепиой. Снгналы подавались прн помощи резниовой грушн (ее звук напомниал крякаине утки), клаксоиа нлн снрены. Порой шофер давал снгиал без всякой надобиости, просто так, для форса.

Какое-то иебольшое количество легковых машин сосредоточивалось и в частиых руках. Эти автомобнлн от другнх отлнчалнсь желтой полосой и кругом, посередине которого белымн буквамн было иапнсано: «Прокат». Их владельцев называлн «прокатчнками».

Одиако такой внд автотранспорта в Свердловске не привнлся: слишком уж накладно выходил проезд. Частинкн-прокатчнкн запрашнвали с пассажнров огромиые деньгн. И горожаие предпочитали пользоваться прнвычным извозчиками илн маршрутнымн автобусами, появившимися в 1925 году.

Почтн все автомобнли поступали к иам из зарубежиых стран. До Октябрьской революции в России нмелнсь лншь зачатки автостроення. Главиым образом, это была сборка машнн из импортиых материалов на Руссо-Балтнйском вагоином заводе. С 1909 по 1915 год завод выпустил около 700 автомобилей, главиым образом легковых. «Автомобильиый спутинк» пнсал о инх в 1914 году: «Первые в мнре по прочиостн — скоиструнроваиные спецнально для русскнх дорог!» Машины с маркой того завода назывались «Руссо-Балт».

Первые десять советских автомобилей выпустил московский завод АМО (Автомобильное московское общество) только в ноябре 1924 года. Этот год и принято считать начальной датой советского автостроения.

Свои отечественные машины, сделанные на своем отечественном заводе, открывали новые возможности использования автотранспорта. Но к этому надо было основательно подготовиться.

И в Свердловске, как и в других городах, приступили к упорядочению движения. Вот что писал «Уральский рабочий» 5 сентября 1928 года: «Сегодня горкомхоз на всех углах улиц устанавливает специальные счетчики, которые должны вести точный учет всех проехавших в течение дня подвод, экипажей и авто, а кроме того, и пешеходов. На основании цифровых данных горкомхоз сможет установить точно, какие улицы ему нужно приспособить для легкового движения и какие для грузового, также, в зависимости от рода движения, выработает способ мощения мостовых.

Для работ по учету движения привлекаются двести человек студентов Уралполитехникума».

Делать все это требовалось спешно. Уже в 1924—1928 годах начался серийный выпуск грузовых автомобилей «АМО» и «ЯЗ», легковых «НАМИ-1». В начале тридцатых вступил в строй Нижегородский (Горьковский) гигантский автозавод. И на свердловских улицах все чаще и чаще замелькали автомашины отечественных марок. Они как показало время, были надежнее и долговечнее.

А в январе 1935 года в «Правде» появилась такая заметка:

«Свердловск. 29 января (корр. «Правды»). Утром 1 февраля в Свердловске пойдут первые такси. Получены пока четыре машины-такси производства Горьковского автомобильного завода...»

Теперь вернемся чуть-чуть назад, поговорим об автобусах. Первый автобус в Екатеринбурге для перевозки пассажиров появился еще в 1913 году. Но регулярного автобусного движения в городе тогда еще не было. Оно открылось лишь при Советской власти.

Наверное, мало кто помнит теперь те далекие автобусы. Я же помню. Правда, марку не назову. Тот автобус затарахтел в нашем городе в июне 1924 года и представлял из себя какой-то самодельный, почти квадратный фургон, выкрашенный в желто-коричневый цвет. Маршрут его начинался на площади 1905 года, у «Памятника». Так называли в то время скульптуру С. Эрьзи «Освобожденный человек». Возвышался этот «Освобожденный человек» на пьедестале, сохранившемся от сброшенной после Февральской революции чугунной статуи царя Александра II.

Конечной остановкой автобуса был берег озера Шарташ. Путь его проходил по тряской мостовой улицы Ленина. Напротив кино «Колизей» (ныне «Октябрь») и около оперного театра имени Луначарского он делал остановки. После, свернув на 2-ю Восточную (теперь просто Восточную), перебирался по переезду через железнодорожную насыпь (насыпь тогда была невысокой) и, поднимая клубы пыли, устремлялся по лесному шоссе к озеру. Шоссе шло чуть правее Михайловского кладбища. Сейчас того шоссе уже нет...

В воскресенье и праздничные дни добавлялся еще один точно такой же автобус. Лошади этих автобусов пугались. Да и жители города не очень-то ими восторгались. Один из старожилов отзывался о новом виде транспорта так:

«Третьего дня иду я по улице, сзади храп, свист, металлический лязг — прямо как крушение поезда, сошедшего с рельсов. Оборачиваюсь: едет не едет какой-то допотопный автомобиль...»

Хотя у этих допотопных автомобилей было лишь

летнее расписаиие, тем не менее начало регулярного автобусного двнжения в Свердловске следует счнтать с них. Оии совершилн в середиие двадцатых годов большое дело: связали шарташский дом отдыха н дачн с городом. Первый том «Уральской энциклопедии», нзданный в 1933 году, указывал иа своих страницах:

«Автобусиое городское движеиие оргаиизоваио в Уральской областн (в Свердловске) с 1924 года почти одиовременно с открытием автобусных лииий в Москве, Лениитраде н других крупиых центральиых городах Союза».

Но настоящее регулярное движеиие автобусов в Свердловске иачалось чуть поздиее. В феврале 1925 года горкомхоз приобрел пять двеиадцатиместных «фордиков». В том же месяце иачали изучать н иаправлеиие будущих маршрутов н прикидывать цены для будущих билетов. 27 апреля «фордикн» успешио пропепетнровали свои рейсы, иа первомайской демонстрацин катали детей.

Бывшая воспитательиица детского сада «Красный Октябрь» Ф. Рыкова (этот детсад иаходился иа улице Обсерваторской — ныне Бажова) вспомииала о том дне 1 Мая так:

— Оставалось несколько минут до иачала митиига на площади 1905 года. Вся иаша ребятия высыпала во двор и с завистью смотрела через щели в заборе на спешивших к цеитру города людей. Неожнданио к воротам детского сада подошел автобус. В то время увндеть-то это чудо было редкостью, а тут вдруг нз него вышел шофер н крнкиул:

— А иу-ка, малыши, собирайтесь иа демоистрацию!

Мы всем миром быстро украсили машииу и через несколько миигут, счастливые, ехали по городу...

Пассажнрское двнжеиие открылось утром 2 мая 1925 года.

Как раз в иачале этого месяца у меия появнлся млад-

шнй брат. И мы с отцом отправились иа автобусе в староиу вокзала, в железнодорожиую больницу, где тогда находнлась мама н маленькнй Виктор.

Виачале в городе было два маршрута, или как тогда говорили, две линин. К первой, основной, прикрепнли трн автобуса. Онн вели свой путь от вокзала по улнцам Свердлова и Толмачева к улице Леиина, а затем сворачнвалн по улице 8 Марта к коиечиой остановке на 2-й Загородной (ныне улнце Фрунзе). На вторую лннию — Верх-Исетскнй завод, улнцы Леннна, Вайнера, Малышева, Р. Люксембург, Снбнрскнй проспект (ул. Куйбышева), железнодорожиая стаицня Шарташ — вышло два автобуса.

На крышах тех «форднков», по бокам, были прнбнты длинные плаикн-плакаты, иа которых подробно указывались маршруты. Посадка и выход производнлнсь через одиу-еднnetworkственную дверь, устроеииую позадн. Первые коидукторы былн мужчнны. Через плечо у ннх, кроме сумкн для деиег, висела еще специальная дощечка с разноцветными билетнками. Проезд в «две версты» стонл десять копеек...

Через год появнлнсь автобусы более совершенных иностранных марок, «фнаты» и «фомаги». Тогда-то в Свердловске открылась н третья лнння, иачинавшаяся, как и первая, у вокзала. На эту лннню перевелн «фордики». Шла она по улнце Северной (ул. Челюскнцев) по деревянному мосту через пруд, после по улнце Февральской революцин поворачивала к площади 1905 года и по улнцам Леннна, К. Либкнехта н Р. Люксембург выходнла иа улнцу Декабристов и заканчнвалась у столбов Снбнрской заставы.

Автобусы иа регулярных маршрутах довольно быстро вписалнсь в жнзнь столнцы Уральской областн. Свердловчане уже не представлялн без ннх свой город. «Форды», «фиаты» н особенно «фомаги» (они былн более вместительиые) стали иеотъемлемой частью город-

ского пейзажа. На многих открытках тех лет, посвященных Свердловску, запечатлены эти первые автобусы.

Правда, этот новый, да к тому же еще и дешевый, вид транспорта лютo ненавидели извозчики. Автобусы отбивали у них клиентов. Извозчики называли автобусы «собачьими ящиками» и утешали себя тем, что в городе еще достаточно грязных и топких улиц, по которым никакой «фомаг» не пройдет. Как же обойтись тут без лошадки и пролетки?

Вскоре автобусное движение открылось в Челябинске и Перми. А «Уральский рабочий» в сентябре 1928 года радовал читателей-свердловчан: «Горкомхоз купил лицензию на десять больших автобусов германской фирмы «Мерседес». Новые автобусы вмещают до 40 пассажиров... Между прочим, с прибытием «мерседесов» будут совершенно выведены из строя «фиаты» и «форды», и городской автобусный парк будет располагать 23 мощными автобусами: 10 — «мерседесов», 8 — «фомагов» и 5 — «яз».

В ноябре 1929 года в Свердловске появилась еще одна автобусная линия — четвертая. Автобусы по этой линии ходили с Уралмашиностроя (так в то время назывался будущий Уралмаш) на Верх-Исетский завод. Сначала по нынешнему проспекту Космонавтов — до вокзала. Затем через 1-ю Восточную улицу (ныне переулок Марии Авейде) сворачивали на улицу Мамина-Сибиряка, после — по улице Ленина доезжали до площади 1905 года, а оттуда через улицу Вайнера по улице Малышева прямо на ВИЗ. Весь этот маршрут автобус проходил за час двадцать минут.

Но, несмотря на то что этот массовый и дешевый пассажирский автотранспорт имел колоссальный спрос, он все-таки развивался в Свердловске медленно. Автобусов не хватало: заграничные стоили дорого, а выпуск своих только-только начинался. В 1929 году по всей огромной Уральской области насчитывалось всего лишь сорок семь автобусов. К тому же они быстро изнашива-

лись как от перегруза, так и от иеблагоустроеииых еще дорог.

А Свердловск рос и развивался. Росли его заводы, фабрики, учебиые заведеиия, росло иаселение, преображались старые окраииы. И в 12-ю годовщину Октябрьской революции в городе пустили трамвай. Автобусы же в начале тридцатых годов (а их к тому времени было 27) перевели иа пригородные рейсы.

Лишь после Великой Отечествениой войиы автобусы вновь появились иа городских маршрутах. Только это уже страиица другого рассказа...

Мчатся пожарные...

Телефоииый иомер — 01. По этому иомеру звонят в случае пожара. По вызову 01 красиые автомашииы с белыми полосами мчатся в любую погоду, в любое время дия и ночи. Пожар до сих пор считается у нас самой главной, самой первой опасностью. Это подчеркиуто и иомером вызова — 01.

И в иаш век техиики и электроиики мы восхищаемся мужеством и ловкостью пожариых, хотя у нас есть и вериые, надежные помощники: автоматические, механизированные средства тушеиия, химическая пеиа, лестиицы, способные в десять раз увеличивать свою длииу, специальные кислородио-изолирующие противогазы для работы виутри зданий, особая система сигнализации для предупреждеиия пожара... Да всего и не перечислить!

Давио уже ушли в прошлое коииые упряжки, медиые блестящие каски, ручные иасосы. Ныне их можио встретить лишь иа пожарио-техиических выставках...

Когда-то самым высоким зданием в городе была пожарная калаича. С иее весь город просматривался, как иа ладоии. Если дозорный видел где-то «плывущий дым

угарный», он бил в колокол тревогу и поднимал на мачте черные зловещие шары. По количеству шаров, а ночью — фонарей, жители узнавали, в каком районе горит (в противопожарном отношении город делился на четыре района). При сильном пожаре дополнительно поднимали еще красный флаг.

Перед Октябрьской революцией в Екатеринбурге действовали всего лишь две небольшие пожарные части. Первая — на Уктусской улице (ныне 8 Марта), вторая — на Вознесенском проспекте (ныне улица Карла Либкнехта). Существовала еще часть на Верх-Исетском заводе. Но штатных пожарных в ней, кроме кучеров, не было. И содержались кучера за счет особых налогов с населения.

Инвентарь в двух екатеринбургских пожарных частях был несложным: ручные насосы да бочки. Водопровода в городе не было, поэтому для тушения огня сооружались специальные водяные баки. Один из таких баков до сих пор сохранился около городской плотины.

Екатеринбург сильно страдал от пожаров и в летние, жаркие месяцы, и зимой, когда жители усиленно топили печи...

Август. Восемь часов утра. На пыльных улицах с маленькими деревянными домиками тихо. Лишь изредка покажется прохожий или проедет подвода. Но неожиданно с каланчи раздается первый удар набатного колокола. И через несколько минут из распахнувшихся окошек выглядывают заспанные лица обывателей, появляется сонный городовой И все смотрят в сторону Сенной площади: там поднимается столб дыма.

А мимо польского костела, размахивая плеткой, уже мчится, нещадно пыля, на белой лошади верховой в сверкающей медной каске. За ним в каком-то непостижимом вихре несется пожарный обоз.

На пути пожарных улицы оживают, прохожие устремляются вслед и что-то кричат. Впереди трясется пролет-

ка брандмейстера. За ней следует тройка — коннолинейный ход с топорниками. На подножке стоит усатый трубач и, держась правой рукой за древко развевающегося флага, дует в кавалерийскую трубу. И не у одной молодушки трепетно замирает сердце, когда кумир ее мечтаний пролетает мимо на тройке рысаков, да еще и лихо трубит. Звенят бубенцы, прикрепленные к дуге и хомуту коренника.

Вторая тройка лошадей — коннобагровый ход — везет пожарных с баграми. Позади тарахтят пароконные четырехколесные телеги с бочками.

Около Сенной площади обоз встречает верховой. Он уже точно знает, где и что горит. Верховому полагается самый лучший конь в пожарной части, верховой всегда первым спешит к месту, где по наблюдениям каланчового вырывался огонь или дым. Теперь обоз поворачивает за верховым, подковы лошадей высекают из булыжной мостовой искры, и чем ближе до пожара, тем больше народу бежит по обеим сторонам улицы.

Наконец видны два горящих дома. Около них под искряным дождем бестолково мечутся испуганные люди, кругом беспорядочно валяются узлы с вещами. Некоторые смельчаки пытаются еще спасти кое-что, но встречаемые огнем и дымом, отступают. Голосят женщины, плачут дети.

— Расступись!— напряженно кричит в рупор брандмейстер, выскакивая из своей пролетки.

Оценив обстановку, он тут же приказывает растянуть брезентовые рукава. С повозок снимаются насосы, и по сигналу трубы «качай, качай» начинает идти вода.

Такую картину в старом Екатеринбурге можно было наблюдать довольно часто.

Бывало, что пожары уничтожали целые районы. Так, например, однажды выгорело больше половины домов между улицами Гоголя, Механической (ныне улицы

Горького) и Малаховской (ныне улицы Энгельса). День выдался необычайно ветреный, горящие головни и искры разносились по соседним кварталам.

Бороться с пожарами примитивной пожарной техникой было чрезвычайно трудно, да и на содержание пожарных обозов городскими властями отпускались мизерные средства.

В 1879 году по примеру Петербурга и Москвы организовалось Екатеринбургское Вольное пожарное общество. Существовало оно на пожертвования горожан. На берегу пруда, около Генеральских дач, по инициативе общества устраивались народные гулянья с грандиозным фейерверком. Они приносили обществу некоторый доход.

Члены общества проходили специально подготовку и выезжали на пожары для помощи пожарным. Общество делилось на несколько отрядов: лестничный, трубный (насосный), охранный и отряд водоснабжения. Количество членов общества доходило до ста пятидесяти человек. Наиболее деятельные отмечались на годичных отчетных собраниях и получали в награду особые каски.

Общество покупало для екатеринбургских пожарных частей инвентарь, лошадей, была приобретена паровая машина — высшее достижение пожарной техники тех лет. Совет общества располагал обширными материалами по пожарному делу, вел статистику пожаров.

Между прочим, членом Екатеринбургского Вольного пожарного общества состоял старейший уральский геолог профессор М. О. Клер, умерший в начале шестидесятых годов. Клер заходил в редакцию «Уральского следопыта» и не раз рассказывал мне, как в 1911—1912 годах он активно изыскивал в Екатеринбурге источники воды для пожарных. Соратником М. О. Клера по Вольному обществу был известный тогда в Екатеринбурге парикмахер Булкановский. Услышав набат, он хватал до блеска начищенную каску, которая висела у него в

салоне на самом почетном месте, и стремительно бросался на пожар. И порой какой-нибудь недобритый или недостриженый клиент слезливо кричал вслед ему из распахнутых дверей парикмахерской по улице Пушкинской:

— Господин Булкановский! Вернитесь! А как же я?..

Первая пожарная часть дореволюционного Екатеринбурга. Одна из комнат пожарной казармы. Площадь ее двадцать пять квадратных метров, а живут в ней двадцать два человека. Узкие проходы, темнота, теснота, деревянные двойные нары, матрацы, сделанные из кошмы и обшитые парусиной. В углу иконостас.

На службе пожарные находились бессменно и безотлучно по многу месяцев. Иногда их отпускали «в город» по специальному разрешению брандмейстера. Но пожарным, как «нижним чинам», вход в театры, библиотеки, увеселительные сады строго запрещался. Кроме своих прямых дел они занимались делами совершенно посторонними: расчищали улицы от снега, ловили бродячих кошек и собак, пилили дрова и возили воду начальству. В их обязанности также входило быть крестными отцами при крещении детей в воспитательных домах. Отсюда и бытовавшее прозвище — кум-пожарный...

Одна из улиц Свердловска, бывшая Матренинская, носит имя Сергея Артамоновича Синяева. Член большевистской партии, кочегар на Верх-Исетском заводе, Синяев с 1910 года был еще и начальником охранного отряда Верх-Исетской добровольческой пожарной дружины. Он-то и начал вести среди екатеринбургских пожарных революционную работу.

Когда пришло известие о свержении самодержавия, Синяев со своим отрядом отправился в полицейский участок освобождать арестованных. Затем Синяева выбрали заместителем начальника народной милиции. Осенью 1918 года он героически погиб в бою с белогвардейцами под Сылвинским заводом.

С первых дней Советской власти екатеринбургские пожарные стали не только бойцами огненного фронта, но и красными солдатами. В Ирбите эсеры подняли мятеж и подожгли торговые ряды, магазины и склады в центре города. Екатеринбургский Совет направил на помощь ирбитчанам отряд красногвардейцев и пожарных. Восстание было подавлено, а пожары ликвидированы. Трое суток плечом к плечу боролись с огнем екатеринбургские пожарные и красногвардейцы.

В июле 1918 года белочехам и белогвардейцам удалось захватить Екатеринбург. Когда белые подходили к городу, около половины пожарных ушло с Красной Армией. По указанию Синяева начальник Верх-Исетской добровольческой дружины Кузнецов спрятал все имущество дружины и лошадей в надежных местах.

Интервенты, бывшие в Екатеринбурге, порой не давали пожарным заниматься даже их работой. Вот выдержки из протеста Совета Екатеринбургского Вольного пожарного общества от 23 июня 1919 года, направленного штабу белогвардейской Сибирской армии: «...Во втором часу дня часовой первой пожарной части со своего поста заметил сильный дым, а затем и огонь, выходивший между зданиями в квартале между Покровским проспектом (ныне улица Малышева.— *С. З.*) и Отрясихинской улицей (ныне улица Радищева.— *С. З.*) и передал в пожарную часть телефонограмму о пожаре по сигналу № 4 (открытый пожар). Приехавшая через несколько минут пожарная часть обнаружила, что дым выходит из задней части двора дома № 8 Ваганова, и немедленно занялась установкой машины и прокладкой рукавов в сторону заднего двора.

В этот момент из расположенного во дворе шатра выбежало несколько солдат английского полка, причем один из солдат на ходу надел штык и, угрожая таковым, заставил отойти от установленной машины часть команды и добровольную дружину, а затем, вложив

патроны в винтовку, погнался за трубником, прокладывавшим рукав, и брандмейстером, следовавшим к месту огня, и вблизи брандмейстера произвел выстрел. Команда и дружина... вынуждены были остановить работу.

При последующем выяснилось из разговора с капралом Смиттом, что он имел прямые указания от своего непосредственного начальника не допускать к тушению пожарных, включительно до применения для этого вооруженной силы...

Это не первый случай непозволительного отношения со стороны английских солдат к пожарным командам и добровольной дружине, причем такое отношение поощряется командным составом английского полка».

Но уже шло наступление Красной Армии. Уральцы радостно встречали своих освободителей. Ждал их и Екатеринбург.

Перед отходом белых из города старший брандмейстер Комаров выстроил весь личный состав пожарных частей и распорядился:

— Кто хочет уйти с нами — два шага вперед!

Однако никто не вышел.

На железнодорожных станциях Екатеринбург-I и II колчаковцы облили нефтью вагоны, платформы, пакгаузы и склады с имуществом. Потом подожгли. Багровые языки пламени поползли к небу.

Поднятые по тревоге пожарные части прибыли на станции и начали борьбу с огнем. А белогвардейцы решили пополнить свою конницу за счет пожарных лошадей. Лошади были выпряжены, паровая машина взята. Только один кучер С. Козин вырвался на своем верном Космаче и умчался в город.

Когда в Екатеринбург вошли красные войска, то одной из первых мер созданного военно-революционного комитета была реквизиция необходимого количества лошадей для пожарных частей города.

Еще 17 апреля 1918 года вышел в свет подписанный

В. И. Лениным декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем».

С того декрета и началась история советской пожарной охраны, им был заложен фундамент пожарной безопасности в стране. Особенно горячо молодая республика взялась за реконструкцию пожарного дела после окончания гражданской войны. В Екатеринбурге постановлением коллегии губкоммунотдела решено было ходатайствовать перед центром о переводе конного обоза на автомобильный, «для чего испрашивается пять автомашин». Но чтобы купить автомашины, требовались немалые деньги. Где их было тогда взять? Ведь страна еще не залечила раны после гражданской войны и интервенции. Деньги также были нужны, как указывалось в решении губисполкома, «на улучшение быта пожарных и на содержание пожарного обоза». И в конце февраля 1922 года в Екатеринбурге проходил День пожарника. В городских клубах организовывались спектакли, концерты, в кинотеатре «Лоранж» перед началом сеансов устраивалась лотерея. По городу ездили украшенные специальными плакатами пожарные линейки и пожарные бочки. В первой пожарной части лошади были вороные, во второй — белые. Такая существовала в Екатеринбурге традиция.

25 и 26 февраля в Доме союзов состоялась лотерея. Те, кто желает помочь развитию пожарного дела на Урале, могли выиграть мешок муки, дрова (с доставкой на дом), живого поросенка, самовар и многое другое, что было полезно в то трудное время. Рекламировалось 1500 выигрышей.

И примерно через полтора года парад, проходивший 29 июля по случаю сорок четвертой годовщины со дня образования в Екатеринбурге Вольного пожарного общества, стал своеобразным смотром усовершенствований и успехов, достигнутых уральской пожарной охраной. На парад на площадь 1905 года выехали первые пожар-

ные автомобили — одни автолннеечный ход и две автоцнстерны, сделанные самими пожарными нз пришедших в негодность иностраиных грузовых машнн.

А осенью этого же года у екатеринбургских пожарных появилась новая выходная форма темно-синего цвета со светлым снннм кантом н петлицами, с белымн по ним галунамн. В специальном прнказе говорилось:

«Ношение старой формы, сюртуков, касок с нзображеннем святых в гербах и иагрудных зиаках старого образца, прикреплеине царских гербов н наград запрещается».

14 ноября 1927 года технческое оснащенне пожарной охраны Свердловска пополнилось присланиым из Ленннграда настоящнм автомобнлем отечествениого прондводства. Его мотор и шасси были изготовлеиы на заводе АМО, а остальное оборудование — иа заводах треста «Тремасс». Назвали этот автомобиль «Подстволовый». В двадцатых годах пожариые автомобнли в Свердловске получалн имена. Имена пнсалнсь золотыми нлн белыми буквами иа радиаторах: «Стволовый», «Полуидра», «Уралец», «Доброволец», «Октябрь».

Свердловск был цеитром огромиой Уральской областн. В городе начинали строиться многоэтажные дома. А еслн в инх случится пожар? Как попасть иа пятый этаж? И в августе 1928 года свердловские пожарные получнли из Германии автомеханическую раздвижную лестницу «Магнрус». В то время это был самый огромный автомобиль в Свердловске.

11 августа 1929 года Анна Нниколаевиа Бычкова на параде, состоявшемся на площади Парижской Коммуиы в честь семидесятилетня местиой пожарной охраны и пятидесятилетня Вольного пожариого общества за успехи в работе с огнем вручнла пожариым почетное зиамя. Теперь в городе действовало пять пожарных частей н два заводских резерва. И в торжествеином марше по площади мнмо оперного театра после конного обо-

8 Заказ 387

за — он, правда, отходил уже в историю — проехало восемь пожарных автомашин. Цистерны среди них отсутствовали: в Свердловске в 1929 году уже действовал водопровод.

Последний пожарный парад я видел в конце августа 1937 года. Открывался он необычно: со стороны площади Коммунаров на площадь 1905 года примчался конный обоз. Возглавляла его пролетка с брандмейстером, седым стариком в каске с огромным гребнем. На пролетке красовался плакат: «1917». Где удалось тогда устроителям парада раздобыть несколько допотопных линеек и старых бочек — для зрителей осталось загадкой.

А от оперного театра к площади 1905 года ехала колонна новых красных автомобилей. На головном плакате: «1937». Так встретилось на параде старое и новое в пожарном деле. Больше на моей памяти таких встреч в нашем городе не происходило...

И в заключение рассказа о свердловских пожарных тех далеких лет мне хочется восстановить еще один штрих из их быта.

Во многих книгах, повествующих о былых провинциальных городах, порой упоминается козел, живущий при конюшне пожарной части. Это была стародавняя традиция. Считалось, что козлиный запах отбивает у ласок, хорьков и крыс охоту проникать к лошадям и нарушать их покой. А ласка, кроме того, вообще может перегрызть и лошади шею. Истинна ли эта версия или нет, теперь сказать трудно. Ведь лошадей в пожарных частях давно уже не держат.

Но в двадцатых годах во 2-й пожарной части Свердловска (сейчас в ее реконструированном и надстроенном здании — областное управление пожарной охраны) обитал огромный старый козел по имени Ванька. В конюшню он приходил лишь ночевать, а выспавшись, с раннего утра убегал шататься по улицам.

Сначала Ванька, тряся бородой, важно прохаживал-

ся взад и вперед по Козьему бульвару, который тяиулся тогда вдоль пожариой частн. Побродив так с полчасика, ои отправлялся куда глаза глядят.

Дием Ваньку можио было встретить в любом райоие города. Я видел его не раз иа Хлебиом рыике (на том месте ныне парк-дендрарий). Обшарпаниый, весь облеплеииый репьямн, Ваиька иахально выпрашивал здесь у торговок разлнчиую зелеиь, а в знмиее время бесцеремоиио остаиавливался у возов с сеном и аппетнтно им закусывал. Еслн хозяева сена его гнали, то козел лениво поворачнвался и свирепо угрожал обидчикам острымн рогами.

Одиажды во дворе нашего дома по улице Белииского с треском распахиулась калнтка. Это Ваиька вышиб ее рогамн, а затем собствеиной персоной явился перед иамн. Мы с моим другом и соседом по квартнре Борнсом Кошелевым собралнсь было чем-ннбудь угостнть незваного гостя, ио строгая домовладелнца Лндня Федоровиа выставила Ваиьку вои прн помощн метлы.

К концу двадцатых годов кониый обоз второй пожарной части сократнлся. Лошадей иачалн заменять иовые красивые автомобили. И козел из коиюшнн нсчез. Куда ои делся, ие знаю. Недавно, в отпуске, я был в профилакторнн «Уральские самоцветы» и услышал, как одиа из отдыхающнх, пожнлая женщииа, рассказывала иа прогулке трем молодым спутницам про Ваиьку. Зиачит, не только я его помию.

Идет по Свердловску трамвай

В Берлнне, столице ГДР, открылся клуб коллекциоиеров, собирающих... трамваи. Размещается этот клуб в бывшем депо, в котором уже стоят пятиадцать трамвайиых вагонов-ветеранов 1899—1912 годов. Ииогда эти трамваи появляются иа городских трамвайных линиях,

привлекая внимание туристов. Есть такой же клуб и в Брно (ЧССР)...

В августе 1977 года на улицах Свердловска неожиданно громко зазвенел старенький деревянный трамвай серии «X» Мытищенского завода. Своим видом он сразу выделился среди собратьев. Да и по быстроте значительно уступал нынешним комфортабельным. Как же он попал в современный Свердловск? Ведь в городе трамвайного клуба пока нет. Но сначала немного истории...

Первый трамвай в России пустили 2 мая 1892 года в Киеве. Затем он появился в Одессе, Твери, Екатеринославе. В столичных же городах — Петербурге, Москве — ему пришлось выдержать борьбу с конкурентами. А конкурентами были конки. Владельцы конок, частные и акционерные общества, получившие в свое время права на устройство «конно-железных дорог», долго не хотели возвращать эти права обратно. Закон Российской империи стоял на их стороне. А в выданных правах говорилось, что городская управа в течение пятидесяти лет не может без согласия коночных хозяев использовать на улицах какой-либо другой вид транспорта.

В Москве трамвай пошел только 26 марта 1899 года, а в Петербурге и того позднее — 16 сентября 1907 года...

Конок на Урале не было. И, кажется, вопрос о трамвае мог бы решиться скоро, как это решалось в других бесконочных городах. У трамвая имелось большое достоинство: электрический двигатель. А электричество, как известно,— очень дешевая энергия.

Однако, когда в 1910 году некая английская акционерная компания предложила Екатеринбургской городской думе проложить десять километров трамвайного пути с разъездами и пустить десять вагонов, проект успеха не имел. «Отцы города» не пожелали новых трудностей и

хлопот. Кроме того, они сомневались, а будет ли с трамваем лучше *.

Правда, через четыре года трамвайная проблема возникла вновь, даже избрали специальную комиссию. Но 26 декабря 1916 года дума вынесла решение: работу комиссии «принять к сведению». На том разговор об екатеринбургском трамвае закончился, и извозчичьи экипажи по-прежнему господствовали на улицах «столицы Урала»...

Только в 1927 году вопрос об электротранспорте на Урале был по-настоящему включен в повестку дня.

Через год проект строительства трамвая был разработан, а в мае 1929 года началось строительство первой линии от вокзала до площади Горсовета (ныне здесь на улице Фрунзе находится Южное депо Свердловского трамвайно-троллейбусного управления). Укладывались шпалы, к шпалам привинчивались рельсы, на металлические столбы с перекладиной подвешивались электрические провода. Эти столбы-опоры ставились между трамвайными путями, так как к маленьким деревянным домикам, построенным еще в старом Екатеринбурге, прикреплять провода было ненадежно.

М. Сперанская, бывшая в конце двадцатых годов пионервожатой, вспоминала: «Когда в Свердловске началось строительство трамвайной линии, пионеры и комсомольцы нашей школы собрали столько металлолома, что его хватило на отливку рельс и металлических опор по улице 8 Марта от Сибирского проспекта до улицы Декабристов».

9 октября газета «Уральский рабочий» информировала своих читателей: «Почти все работы закончены, причем на два месяца раньше срока. Но пока нет вагонов...»

---

* Впервые вопрос о трамвае обсуждался в Екатеринбурге городской думой в январе 1899 года.

А через восемь дней газета уже извещала: «Трамвайные вагоны прибыли!»

В день двенадцатой годовщины Октябрьской революции в 10 часов утра на площади Горсовета в полукольце новеньких вагонов открылся митинг, посвященный началу трамвайного движения в Свердловске. От имени обкома ВКП(б) и облисполкома выступил Б. В. Дидковский, от имени горсовета — А. Н. Бычкова, затем, как сообщали репортеры, выступили «представители пригородного крестьянства», рабочие ВИЗа и электростанции. Инженер Егоров, руководивший строительством первой трамвайной линии, заверил, что вторая будет пущена летом, в день одиннадцатой годовщины освобождения Урала от Колчака. Рабочим Мытищинского завода, построившим и приславшим трамваи, была отправлена приветственная телеграмма.

После митинга председатель горсовета Анна Николаевна Бычкова перерезала красную ленточку, и десять моторных вагонов, украшенных флажками, плакатами и гирляндами, под звуки военного оркестра двинулись в сторону вокзала в свой первый рейс. Свердловчане могли праздновать еще одну победу на фронте городского строительства.

Через два дня в 6 часов утра началось нормальное трамвайное движение. И уже днем 9 ноября я первый раз проехал по Свердловску в трамвае. Сел на остановке Ленина-Толмачева и сошел на конечной, на площади Горсовета. Многие прохожие останавливались и восхищенно смотрели вслед отчаянно звонившему вагону. Уж очень старался его вожатый!

А 15 июля 1930 года, как и обещал инженер Егоров, появился второй маршрут. В 4 часа 15 минут Анна Николаевна Бычкова перерезала красную ленточку теперь уже на площади Субботников. И восемь вагонов с рабочими-ударниками Верх-Исетского завода тронулись к центру. Так начала действовать новая линия.

Вначале она доходила лишь до площади 1905 года.

Основное внимание проектировщиков трамвайных маршрутов в Свердловске было нацелено на связь центров с рабочими окраинами.

Поэтому следующая линия была проведена в юго-восточный район Свердловска, в сторону фабрики имени Ленина, до нынешней площади Обороны (в ту пору площадь М. Горького). И в день тринадцатой годовщины Октября появились третий маршрут (ВИЗ — площадь М. Горького) и четвертый (площадь Горсовета — площадь М. Горького). Второй же маршрут продолжили теперь до вокзала. Вскоре трамвайные рельсы связали и площадь М. Горького с Ленинской фабрикой.

А в августе 1931 года к четырем действующим маршрутам присоединился и пятый, однопутный, с разъездами: вокзал — Уралмашинострой (нынешний Уралмаш). На очереди был Втузгородок, новый район Свердловска.

«Открытие движения на Втузгородок состоится 7 ноября,— писал 5 ноября «Уральский рабочий».— На линии площадь Горсовета — Втузгородок будет работать семь вагонов, а на линии ВИЗ — Втузгородок — три вагона. Для этой цели вчера уже получены и разгружаются четыре прицепных трамвайных четырехосных вагона, на сто двадцать мест каждый. Всего в трамвайном парке сейчас имеется шестьдесят четыре вагона».

В скором времени было закончено строительство второй параллельной колеи на Уралмашстрой, и трамвай оттуда начал ходить не только до вокзала, но и в центр города, на ВИЗ, в район площади Горсовета.

В каждом трамвайном вагоне был тогда кондуктор. Громким голосом он объявлял остановки, а чтобы дать сигнал отправления, дергал за конец длинной веревки, болтавшийся над специальным кондукторским местом. Веревка эта соединялась со звонком, установленным в кабине вагоновожатого. Только после сигнала кондукто-

ра трамвай отправлялся. Если имелся прицепной вагон, то вожатый ждал сигнала и оттуда. В моторных вагонах были деревянные сиденья, расположенные друг за другом, а в прицепах вместо них к стенкам приделывались длинные лавки. Зимой трамваи не отапливались. Вагоновожатый и кондуктор в сильные уральские морозы накаливали кирпичи, подкладывали их под ноги. А бутылки с кипятком прятали за пазуху.

Вечером на трамвайной крыше, по бокам маршрутного номера, загорались специальные разноцветные лампочки. У первого маршрута они были обычные. У второго — красные; у третьего — синие; у четвертого — зеленые (четвертый стал ходить по линии площадь Горсовета — Втузгородок); у пятого — одна красная, другая обычная; у шестого — одна синяя, другая обычная; у седьмого — зеленая и обычная. Стоящие на остановках пассажиры могли вечером и ночью легко определить, под каким номером приближается трамвай.

Летом 1934 года в городе курсировал выкрашенный в голубой цвет так называемый вагон-экспресс, или вагон-плацкарт. Билет в нем стоил в три раза дороже, зато останавливался он лишь на центральных остановках (поэтому ход его был быстрее) и количество пассажиров точно соответствовало количеству сидячих мест.

За соблюдением последнего правила очень строго следил кондуктор...

В основном новые линии свердловского трамвая, как это можно было заметить, открывались в день годовщины Октября. Такая уж создалась традиция! Продолжалась она и в дальнейшем: в ноябре 1934 года появился кольцевой трамвай «А». Кольцо его шло по улицам 8 Марта, Ленина, Луначарского и по улице Куйбышева через новый Исетский мост. А утром 7 ноября 1935 года рабочие электростанции имени Куйбышева торжественно приехали на демонстрацию в трамвайных вагонах

по только что открывшемуся маршруту, соединившему Малоконный полуостров с ВИЗом.

Последней довоенной трамвайной линией в Свердловске стала линия, проложенная к управлению железной дороги по улице Челюскинцев. На нее 21 октября 1937 года перевели старейший маршрут, первый.

За десятилетие трамвайный парк нашего города вырос до ста сорока вагонов, длина его путей достигла 59 километров. Пассажиров за это время было перевезено около 653 миллионов... А новая история свердловского трамвая началась после Великой Отечественной войны, в конце сороковых и начале пятидесятых годов, когда на улицах появились вагоны с маркой Рижского вагоностроительного завода...

Сейчас общая протяженность линий трамвайных путей достигла в Свердловске 172 километров. В городе действует 27 трамвайных маршрутов. Трамвай и поныне исправно служит свердловчанам. 15 октября 1983 года во время Всесоюзного субботника, посвященного 25-летию движения за коммунистическое отношение к труду, открылось новое регулярное движение рельсового транспорта в самый молодой жилой микрорайон нашего города — Комсомольский...

Ну, а откуда все же появился в Свердловске в 1977 году старый, дребезжащий трамвай серии «Х»? В этом трамвае был и звонок к вагоновожатому, был и кондуктор. Только не было маршрутного номера, лишь сбоку на бортике значилось: «Экскурсионный».

Оказывается, работники Южного депо задумали тогда поставить памятник свердловскому трамваю. Для этого отремонтировали старый, чудом сохранившийся вагон-ветеран и временно пустили его по Свердловску. Пусть поездка на нем будет для местных жителей своеобразной экскурсией в историю городского транспорта. Правда, для управления этим трамваем специально пришлось обучать вагоновожатого. Им стал Радик

Сайтбаталов. А Маргариту Александровиу Лобанову обучать професснн кондуктора не понадобнлось. Надев зиакомую сумку с бнлетамн на ремие, она решнла вспомннть свою кондукторскую молодость.

Из всех чудес...

7 ноября 1896 года некнй Маржецкий «иа туго иатянутом белом полотие» показал нзумленным зрнтелям Екатерннбургского городского театра «ряд сцен нз обыдеииой жизнн со всемн нх перипетиямн: люди ндут, экнпажи едут, железнодорожный поезд мчится н т. п.» («Екатериибургская неделя», 10 ноября 1896 года). Реальность иового зрелища была иастолько велика, что зрителн воспрнннмалн кадры, мелькавшне перед ннмн на экраие, как действительиость. А газетиый рецензент писал:

«Учащнмся мы особеиио рекомендуем посмотреть картины кнематографа. Еслн к тому же преподавателн физнкн объяснят им теорию, по которой нзобретатель обосиовал свое нзобретеиие, то, иесомненно, это иавсегда сохраннтся в их памяти».

...Наступил 1917 год. В городе к тому времеии было уже четыре большнх постоянно действующнх кннотеатра *. Все оин иаходились в самом центре. Наиболее вместнтельный нз ннх, «Колнзей» (с 1931 года — «Октябрь»), принадлежал тогда золотопромышленику Созановскому. Вторым по величнне счнтался «Лораиж» (иыне это реконструнрованное здание, где находнтся «Совкиио»), принадлежавший двум предпрнннмателям — Дольннку н Эстровнчу. Книотеатром «Художествениый» (теперешнему поколению ои нзвестен как «Са-

* Стационарные кинотеатры впервые появнлись в Екатеринбурге в 1908 году.

лют») распоряжалось иекое акциоиериое общество. И, иакоиец, в сиесеииом в шестидесятых годах старом доме иа углу проспекта Леиииа и улицы К. Либкиехта, где был магазии «Рыба», помещался кииотеатр «Рекорд». Хозяии «Рекорда» Липкеи кроме этого заведеиия имел еще и колбасиый завод в Ярославле.

Коиечио, ии о каких культуриых и просветительиых целях владельцы екатериибургских кииотеатров ие думали... Их интересовало другое — барыши. Поэтому иа экраиах шли такие «шедевры», как «Голубая кровь», «Ни слова, о друг мой!», «Сибирская атамаиша», «Аромат греха», «Любовь была его святыией»...

...Двухсерийиый фильм «Приваловские миллиоиы», сиятый в 1973 году иа Свердловской кииостудии, с большим успехом прошел по экраиам страиы. Его режиссер Я. Лапшии и оператор И. Лукшии были удостоеиы Государствеииой премии РСФСР.

Но, иавериое, мало кто сейчас зиает, что кииематографисты ие впервые обратились к этому ромаиу Мамииа-Сибиряка. «Приваловские миллиоиы» экраиизировались еще до Октябрьской революции. Это был первый художествеииый фильм об Урале. Ставил его режиссер В. Гардии, будущий иародиый артист СССР, по сцеиарию Э. Бескииа и Н. Теиоромо.

До «Приваловских миллиоиов» Гардии выпустил такие фильмы, как «Аииа Кареиииа», «Крейцерова соиата», «Дворяиское гиездо», «Войиа и мир» (совместио с Я. Протазаиовым). В этих фильмах сиимались миогие зиамеиитые актеры той поры.

Актерское творчество Гардии всегда стремился переиести в реальиую, доподлиииую сферу действия. Поэтому, иачав работать иад «Приваловскими миллиоиами», ои со всей кииогруппой приехал летом 1915 года в Екатериибург. Съемки фильма проходили виутри и около Харитоиовского дома, по ромаиу дома Прива-

ловых (сейчас в нем находится Свердловский Дворец пионеров), на Каменных Палатках и в нынешнем городе Березовском. Там выбрали натуру для сцен из заводской и приисковой жизни. Для сцены «купеческого кутежа» пригласили цыган из стоявшего около Екатеринбурга табора.

Сергея Привалова играл артист Кошевский, Надю Бахареву — артистка Ольга Преображенская, будущая постановщица таких известных фильмов (она их ставила вместе с И. Правовым, впоследствии режиссером Свердловской киностудии), как «Бабы рязанские», «Тихий Дон», «Степан Разин», «Парень из тайги». В двух последних снимался и Гардин.

Газета «Зауральский край» помещала на своих полосах репортажи о ходе съемок «Приваловских миллионов». Екатеринбуржцы проявили к съемкам огромный интерес. Вот отрывок из одного репортажа:

«...Озабоченный, нервный и, видимо, поглощенный работой, с сбившейся на затылок шляпой, г. Гардин отрывистыми, резкими репликами направляет действие.

— Прошу еще раз, — просит он.

И снова г. Кошевский — Привалов, приблизившись к Преображенской — Бахаревой, простирает к ней руки, ломает пальцы, и снова в утренней тишине звучит:

— Поймите же, умоляю, я люблю вас, люблю безумно!..

— Так! — роняет Гардин и обращается к Привалову:— Теперь вы заглядываете в лицо ей... Понимаете? Хотите прочесть в ее глазах... Она сказала вам что-то сильное. Бахарева встает (г-жа Преображенская при этих словах встает со скамейки и направляется, минуя артиста-партнера, к раскрытым воротам, ведущим из сада во двор).

— Пошли! — диктует режиссер.

Вслед за Бахаревой, стильная фигура которой четко рисуется на фоне естественной декорации сада и

дома, медленно идет удрученный Привалов. Исчезают в глубине двора. Зорко следит за ними все время режиссер г. Гардин. И без умолку трещит снимающий картину аппарат, ручку которого вращает «монист». Сцена «ухода» не вполне удовлетворяет режиссера и снова повторяется...»

Народный артист СССР С. Герасимов однажды при встрече напомнил мне, что даже после отъезда киногруппы Гардина в городе долго еще шли разговоры о съемках «Приваловских миллионов».

Этот фильм Гардина вышел на экраны в двух сериях. Первая так и называлась: «Приваловские миллионы». А у второй название было иное: «Наследник миллионов». Но, к сожалению, обе эти серии до наших дней не дошли.

Правда, свердловский писатель-краевед Ю. Курочкин, занимаясь в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, обнаружил в рукописном фонде Гардина фотографию. На ней рукой самого Гардина написано: «Гардин. Полевицкая. Приваловские миллионы».

Гардин был не только режиссером этого фильма, но и играл в нем роль Бахарева, а Елена Полевицкая была Зосей Ляховской. В шестидесятых годах она преподавала в театральном училище имени Б. В. Щукина. Здесь одной из ее учениц стала Людмила Чурсина, ныне народная артистка СССР. И в фильме «Приваловские миллионы» 1973 года Чурсина сиялась в роли Зоси Ляховской, как и ее учительница в «Приваловских миллионах» 1915 года.

Вот, пожалуй, и все, что пока мне удалось отыскать о первой экранизации этого известного романа Д. Н. Мамина-Сибиряка...

В конце 1919 года, после Ленинского декрета о переходе фото- и кинопромышленности в ведение Народного комиссариата просвещения, екатеринбургские ки-

нотеатры были национализированы, и ими стала ведать специальная фотокиносекция, созданная при Уральском отделе народного образования.

В скорбные январские дни 1924 года среди восемнадцати московских кинооператоров, снимавших похороны Владимира Ильича Ленина, оказался оператор, специально приехавший из Екатеринбурга. К сожалению, наш земляк — единственный оператор, чья фамилия, в отличие от других, в документе не записана. Его просто назвали «из Екатеринбурга» и подсчитали, сколько метров пленки было им снято...

Многие события, проходящие в Екатеринбурге-Свердловске в двадцатых годах, были зафиксированы кинодокументами. Например, военный парад на Сенной площади и демонстрацию в честь пятилетней годовщины Октябрьской революции снимал, как я уже писал, известный советский оператор Эдуард Тиссэ. А Владимир Шнейдеров, которого все знали как первого ведущего в телевизионном клубе кинопутешествий, создал в 1925 году фильм «Свердловская ярмарка».

Попадались сюжеты, посвященные Екатеринбургу-Свердловску, и в «Госкинокалендаре» (так назывался киножурнал тех лет). В 1924 году для этого «Календаря» были засняты празднование пятилетия освобождения Урала от колчаковщины, антивоенный митинг, состоявшийся по случаю десятилетия начала империалистической войны.

В 1927 году в «Совкино-журнале» (бывшем «Госкинокалендаре») № 19/77 были кадры, рассказывающие о выставке крестьянских художников, открывшейся в Свердловске. Первую премию на ней получил портрет В. И. Ленина, сделанный из соломы...

Тот, кто видел премьеры первых советских художественных фильмов в Екатеринбурге-Свердловске: «Красные дьяволята», «Крест и маузер», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков»,

«Дворец и крепость», «Аэлита», «Мисс Менд»,— помнит, наверное, и непосредственное участие зрительного зала в событиях сюжета. Когда на экране неслась красная конница, зрители восторженно аплодировали и стучали ногами; когда отрицательные персонажи собирались творить свои черные дела, зрители на них цыкали; когда нынешний народный артист СССР Игорь Владимирович Ильинский делал какие-либо забавные трюки, зрители в экстазе кричали:

— Игорь-то, Игорь-то чего откалывает!

Такой бурной реакции способствовала сама специфика кино. Ведь оно еще не имело звука, и основными его выразительными средствами были пантомима, мимика, жест. Зрителю же хотелось и звука. Правда, демонстрация фильмов в кинотеатрах всегда сопровождалась игрой на пианино, которое стояло перед экраном за особой загородкой. Но не каждый пианист мог работать тапером в кино. Для этого требовался особый талант, ведь музыка должна была соответствовать содержанию фильма, а события на немом экране менялись быстро. Значит, и тапер обязан был быстро успевать перестраивать свое сопровождение. В Свердловске этим искусством в совершенстве владел тапер «Колизея» С. Бронштейн. Впоследствии он был одним из организаторов детских музыкальных школ в городе.

Но фильмы тогда демонстрировались не только в кинотеатрах и рабочих клубах. Почти на всех площадях Екатеринбурга-Свердловска имелись киноэкраны, сделанные из досок, выкрашенных белой краской, и кинобудки. Во время революционных праздников вечером на площади обязательно показывались фильмы, но, конечно, без музыкального сопровождения...

...Как-то московский писатель Николай Алексеевич Ловцов, активно сотрудничавший в журнале «Уральский следопыт», сказал мне:

— А знаете ли вы, что к знаменитому фильму Всеволода Пудовкина «Потомок Чингиз-хана» имеет самое непосредственное отношение свердловчанин?

— Свердловчанин?

— Да... Иван Новокшонов...

Имя писателя Ивана Михайловича Новокшонова хорошо помнят многие из старшего поколения жителей Свердловска. В годы гражданской войны он командовал партизанскими соединениями Сибири и Дальнего Востока, воевал с интервентами в Монголии, затем долго жил в нашем городе. Был управляющим делами в объединении Востокосталь, затем его назначили директором только что открывшегося Дома литературы и искусства. Большой популярностью пользовалась книга Новокшонова «Партизанские были», выпущенная в 1934 году Уралгизом. В Свердловском ТЮЗе я видел спектакль по его пьесе «Веселый портняжка». Он написал ее по мотивам сказок братьев Гримм. Издал Иван Михайлович еще одну книгу, повесть «Застрельщики».

Но при чем здесь фильм Всеволода Пудовкина?

— Я в свое время встречался с Новокшоновым,— продолжал Ловцов,— и он рассказал мне замысел сюжета «Потомок Чингиз-хана», затем я видел у него рукопись с аналогичным заглавием. Видимо, это и был сценарий. Не знаю только, почему фамилия Новокшонова не стоит в начальных титрах фильма...

Но Ловцов ошибался. Новокшонов никогда не писал сценария «Потомок Чингиз-хана». Автором сценария был близкий друг В. Маяковского О. Брик. Однако Новокшонов действительно имел самое непосредственное отношение к фильму Пудовкина, так как сценарий создавался Бриком по мотивам его повести, тогда мало известной широкому кругу читателей,— «Потомок Чингиз-хана».

В шестидесятых годах эта повесть вышла в Москве, в издательстве «Советский писатель»...

В ноябре 1930 года в Свердловске появились большие красочные афиши, сообщающие о гастролях художественно-этнографического ансамбля «Горные орлы Кавказа». Гвоздем программы ансамбля считался танец-пантомима «Казнь абрека Заура» из «нашумевшего» (как рекламировалось на афишах) фильма «Абрек Заур».

Наверное, кинозрители старшего поколения помнят немой приключенческий фильм «Абрек Заур», о борьбе кавказских горцев с царским самодержавием и местными князьями. Поставил его режиссер Б. Михин по сценарию И. Бен-Абая.

Демонстрировался «Абрек Заур» всегда при переполненных залах и имел не меньший успех, чем «Красные дьяволята». В фильме были и захватывающие погони, и головокружительные трюки, и джигитовка, и стрельба, а кроме того — хорошая актерская работа и интересная натура. Главную роль играл Васо Бестаев.

Самой лучшей сценой в «Абреке Зауре» была сцена казни, которая и воспроизводилась ансамблем «Горные орлы Кавказа». Захваченный в плен и приговоренный судом к смертной казни через повешение, Заур просил у представителей военной власти разрешения вместе с братом Муртазой перед эшафотом в последний раз станцевать лезгинку. Во время танца братья договорились броситься на солдат, когда Заур крикнет «асса!». Этот кусок, сделанный монтажным способом, держал зрителей в большом напряжении. Сговор братьев кончался успехом: они прорывались сквозь солдатские ряды и скрывались в родных горах. Ясно, что многим свердловчанам еще раз хотелось посмотреть эту сцену, да еще в «живом» исполнении «горных орлов Кавказа».

...Но эра немого кино на Урале, да и не только на Урале, была не такой уж долгой. Второго ноября 1931 года в кинотеатре «Совкино» еще шел немой фильм

«Солистка его величества», а на другой день афиши уже объявили:

«Первый звуковой «Совкино-театр». С третьего ноября и ежедневно звуковой фильм «Путевка в жизнь». В первую очередь билеты отпускаются по коллективным заявкам, оставшиеся билеты продаются через кассу».

Успех «Путевки в жизнь» превзошел все ожидания. Она демонстрировалась до самого конца 1931 года. В этом же году в Свердловске появился первый кинотеатр, построенный здесь при Советской власти,— «Сталь» на ВИЗе. А первого мая 1932 года на Уралмаше» открылся «Темп».

Вскоре все свердловские кинотеатры стали звуковыми. Но об одном кинотеатре мне хочется рассказать подробнее...

Когда-то на улице Толмачева был старенький кинотеатр. Назывался он «Художественный». Но в начале осени 1930 года на афишных тумбах и стендах появились плакаты, в которых сообщалось, что «в день XVI годовщины Международного юношеского дня, 6 сентября, состоится открытие комсомольского кинотеатра (бывший «Художественный»)».

В то время каждое первое воскресенье сентября отмечался Международный юношеский день, сокращенно МЮД. Решение о его проведении было принято еще в разгар империалистической войны, в апреле 1915 года, на Бернской международной социалистической конференции молодежи. Это решение выражало протест против войны, мобилизовывало революционную молодежь на борьбу за мир. В России Международный юношеский день впервые проводился в 1917 году.

Поэтому когда в Свердловске возник вопрос о специальном комсомольском кинотеатре и о его названии, то имя ему нашли скоро: «МЮД». Весь его административно-технический персонал стал комсомольским, в

музыкальный ансамбль, который сопровождал демонстрацию фильмов (фильмы тогда ведь были немые), тоже пригласили комсомольцев. Газета «На смену!» взяла шефство над кинотеатром, помогала в составлении репертуара.

Для экрана «МЮДа» отбирались картины, рассказывающие о молодежи. В первую неделю зрители познакомились с фильмом «Ветер в лицо» — дебютом ныне известных режиссеров, народных артистов СССР А. Зархи и И. Хейфица. В роли комсомольца Бориса Шилина в этом фильме снимался Олег Жаков, тоже будущий народный артист СССР. «Ветер в лицо» рассказывал, как Борис Шилин организовал у себя на фабрике коммуну-общежитие. В заключительных кадрах комсомольцы отважно боролись с ветром, бурей, спасая от наводнения имущество фабрики.

Действие фильма «Молодость побеждает» происходило в Аджарии, где все еще давали о себе знать пережитки прошлого, особенно закон кровной мести. Но советская действительность брала верх, и «кровники» примирялись в комсомольской ячейке. Фильм «Повесть о первой девушке», снятый по известной повести Н. Богданова, рассказывал о комсомольцах гражданской войны. «Завтра ночью» и «Красная Пресня» посвящались революции 1905 года. Тогда как раз отмечалось двадцатипятилетие этого знаменательного события.

Работники молодежного кинотеатра старались к премьерам новых картин делать в фойе соответствующие выставки, приглашать лекторов. На любой сеанс обязательно оставлялись десять бесплатных мест для лучших ударников-комсомольцев городских новостроек. При организованном посещении, не менее двадцати человек, касса предоставляла скидку на 30 процентов. И имелось еще одно новшество: ежедневная кинопрограмма для детей. Открылась она фильмом «Хочу быть летчицей».

Маленькие зрители могли заранее купить специальные абонементы на шесть посещений или прямо в кассе, или через школу (в школах абонементы продавались дешевле). По ним можно было прийти в «МЮД» на любой дневной сеанс и обменять в кассе очередной талончик на билет. Если с владельцем абонемента шел товарищ, то отрывалось два талончика и выдавалось два билета. Особенно нравился нам, ребятам, фильм «Остров Тагуй». Пожалуй, это был один из самых первых фильмов о пограничниках.

«МЮД» оставался комсомольским кинотеатром в течение нескольких лет. Потом его перевели в разряд обычных кинотеатров. Но название не изменили. Так же продолжали демонстрировать юношеские и детские фильмы. В октябре 1935 года в «МЮДе» установили звуковую киноаппаратуру.

А когда в 1945 году была основана Всемирная федерация демократической молодежи, день создания которой — 10 ноября — начал ежегодно отмечаться как Всемирный день молодежи, то МЮД отменили. Само это слово вскоре исчезло из обычного обихода. И свердловский кинотеатр получил свое нынешнее имя: «Салют».

Сейчас на месте старого «Салюта» выросло новое современное здание с двумя демонстрационными залами.

Перенесемся в самый конец 1934 года. Поздней ночью 28 ноября московским поездом в Свердловск прибыли два экземпляра «звукоговорящего» фильма «Чапаев». Фильм этот у нас ждали давно: в кинотеатре «Октябрь» даже специально ремонтировали киноаппаратуру, соответственно оформляли фойе, выпускали рекламу.

«Приезд фильма «Чапаев»,— писалось в «Уральском рабочем»,— не только крупное явление на фронте искусства. «Чапаев» на экранах Свердловска — крупное политическое событие. Учитывая это, необходимо по-

настоящему встретить «Чапаева». Профсоюзные организации обязаны уже теперь подготовить коллективные посещения фильма рабочим зрителем. Следует обставить посещение «Чапаева» таким образом, чтобы наша молодежь, увидев отражение великой эпохи на экране, услышала бы оценку фильма из уст непосредственных участников тех героических дней, в частности, от самих чапаевцев, которых найдется на Урале немало».

30 ноября «Чапаев» начал демонстрироваться сразу в двух кинотеатрах: «Октябрь» и «Темп». Первыми зрителями были красноармейцы, а в 12 часов дня двери зрительных залов распахнулись и перед «штатскими» посетителями.

Слух о необыкновенном фильме молниеносно разнесся по городу в тот же день. И на него началось паломничество. «Уральский рабочий» ежедневно давал сводку:

«6-й день постановки. 33000 зрителей просмотрело художественный фильм «Чапаев». Небывалый успех!»

«7-й день постановки. 38000 зрителей посетило «Чапаева». Все виды пропусков до 19 декабря недействительны!»

Я хорошо помню, как свердловские школьники бредили в те дни «Чапаевым», смотрели его по нескольку раз. Все остальные увлечения и интересы отошли на задний план. В каждом классе находились свои начдивы, свои комиссары Фурмановы, свои Петьки и Анки-пулеметчицы. Многие сцены из фильма ученики помнили наизусть и даже устраивали соревнования, кто лучше изобразит Чапаева, а точнее говоря, скопирует артиста Бориса Бабочкина в этой роли.

В чем же заключался секрет успеха этого фильма у всех зрителей нашей страны? Очевидно, в том, что постановщики Г. и С. Васильевы, актеры и прежде всего, конечно, Б. Бабочкин сумели создать таких героев, что все поверили в их достоверность. Кроме того, легендар-

ность эпохи гражданской войны была соединена с реалистичностью ее показа.

В свердловском кинотеатре «Октябрь» «Чапаев» с небольшим перерывом шел около двух месяцев. Но в районах области в то время еще не было звуковых установок, и летом 1935 года из Москвы получили немой вариант «Чапаева». Интересно, что в нем оказалось несколько небольших сцен, которые в звуковой ленте отсутствовали. В Свердловске немой вариант «Чапаева» демонстрировался в кинотеатре «МЮД»...

Летом 1956 года на гастроли в Свердловск приехал Государственный академический Малый театр. В составе его труппы был тогда Борис Бабочкин. Он мастерски играл эпизодическую роль садовника Самосада в пьесе А. Корнейчука «Крылья» и героя гражданской войны комбрига Рыбакова в пьесе В. Гусева «Иван Рыбаков». В первой картине этого спектакля он обликом чем-то напоминал его Чапаева из прославленного фильма: в бурке, в папахе, с плеткой в руках. Однако только обликом! Внутренне Рыбаков и Чапаев были совсем различными.

Но непосредственно с Бабочкиным-Чапаевым свердловчане встретились через три года, когда на Центральном стадионе состоялся большой театрализованный праздник артистов кино и эстрады.

Перед своим выступлением и после него участники этого праздника делали почетный круг по стадиону на открытом легковом автомобиле. А вот народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Б. Бабочкин в гриме и костюме Чапаева появился, как и на экране, на лихой тачанке.

Когда в начале 1935 года в Свердловске впервые демонстрировался фильм «Веселые ребята», около кинотеатра «Октябрь» с утра до ночи толпился народ. Дело в том, что над главным входом механики укре-

пили громкоговоритель (теперь громкоговоритель именуют динамиком) и, соединив его с аппаратной, дали возможность всем желающим слушать жизнерадостные мелодии Дунаевского.

Пожалуй, именно с «Веселых ребят» и началось рождение настоящей киномузыки. Это был первый случай в истории нашей кинематографии, когда песни с экрана сразу же шагнули в народ. Трудно было найти тогда в Свердловске дом, где не пелись бы «Марш веселых ребят» и «Сердце».

После «Веселых ребят» Дунаевский закрепил свой успех фильмами «Три товарища», «Путь корабля», «Цирк», «Дети капитана Гранта», «Девушка спешит на свидание», «Искатели счастья», «Концерт Бетховена», «Дочь родины», «Вратарь», «Волга-Волга» и т. д. Некоторые из этих фильмов давно уже забылись, а песни из них мы поем до сих пор. Наверное, мало кто помнит в наши дни, что знаменитая «Каховка» была написана Дунаевским для фильма «Три товарища».

Теперь мы часто ходим в кинотеатр, чтобы посмотреть новый фильм определенного режиссера или увидеть в новой роли определенного актера. Но вряд ли идем специально «на музыку». А в тридцатые годы, если в титрах фильма значился Дунаевский, зрители шли именно из-за этого, так как знали, что их любимый композитор подарит новые замечательные песни. И никогда не ошибались.

...В зале гаснет свет, и на экране, среди многих фамилий, начинают мелькать имена режиссеров и актеров. Одни зрителям хорошо знакомы, их встречают, как старых добрых друзей, другие пока еще ничего не говорят. Может, они запомнятся после просмотра фильма, а может... и нет.

Но знают ли свердловчане, что среди тех, кого они так любят встречать в титрах, есть и их земляки.

В конце шестидесятых годов я встретился в Москве с Героем Социалистического Труда, народным артистом СССР Г. В. Александровым, постановщиком фильмов «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», «Весна», «Встреча на Эльбе». Узнав, что я из Свердловска, он сказал:

— Я очень часто вспоминаю Урал. Ведь моя родина — Свердловск. Свою юность я провел в этом городе, в доме № 52 по улице Малышева, правда, тогда она называлась Покровским проспектом, а Свердловск — Екатеринбургом...

В 1919 году на Восточном фронте при политотделе 3-й армии был организован красноармейский театр. Руководил им... шестнадцатилетний Григорий Александров. Он сам сочинял пьесы, сам их ставил, сам исполнял главные роли. Всему этому будущий народный артист СССР научился на курсах клубных режиссеров при Екатеринбургском губпрофсовете.

Сцена фронтового театра помещалась на железнодорожной платформе. А для того чтобы во время неожиданных перестрелок,— а перестрелки случались очень часто,— артисты могли куда-нибудь прятаться, основная декорация была сделана из толстого железа.

После изгнания колчаковских войск с Урала руководитель фронтового театра возвратился в Екатеринбург. В то время там организовался клуб под названием «ХЛАМ», что означало: художники, литераторы, артисты, музыканты. За неимением обуви и головных уборов члены клуба возвели в принцип хождение босиком и с непокрытой головой. Став членом его, Александров тоже начал разгуливать по Екатеринбургу босиком. А так как его назначили инструктором отдела искусств губнаробраза, то в городе он получил прозвище «босоногого комиссара»...

— И в это время,— рассказывал Григорий Васильевич,— я встретился и подружился с Пырьевым...

Мало кто знает, что Иван Александрович Пырьев, тоже народный артист СССР, постановщик таких известных фильмов, как «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Секретарь райкома», «Кубанские казаки», «Идиот», «Братья Карамазовы» имел два георгиевских креста. Получил он их во время первой мировой войны. Совсем мальчишкой Пырьев бежал на фронт и стал разведчиком одной из воинских частей.

Весной 1918 года Пырьев, еще не до конца поправившись после тяжелого ранения, выписался из московского госпиталя и поехал домой, в Сибирь. Но удалось доехать только до Екатеринбурга. Там он записался в один из красногвардейских отрядов, ибо уже начались бои с белочехами...

В 1920 году Пырьев снова очутился в Екатеринбурге и был назначен агитатором в политотдел 4-й железнодорожной бригады.

— Пырьева я впервые увидел в театральной студии облпрофсовета,— вспоминал Григорий Васильевич Александров.— В свободное время он увлекался искусством театра, выступал на концертных эстрадах, читал стихи... Часто мы выезжали со студией на спектакли, проводившиеся по уральским заводам и селам. Я помню, как мой товарищ ловко запрягал лошадь, как он хорошо рубил дрова, как мы устраивали нары в школах, банях — там, где нам приходилось ночевать, и как мы играли спектакли. Вместе с ним мы организовали детский театр.

Театр этот был создан Александровым и Пырьевым в здании нынешнего музыкального училища имени Чайковского на улице Первомайской. Для премьеры была выбрана повесть Марка Твена «Принц и нищий». Инсценировку написал Александров. Правда, в ее сюжет он внес много фантастического и сам играл роль сказочного персонажа — Ветра. Для этой роли Александров сделал себе особый головной убор — блестящий шлем

с крыльями. Впоследствии такой же шлем фигурировал в фильме «Цирк», его во время воздушного полета надевал герой фильма Мартынов.

Кроме того, в Екатеринбургском детском театре Александров и Пырьев поставили пьесы «Тролль с Большой горы» и «Отчего вечно зелены хвойные деревья».

Таким образом, у истоков Свердловского театра юного зрителя стояли будущие выдающиеся советские кинорежиссеры. В конце 1921 года они отправились на учебу в Москву и поступили в рабочий театр Пролеткульта.

— В первом же спектакле,— вспоминает Г. В. Александров,— нам пришлось играть вместе. Ставили «Мексиканца» по Джеку Лондону. Художником спектакля был Сергей Эйзенштейн, но практически он был и режиссером. Играли мы разные роли, но встречались и в главных — мексиканца Фелипе Ривера и Дэнни Уорда. Если помните, рассказ Лондона кончается победой мексиканца на ринге и отправкой оружия повстанцам. А Эйзенштейн сделал два финала спектакля — мажорный и трагический. Все зависело от исхода поединка. На сцене — настоящий ринг, настоящий бой, в зале — настоящие страсти. Ох, и дрались мы с Пырьевым! И побеждали с переменным успехом...

Сергей Герасимов — также один из старейших деятелей советского кинематографа, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР. Еще девятнадцатилетним юношей он дебютировал в 1925 году в фильме молодых тогда режиссеров Г. Козинцева и Л. Трауберга «Мишки против Юденича» в роли шпика. После этого Герасимов снимался почти во всех их немых лентах, причем часто изображал отрицательного персонажа.

Но в историю нашего кино он вошел прежде всего не как актер, а как постановщик фильмов. Его первая звуковая картина «Семеро смелых» (1936 год), посвященная комсомольцам-полярникам, сразу поставила

Герасимова в ряды ведущих советских режиссеров. «Семеро смелых» и вышедшие вслед за тем на экран фильмы «Комсомольск» и «Учитель» явились своеобразной трилогией о молодежи тридцатых годов.

Да и почти все творчество Герасимова — повествование о нашей молодежи. Это и «Молодая гвардия», и «Сельский врач», и «Журналист», и «У озера», и «Любить человека», и «Дочки-матери». Кроме того, он известен как педагог, воспитатель не одного поколения советских режиссеров и киноактеров. Сюжеты некоторых его фильмов связаны с Уралом: «Большая земля», «Журналист», «Дочки-матери». И это не случайно. Родился Герасимов в нашем городе, раннее детство его прошло в нынешней Челябинской области. Затем, после смерти отца, семья возвратилась в Екатеринбург. Учился будущий режиссер в реальном училище (ныне здание на углу проспекта Ленина и улицы Маршала Жукова).

Мне приходилось встречаться с Сергеем Аполлинарьевичем. Герасимов часто бывает в Свердловске: ведь свердловчане уже который раз выбирают своего земляка депутатом Верховного Совета РСФСР.

В одном из интервью он говорил:

— Вся наша семья была увлечена искусством. И с детства моя художественная натура развивалась на основе пиетета перед именами классиков. Первым спектаклем, который я увидел, была опера «Евгений Онегин», оставившая в моей памяти неизгладимое впечатление. Свердловск и в те времена славился своим оперным театром и своей музыкальностью.

Широко известен Герасимов и экранизацией известных произведений литературы: «Маскарад», «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Красное и черное», «Юность Петра». Есть у него и фильм о жизни нашего тыла в дни Великой Отечественной войны, снятый по собственному сценарию,— «Большая земля».

Замысел его возник у режиссера еще накануне Оте-

чественной войны. Поводом послужили факты, которые он наблюдал в дни боев с белофиннами. В феврале 1940 года Герасимов на встрече с рабочими Кировского завода в Ленинграде говорил:

— В будущей картине будет показана молодая семья, живущая мирной жизнью, строящая новый быт, освобожденная от капиталистических пережитков, от недоверия друг к другу, от праздности, от излишней ревности. Но вот вспыхивает война. Муж едет на фронт, жена остается в тылу, борется за то же самое дело, за которое борется муж на фронте. Красной нитью через весь фильм пройдет его основная идея: победа будет за нами, ибо наше дело правое.

Но замысел осуществился позже. Действие фильма перенеслось на Урал. Теперь он рассказывал об эвакуации ленинградского завода. Подразумевался — Кировский. В картине показывались тяготы военных лет, в ней чувствовалась неразрывная спайка заводчан с жизнью всей страны и особенно с фронтом, который ждал от завода танков.

— В ней есть сцены, которые по сей день мне дороги своей достоверностью,— признавался впоследствии Герасимов.— В показе традиционных отношений между старшими и младшими, между мужем и женой, в поведении молодежи, в песнях, в плясках, в мельчайших деталях быта раскрывалось на только общее, существенное для жизни всей страны, но и то, что отличало именно Урал, характеризовало его как рабочий край.

Героиню «Большой земли» солдатку Анну Свиридову играла Тамара Макарова.

После того как ее мужа призвали в армию, Анна поступила работать на эвакуированный завод, организовывала жителей поселка помогать заводу, фронту. Прежде Тамара Макарова близко не знала Урала, но в фильме при помощи режиссера она сумела найти для Анны своеобразные черты уральского характера. Даже

говор у нее был уральский. В своей книге «Страницы биографии» Герасимов отметил, что считает «работу Тамары Макаровой в этом фильме лучшей из ее работ».

В героине Макаровой, конечно, чувствовалось родство с другими ее героинями («Семеро смелых», «Комсомольск», «Учитель», «Непобедимые»). А вот Марк Бернес в этом фильме выступал не в своем амплуа. Кинозрители любили его в ролях мужественных и веселых героев, и было неожиданностью, когда в «Большой земле» он играл отрицательного типа — начальника снабжения завода Козырева. Бернес показал его вездесущим, самоуверенным, обнаглевшим деятелем, который, используя свое служебное положение и личное обаяние, занимается темными делами...

Газета «Уральский рабочий» информировала читателей, что съемочная группа фильма «Большая земля» прибыла в Свердловск: «Фильм рассказывает о людях Урала, которые крепят оборонную мощь страны...»

На съемках в один из дней возникли непредвиденные трудности. И, чтобы их ликвидировать, директор фильма Э. Солуянов обратился за помощью в горсовет. Помощь была обещана, но взамен в горсовете попросили, чтобы Бернес, чьи песни из недавно вышедшего на экраны фильма «Два бойца» распевал весь Свердловск, исполнил их в одном из новогодних концертов.

Бернес до этого специально с песенным репертуаром нигде не выступал. Но отказаться тут было просто неудобно. И 30 декабря 1943 года он, отчаянно робея, вышел на сцену Дома Красной Армии (ныне Дом офицеров) и спел «Тучи над городом встали», «В далекий край товарищ улетает» и «Темную ночь».

Так состоялся эстрадный дебют М. Бернеса, принесший ему большой, заслуженный успех. Это его окрылило, и вскоре он отправился с концертами по Уралу...

В фильме «Большая земля» снимался также и Петр Алейников. А роль директора эвакуированного завода

Аникеева исполнял известный украинский актер Виктор Добровольский. Вначале Герасимов думал, что директор будет главным героем. Но в процессе работы над фильмом замысел изменился.

— Хотел рассказать про Аникеева, а рассказал больше про Анну,— признался он, когда «Большая земля» вышла на экран.

Уральский характер героини оказался для режиссера-уральца интересней и ближе. В будущем Герасимов развил этот характер в фильмах «Журналист» (Шура Окаемова) и «Дочки-матери» (Оля Васильева)...

Почти шестьдесят лет знают и любят поклонники кино старейшего мастера экрана народного артиста СССР Олега Петровича Жакова. Я встречался с ним весной 1969 года в Иркутске, где его старый друг Сергей Герасимов снимал фильм «У озера». Жаков играл в том фильме одну из главных ролей. Кинокритики и зрители всегда отмечали удивительное свойство этого актера глубоко проникать во внутренний мир своих экранных героев, создавать образы, в которых внешняя простота и сдержанность сочетаются с динамизмом и тонким психологизмом.

Разговор со мной Жаков начал так:

— В звуковое кино я пришел из немого. А актеры немого кинематографа, вынужденные молчать, доказывали своей игрой, что для передачи различных человеческих эмоций слово — далеко не единственное средство. Жест, мимика, движение могут сказать о многом. И если в первые годы звукового кино все это было забыто, то Герасимов своим звуковым фильмом «Семеро смелых» как бы напомнил, что не стоит сдавать в архив завоевания «великого немого».

Я поинтересовался, сразу ли Жаков нашел свое место в жизни, сразу ли стал киноактером. И в ответ услышал:

— Нет, не сразу... Родился я в Сарапуле, впоследствии вместе с семьей переехал в Свердловск, тогда еще Екатеринбург, где и окончил школу второй ступени. Чтобы продолжить учебу дальше, мне, как сыну врача, надо было получить так называемый «трудовой стаж». И я пошел работать на местную электростанцию «Луч». (Сейчас в этом здании находится энергохозяйство Свердловского трамвайно-троллейбусного управления.— *С. З.*) Выполнял там сначала обязанности масленщика, затем стал помощником дежурного по распределительному щиту. После электростанции я поступил в педагогический техникум.

Но у меня была одна страсть: спорт. В начале двадцатых годов в Свердловске, в спортивном зале бывшей мужской гимназии, находился спортивно-гимнастический клуб всевобуча имени Подвойского. (Сейчас здесь находится спортзал средней школы № 9.— *С. З.*) Первое время в этот клуб принимали всех желающих, затем стала требоваться рекомендация одного из его членов. Помню, со мной в спортивных секциях занимались братья Б. и Г. Фомичевы, Петр Фесенко, братья Коноваловы, Виктор Лагуткин, Наум Зислин, Николай Краснолуцкий, Лев Иевлев. Была у нас гимнастическая группа, была и легкоатлетическая, увлекались мы и лыжным спортом, и конькобежным, играли в футбол.

Спортсмены клуба имени Подвойского на демонстрациях обычно шли во главе самой первой колонны. А демонстрации тогда проходили довольно часто. Мы сами сшили себе одноцветную спортивную форму. В те времена достать майку или трусы было сложно, поэтому надо оценить нашу «самодеятельность».

Летом мы устраивали показательные гимнастические выступления в городских садах, особенно часто выступали в саду имени Вайнера.

Вот спорт-то и привел меня в кино. В ту пору в Свердловске шло много трюковых американских филь-

мов. Были и советские трюковые картины, например «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков». И когда я их смотрел, то мне казалось, что и я могу выполнить все те трюки, которые демонстрируются на экране.

В 1926 году я окончательно решил, что педагога из меня не получится, и ушел с третьего курса техникума. Но отец, узнав о моем намерении поехать в Ленинград, чтобы стать киноактером, посоветовал все же сначала приобрести какую-нибудь специальность. «А кино от тебя не уйдет»,— сказал он.

В Ленинграде я поступил учиться на Фабрику эксцентрического актера, сокращенно ФЭКС, которую возглавляли Григорий Козинцев и Леонид Трауберг. У них уже занимались два свердловчанина — Сергей Герасимов и Петр Соболевский. (Петр Соболевский, впоследствии заслуженный артист РСФСР, известный киноактер.— *С. З.*)

На экзамене Козинцев предложил мне изобразить... Плюшкина. Я «изобразил» и был принят.

Однако, помня напутствие отца, я подал заявление в Ленинградский кинофототехникум, решив, что если актера из меня не выйдет, то по крайней мере получится кинооператор или фотограф. Но через год я простился с этим техникумом, ибо понял, что буду только киноактером и больше никем. И хотя прошло много лет, я не жалею о выборе профессии.

А на вопрос, мечтал ли Жаков стать когда-нибудь актером театра, он моментально ответил:

— Никогда... Только один раз в жизни я сыграл на сцене. Было это в Свердловске, в годы моего учения в педагогическом техникуме. Драмкружок техникума решил поставить гоголевскую «Женитьбу», и мне дали роль отставного пехотного офицера Анучкина. Во время спектакля я боялся поднять глаза и «проговорил» весь свой текст, уставившись в пол.

Меня привлекает кино, его специфика, и я не могу представить, как это одну и ту же роль можно играть... пятьдесят или сто раз.

Правда, мои коллеги успешно выступают на сцене в специальном театре киноактера, многие театральные актеры совмещают работу в театре и в кино. Я же, очевидно,— исключение из этих правил.

Еще я поинтересовался, какая же у него самая любимая роль? Жаков немного подумал:

— Да, пожалуй, Федор Таланов в фильме «Нашествие». Фильм этот в 1944 году по пьесе Л. Леонова снимал режиссер А. Роом. Я же здесь был не только актером, но и сорежиссером.

Федор Таланов — очень сложный образ. Он отвергнут обществом, ему отказано в доверии. У Леонова Федор показан человеком с уголовным прошлым. Я никак не верил в это, так как слишком хорошо знал ту среду, в которой вырос мой герой. Отец Федора Иван Тихонович Таланов, как и мой отец, врач. (Петр Захарович Жаков был в Свердловске видным медицинским работником. После Великой Отечественной войны получил звание заслуженого врача РСФСР.— *С. З.*) И не мог он воспитать уголовника. Поэтому я трактовал Федора по-иному, и впоследствии Леонов согласился с этой трактовкой. Федор Таланов стремился зажить общей жизнью своего народа, слиться с ним в общей борьбе. И в конце концов это ему удавалось.

Шли годы, и фильм «Нашествие» решили вновь выпустить на экраны. Но звуковая дорожка в некоторых местах была попорчена. Меня попросили переозвучить эти места, но когда я услышал свой голос двадцатипятилетней давности, металлический, молодой, то растерялся. И ничего у меня не получалось. В конце концов пришлось сказать: «Братцы, приглашайте любого актера, пусть он заново озвучивает... Возражать не буду».

Тогда мне предложили посмотреть не куски, а весь

фильм. И когда я его посмотрел, то не знаю, что со мной сделалось, но я опять был «в образе» Федора Таланова и на едином дыхании проговорил то, что от меня требовали.

После этого было решено переозвучивать весь фильм от начала до конца. И вскоре он демонстрировался в новом звуковом варианте...

Немало кинематографистов, начав свой сознательный жизненный путь в Свердловске, шагнули затем на большой экран и приобрели широкую известность. Я лишь напомнил о тех, кто стоял у истоков советского кино.

Как можно цирка не любить!..

Деревянное здание Свердловского цирка, которое многие жители города, наверное, еще помнят, было построено в 1933 году на пересечении улиц Куйбышева и Розы Люксембург и существовало до 1974 года. В том же году коллектив СУ-9 треста Свердловскгражданстрой получил документ, по которому ему разрешалось готовить площадку для строительства нового цирка.

Теперь это уникальное сооружение на 2560 зрителей с куполом из решетчатых и ребристых полуарок — украшение Свердловска. Оно органично вписалось в общий архитектурный ансамбль. Его видно с любой точки города. С 1 февраля 1980 года там идут представления.

Размеры арены нового цирка традиционны — тридцать метров в диаметре. Но покрыта она не опилками, как бывало прежде, а каучуком. Это и гигиеничнее и удобнее. Высота циркового шатра от арены — почти тридцать метров. Любой зритель, даже сидящий на последнем, восемнадцатом ряду, может хорошо видеть

все, что показывают артисты, и хорошо слышать. Акустика здесь прекрасная.

Возведено это здание на берегу Исети, неподалеку от того места, где находился первый в Свердловске государственный цирк. Действовавший до него в двадцатые годы цирк на площади Уральских коммунаров был частным. Он принадлежал то какому-нибудь отдельному предпринимателю, то группе артистов, именовавшейся «Коллектив». Номера его программы преподносились на афишах так:

«Цирк (Верх-Исетская площадь). В воскресенье, 10 августа, прощальный бенефис иллюзиониста Леонарди. Гвоздь арены, последняя новинка Нью-Йорка «Тамбур-мажор Люцеферна». Моментальное исчезновение и появление на глазах у зрителей!»

Или: «Аттракцион. 1-й раз в Свердловске. «Таинственная женщина-невидимка».

Но, несмотря на столь соблазнительную рекламу, цирк в городе не пользовался особой популярностью. Сказывалось и невысокое содержание программ, и то, что находился он все-таки далеко от центра. В те времена площадь Коммунаров многим свердловчанам казалась окраиной. Мне пришлось побывать там с отцом всего лишь три раза на воскресных дневных представлениях.

Однако в октябре 1926 года о цирке заговорили. На каждом представлении места были заполнены до отказа. Что же произошло? А произошло следующее: в Свердловск приехал Виталий Лазаренко.

Теперь имя Виталия Лазаренко окружено легендами. Он по праву считается основоположником боевой сатиры на цирковой арене. Первым из артистов цирка Лазаренко стал выступать в цехах фабрик и заводов, стал сотрудничать с профессиональными литераторами. В создании номеров ему помогали В. Маяковский, Д. Бедный, В. Лебедев-Кумач, Н. Адуев, А. Арго, М. Пустанин. Себя он гордо именовал «шутом его величества народа».

Газета «Уральский рабочий» после первых его выступлений восторженно писала: «Он не только мастер цирка, но и его лучший художник, его настоящий артист, волнующий зрителя бодрой, радостной верой в творческие силы человеческого слова и жеста. Лазаренко первый озарил, воодушевил цирк подлинным вдохновением, и это вдохновение он одинаково вложил и в слово, и в цирковую динамику тренированного человеческого тела. Недаром он — лучший советский клоун, острый, меткий, злободневный; недаром он — лучший прыгун, смелый и отчаянный в своих состязаниях со смертью».

На арене Лазаренко появлялся под бравурный галоп в двухцветном клоунском костюме-комбинезоне и в миниатюрной черной шапочке. Волосы были взбиты хохолком, брови нарисованы «ласточкой». И сразу, после первых его слов, зрители невольно включались в бурный и радостный цирковой праздник.

Вначале шел вступительный стихотворный монолог, который Лазаренко, «сын шахтера и босячки», читал чуть хрипловатым голосом. (Хрипота осталась у артиста с детских лет. Мальчиком ему приходилось на балаганном раусе в легком костюме в любую погоду шутками и прибаутками зазывать на представление народ.) После монолога шли отдельные пародийные сценки-репризы.

В Свердловске в этих сценках Лазаренко выступал и в роли циркового акробата, и в роли «митингового оратора», и в роли простодушного на первый взгляд украинского мужичка. Назывались репризы «Кирпичики», «Исповедь хулигана», «Чемпионат», «Эволюция митингов», «Радиосатира».

Текст «Чемпионата» (полное название «Чемпионат всемирной классовой борьбы») был написан В. Маяковским. В этой динамичной сценке Революция вступила в борьбу с Антантой, с белогвардейцами, со спекулянтами и саботажниками — и выходила победительницей.

В конце номера Лазаренко демонстрировал свои феноменальные прыжки. Разбежавшись и оттолкнувшись от маленькой деревянной подставочки, трамплина, он прыгал и через три лошади, и через шесть, и через восемь. Перед каждым прыжком обязательно читал сатирические стихи.

Все это проходило в зажигательном темпе. Рецензент «Уральского рабочего» подчеркивал: «Мы все время сидим на месте, а он — подвижный, темпераментный клоун и прыгун — мчится по арене цирка, появляясь то вверху, среди публики, то внизу, в дверях, но кто знает, не стыдясь своих неуклюжих движений, не сорвались бы мы с места, чтобы следом за Лазаренко, вспрыгнув на трамплин, проделать в воздухе десяток-другой его исключительных кульбитов и сальто. Да, такова сила таланта...»

20 октября в Свердловском цирке состоялся «Показательный вечер Виталия Лазаренко». Артист выступал во всех своих амплуа: и как прыгун, и как клоун, и как сатирик. Мастер перевоплощения, он высмеивал и бичевал спекуляцию, бюрократизм, зазнайство некоторых ответственных работников, призывал к борьбе с пьянством и хулиганством, напоминал молодежи об учебе, говорил о развитии в нашей стране науки и просвещения. Каждое слово, каждая шутка подавались живо, весело, ярко, били в цель...

Среди деятелей советского цирка Виталий Ефимович Лазаренко стал вторым после В. Л. Дурова заслуженным артистом республики. Это почетное звание ему было присвоено в 1929 году. Впоследствии правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени. Такую высокую награду среди мастеров арены он получил первым.

Ведь именно он, «шут его величества народа», в первые годы Советской власти по-настоящему познакомил свердловчан с цирковым искусством...

Но вот наступило лето 1930 года. В нашей стране по пятилетнему плану быстрыми темпами шла перестройка народного хозяйства. Люди были охвачены каким-то невиданным энтузиазмом. Строились также театры, кинозалы, клубы.

По Свердловску пестрели афиши:

«Гастроли Московского госцирка. Новое здание на Хлебной площади».

«В ближайшие дни начало цирковых представлений! Следите за рекламой!»

«Исключительный состав труппы! В программе лучшие русские и иностранные артисты. Первоклассные аттракционы, группы дрессированных животных. Государственная конюшня дрессированных лошадей».

Открытие государственного цирка состоялось в Свердловске 11 июля 1930 года.

«Цирк открыт,— писала местная комсомольская газета «На смену!» 13 июля.— Билеты раскуплены на много дней вперед. У касс сотни и тысячи «жаждущих». Интерес к цирку огромный. И этот интерес понятен и вполне объясним...»

Уралпрофсовет шел навстречу свердловчанам. Приобретал билеты на целевые представления, а потом продавал их на предприятиях с 45-процентной скидкой. Надо сказать, что и артисты цирка не оставались в стороне, пропагандировали свое искусство. Они появлялись в обеденные перерывы в цехах, на строительных площадках и показывали фрагменты из номеров. Особенно часто их можно было видеть на Уралмашинострое.

Хотя реклама широко вещала об иностранных артистах, но их в начальной программе не было. Исключение составляли лишь немецкие жонглеры Брамсон. А так все три отделения занимали советские артисты (тогда программа в цирках шла в трех отделениях). Правда, очень многие из них старались укрыться под иностранными псевдонимами. Эта традиция шла еще от старого

цирка. Придуманная, красиво звучавшая фамилия облегчала путь на арену. Лишь немногие добивались права выступать без псевдонима.

Вот и в тридцатом году группа акробатов, которой руководил Леонид Ольховиков, называлась «10 Океанос». Были и «4 Сав», акробаты на электрическом волчке. Гуттаперчевые люди — «2 Освальд». А эксцентрические танцоры значились как «2 Тик-Так».

Правда, были артисты, которые уже выступали без псевдонимов. Например, дрессировщица пони и догов Капитолина Бескаравайная, коверный клоун В. Иванов.

Через неделю, 18 июля, в цирк дополнительно прибыл «германский аттракцион»: «Эрнест Шу с его группой хищников, 7 львов-великанов из зоологического сада Карла Гагенбека в Гамбурге».

Хищные звери стоили баснословные деньги. Наша страна в ту пору их еще покупать не могла. Поэтому и приглашались иностранные укротители. Кроме того, опыта и специальных знаний по дрессировке хищников советские артисты пока не имели.

Я помню, как около дома, в котором я жил по улице Белинского, на заборе появилась афиша. Она анонсировала о дневном представлении в ближайшее воскресенье с участием Эрнеста Шу.

«Сила зверя! Воля человека!» — вещали красные аршинные буквы.

Конечно, все ребята нашего квартала отпросились у своих родителей в воскресенье в цирк. Заявились мы задолго до представления, которое начиналось в 2 часа. Чтобы скоротать время, пришлось побродить по базару, раскинувшемуся на тогдашней шумной и пыльной Хлебной площади.

Наконец долгожданный первый звонок, распахиваются входные двери...

Сам цирк по внешнему виду напоминал круглый сарай. На столбы был натянут куполообразный брезен-

товый шатер-шапито. На арене, посыпанной свежими опилками, лежал большой ковер. Зрителям предлагались узкие скамьи без спинок.

В те далекие годы находились люди, протестовавшие против «всякой красивости». Они считали, что если инспектор циркового манежа (шпрехшталмейстер) выйдет на представление во фраке, то он будет выглядеть «буржуазным элементом». Поэтому некоторые инспекторы объявляли номера в обычной будничной одежде. Помню, что наш был в толстовке.

Само представление шло четко и уверенно. Инспектор манежа, не пользуясь микрофоном, как это делается теперь, очень торжественно объявлял выход артистов. Замечательно демонстрировали свои сложные фигурные трюки «Океанос». Это был большой коллектив акробатов разного возраста с подкидными досками. Работали они сразу на нескольких досках. Артисты в бешеном сальто-мортале летали над ареной примерно на три-четыре человеческих роста. В конце руководитель группы уносил на себе в пирамиде всех партнеров.

Лихо отбивали чечетку «2 Тик-Так». Весело играли на разнообразных музыкальных инструментах клоуны братья Колпетти (Коля и Петя). Но меня особенно поразили лошади.

В цирке группа лошадей, пусть их будет четыре или, скажем, двадцать, именуется конюшней. В первый сезон Свердловского госцирка с конюшней выступал дрессировщик Павел Манжелли (Шевченко).

Когда украшенные султанами из разноцветных перьев одномастные лошади с горделивым изгибом шеи появились на арене, то у меня создалось впечатление, что питомцы Манжелли работали самостоятельно! Слаженность движений умных животных на протяжении номера была поразительной! По собственной воле с необычной грациозностью меняли ритм бега, становились на колени или начинали кружиться в вальсе, а дрессиров-

щик стоял посередине, наблюдал да щелкал шамберьером (длинным бичом).

Закончилось все очень эффектно. Манжелли поднял несколько лошадей на дыбы, и они, вздыбленные, прошли чуть ли не через всю арену.

В 1939 году Павел Манжелли стал заслуженным артистом РСФСР. Его сын, Борис Манжелли, тоже заслуженный артист РСФСР, рассказывал про лошадей своего отца:

— Помню, в конюшне отца были оригиналы. Вот, например, Кардинал славился пристрастием к блюдам, казалось бы, противоприродным для лошади. С удовольствием ел предложенный ему конюхом украинский борщ. Все другие обожали сахар, а Кардинал с наслаждением уплетал и селедку. Конь Бедуин, наоборот, был невозможный сладкоежка. Это был очень дружный со своими «коллегами» жеребец. При содействии соседа ему не раз удавалось развязаться и выйти из стойла. Каким-то образом Бедуин проникал в пустующие во время работы цирковые фойе, куда вел его тонкий нюх. Там Бедуин довольно ловко умудрялся вытаскивать из урн и поедать вафельные стаканчики, в которых еще оставалось мороженое...

Мне и теперь кажется, что без лошадей нет подлинного цирка. Без них и арена с традиционным тридцатиметровым диаметром смотрится как-то странно, пустынно...

Интересно, что коверный клоун Иванов за всю программу не произносил ни единого слова. Он был, если сказать по-нынешнему, клоуном-мимом. Одет Иванов был в обычный черный костюм. Однако с рыжим клоунским париком, правда коротким, расстаться побоялся. Традиции, идущие от старых времен, еще крепко связывали артистов цирка.

А вот Эрнест Шу со своими «львами-великанами» (выглядели «великаны» обычными львами) мне не осо-

бенно понравился. Проделывали они самые несложные трюки. Дрессировщик искусственно будоражил зверей, тыкал им в морды палкой, чтобы вызвать рев или взмах лапой, гонял без всякой цели по клетке, беспрерывно хлопал бичом.

Говорили, что на вечерних представлениях среди львов Эрнеста Шу танцевала с серпантином (серпантин — мигающий свет разных цветов) «артистка парижской оперы «Олимпия» Анита-Ки». Но я этого лично не видел...

Радостно возбужденные, перебивая друг друга воспоминаниями о недавнем представлении, шли мы домой. А на другой день организовали у себя во дворе самодельный цирк. Смотреть нашу программу приходили юные зрители со всего квартала...

Деревянный цирк на Хлебной площади просуществовал три летних сезона. На его арене демонстрировались лучшие номера и аттракционы того времени. Вспоминаются, к примеру, слоны немецкого дрессировщика Отто Майера. Только мне больше хочется рассказать о советских артистах, которые в те годы еще только начинали творческий путь, однако уже чувствовалось, что они отличные мастера своего дела. На первое место я поставил бы Владимира Григорьевича Дурова. Но немного истории.

В дореволюционной России имена клоунов-дрессировщиков братьев Анатолия и Владимира Дуровых пользовались такой же популярностью, как и имя Федора Шаляпина. Их политические шутки на арене, сатирические репризы передавались затем из уст в уста. Из многих городов братьев Дуровых выдворяла полиция.

В 1916 году Анатолий Леонидович умер, а Владимир Леонидович в 1927 году получил в нашей стране первым среди цирковых артистов почетное звание заслуженного. Правда, в последние годы на арене он уже не выступал, а занимался в Москве научной и исследовательской

работой в знаменитом уголке Дурова на улице Божедомка, переименованной теперь в улицу Дурова.

На арене с успехом продолжал дуровские традиции сын Анатолия Леонидовича — Анатолий Анатольевич. Но 19 ноября 1928 года он был случайно убит на охоте под Ижевском. Та полянка, где погиб Анатолий Анатольевич, ныне зовется Дуровской.

В двадцатые годы крупные цирковые номера составляли частную собственность цирковых артистов. Поэтому все животные Анатолия Дурова-младшего, его реквизит, его гардероб перешли к законным наследникам. К сожалению, среди них не было такого, который бы мог выводить животных на арену. Тогда в Москву в студию театра имени В. Мейерхольда дана была телеграмма племяннику погибшего, студенту Владимиру Григорьевичу Дурову. И 27 ноября 1928 года он дебютировал в Ижевском цирке с аттракционом своего дяди. Дебют прошел успешно*. У нового дрессировщика была мягкая манера обращения с животными, чувствовался и контакт со зрителями, прекрасное впечатление производили внешние данные, общая театральная культура, умение носить костюм, обаяние молодости, и наконец, бесспорные дуровские способности балагура-импровизатора.

И вдруг нагрянула беда! Молодого Дурова обвинили в самозванстве! Дело в том, что по отцу он был не Дуров, а Шевченко. В конце концов выступать как Владимиру Дурову ему разрешили исключительно в периферийных цирках.

Конечно, цирки в этих городах только выигрывали, в том числе и свердловский. Гастроли Владимира Дурова-младшего, как указывалось в афишах, начались здесь 2 сентября 1931 года. В городе о молодом дрессировщике сразу заговорили.

---

* В. Г. Дуров был подготовлен к самостоятельным выступленням. В течение нескольких лет, во время летних каникул, он приезжал к А. А. Дурову и помогал ему в работе.

Меня, ученика третьего класса, родители пускали лишь на дневные представления. Да и попал я на дуровский аттракцион не скоро, и вот почему. В Советском Союзе тогда была отменена семидневная неделя и введена непрерывная пятидневка, то есть общих выходных не было. Каждый работающий или учащийся отдыхал в положенный ему день пятидневки. Даже на титулах свердловских газет исчезли названия дней: писалось «первый день пятидневки», «второй день пятидневки» и т. д. А цирк давал свои дневные представления, придерживаясь старой недели, в воскресенье. И первому в нашей семье повезло младшему брату.

— Ну, как Дуров? — спросил я его, придя из школы (учился я во второй смене).

— Очень хорошо, — ответил довольный брат.— Знаешь как интересно!

И с восторгом стал рассказывать о виденном. В конце рассказа я поинтересовался:

— А как Дуров выглядит?

— Такой высокий, кудрявый...

Наконец выпало и мне счастье, и я отправился на дневное представление. В антрактах можно было пройти за кулисы и заранее познакомиться с дуровскими животными. Мне больше всего понравился слоненок, который смешно закусывал кусочками хлеба. Эти кусочки около стойла продавал мальчишка-служитель. Он тут же громко выкрикивал:

— Кто хочет угостить слона? Пять копеек кусок!.. Давайте, граждане, покупайте!..

Вот и заключительное отделение программы. На арену под гром аплодисментов вышел человек в традиционном дуровском клоунском костюме с большим белым жабо. Но был этот человек среднего роста и вовсе не кудрявый!

Приподняв руки, он начал вступительный монолог. И затем развернулось увлекательное, словно сказка,

зрелище, сопровождающееся комическими сценками и эпизодами. Морские львы играли мячиками, боксировали кенгуру, танцевал слоненок... Да всего и не перечислишь! Я сидел с открытым ртом...

А дома с братом мы спорили, какого все же роста Дуров, кудрявые или не кудрявые у него волосы... И так до хрипоты!

Только много лет спустя я узнал, что правы оказались мы оба, и брат, и я. Разъяснил эту «тайну» тогдашний директор Свердловского цирка Д. О. Млинарис. Как же было дело?

Однажды в кабинет Млинариса постучался Владимир Григорьевич Дуров и сказал, что по семейным делам он должен на несколько дней отлучиться из Свердловска. Директор не в шутку перепугался: кто же будет выходить на арену?

— Дуров и будет выходить,— улыбнулся Владимир Григорьевич.

В дуровском аттракционе работал ассистентом Юрий Владимирович Дуров. Если Владимир был внуком Анатолия Леонидовича, то Юрий был внуком Владимира Леонидовича. Он и проводил программу, когда на представлении присутствовал мой младший брат. Дебют Юрия Дурова в Свердловске прошел так же успешно, как в свое время и дебют его двоюродного брата в Ижевске...

В конце концов столичные цирки пригласили на гастроли Владимира Дурова. Его аттракцион был выкуплен государством у наследников, а Юрий Дуров получил от государства в свое распоряжение еще одну группу животных и начал с ней гастролировать самостоятельно.

Владимир Григорьевич Дуров стал первым народным артистом СССР среди артистов цирка, впоследствии это высокое звание было присвоено и Юрию Владимировичу. Сейчас на арене работают народная артистка РСФСР Тереза Васильевна Дурова, внучка Анатолия Леонидо-

вича, и Юрий Юрьевич Дуров, правнук Владимира Леонидовича. А правнучка, народная артистка РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола 1982 года Наталья Юрьевна Дурова — главный режиссер Московского театра зверей имени В. Л. Дурова. Кроме того, она автор повестей и рассказов из жизни цирка, член Союза писателей...

Я уже писал, что на заре советского циркового искусства с хищниками выступали только иностранные гастролеры. Но они предпочитали иметь дело с животными одного вида. Поэтому Николай Павлович Гладильщиков, будущий заслуженный артист РСФСР, решил создать аттракцион смешанной дрессировки.

Премьера аттракциона Гладильщикова состоялась в 1927 году в Орехово-Зуевском цирке. В его группу первоначально «прописались» два бурых медведя, лев, львица, волк, два дога и бульдог. Бульдог появлялся в середине представления: вылезал из-под тумбы, на которой сидел лев. «Знатоки» цирка говорили, что Гладильщиков держит догов в клетке как личную охрану. Вдруг на него кинутся хищники!

С этими животными «первый русский укротитель», как афишировали Гладильщикова, и приехал в Свердловск. На арену он выходил веселый, добродушный, без палки и плетки, в шелковой косоворотке, в плисовых шароварах и сафьяновых сапогах. Под руку с ним важно шествовал медведь. Оркестр играл «Пляску скоморохов» из оперы «Садко». И зрители забывали об опасности, которой подвергался человек в клетке.

Изредка Гладильщиков появлялся и в костюме ковбоя. Но звери в обоих случаях исполняли одни и те же номера. Медведи вместе с дрессировщиком пилили дрова, лев и львица перепрыгивали через барьеры, собаки танцевали. Волк сидел на тумбочке, видимо, для общего колорита, никаких трюков он не демонстрировал. Гладильщиков сам признавался, что ему массу времени

пришлось потратить на то, чтобы свести этих зверей различных видов, климатов и характеров в одной клетке. До многих тонкостей дрессировки приходилось додумываться самому. Иностранцы засекречивали методы своей работы с хищниками и держали их от советских артистов за тридесятью замками.

В конце гастролей в Свердловске Гладильщиков показал сцену-феерию «Ночь в Индии». Здесь использовалось сложное световое оформление, укротитель и его помощники надевали красивые индийские костюмы и чувяки с загнутыми носками. В ушах блестели серьги. К уже знакомым участникам аттракциона прибавлялись еще удав Крошка и крокодил Карлуша. Огромный Карлуша выползал на арену по доске. Гладильщиков подходил к крокодилу, рывком раскрывал страшную пасть и вкладывал в нее свою голову. Затем боролся с удавом, который обвивался вокруг него. После борьбы ложился на специальный помост, брал в зубы кусок мяса и жестом подзывал львицу. Львица осторожно забирала это мясо и съедала. Каким бесстрашным и хладнокровным надо было быть Гладильщикову!

В заключение звери в темноте прыгали через горящие кольца-факелы. Свердловской публике феерия «Ночь в Индии» нравилась.

Как я уже упоминал, цирк на Хлебной площади просуществовал три лета. В 1933 году площадь начали реконструировать, базар на ней закрыли и впоследствии там зазеленел парк-дендрарий. Поэтому здание цирка пришлось строить на другом месте. В историю циркового искусства этот новый свердловский цирк вошел прежде всего тем, что здесь заслуженный артист РСФСР Евгений Иванович Морус, выдающийся гимнаст, вольтижер мирового класса, исполнил впервые в СССР тройное сальто-мортале в руки ловитра. Еще в здании на Хлебной площади совсем юным он выступал в составе труппы «4 Донато» (воздушный полет). В то же время

начал тренировать и тройное сальто к ловитру. Работал Морус над этим трюком долго и упорно и только в 1946 году показал свое мастерство на публике...

А неподалеку от того цирка жила девочка. Детство ее пришлось на предвоенные годы. Училась она в школе № 11, где сейчас аудитории Уральского университета. Цирк с ранних лет привлекал Тамару Байдалину (так звали девочку). Особенно восхищалась она эквилибристами и даже у себя во дворе натянула проволоку, чтобы тренироваться. А затем стала давать представления для своих сверстников.

С путевкой Свердловского горкома ВЛКСМ Тамара отправилась в Московское училище циркового искусства. Однако проучилась лишь два года: грянула война. В Свердловск, в эвакуацию, Тамара приехала со специальной цирковой аппаратурой.

В родном городе она идет работать на завод, а если выкраивается свободное время, выступает как акробатка и эквилибристка на вечерах художественной самодеятельности. Когда же в местном цирке возобновились представления, Тамара ушла в цирк. Там молодая артистка познакомилась с будущим народным артистом РСФСР Александром Буслаевым, который в это время готовил группу дрессированных львов. Тамара стала его помощницей и женой.

Первые недели она лишь наблюдала за хищниками. Затем в присутствии Александра начала кормить их. А однажды в отсутствие мужа храбро вошла в клетку. Львы ее не тронули...

В мае и июне 1950 года по Свердловску пестрели красочные афиши:

«Женщины — мастера цирка. В 3-м отделении Тамара Буслаева с группой дрессированных львов!»

В 1958 году Буслаевы выпустили программу «Львы на лошадях». Свердловские любители цирка, наверное, эту программу помнят. Тамара Буслаева въезжала в

просторную клетку в кабриолете. Рядом с ней располагался лев. Другие львы сидели на тумбах. Затем появлялись лошади; львы вскакивали на них и, удерживая равновесие, как наездники, гарцевали по арене. Лошади мчались все стремительнее и стремительнее и по команде дрессировщиков выделывали различные фигуры.

Цирковая энциклопедия писала: «Для исполнительской манеры А. Н. и Т. Н. Буслаевых характерны мягкость, спокойное, как бы шутливое обращение с животными».

Хочется мне вспомнить и о создателе уникального аттракциона «Медвежий цирк» народном артисте СССР Валентине Ивановиче Филатове. Он тоже наш земляк. Родился в Екатеринбурге, 12 августа 1920 года. Отец его был дрессировщиком, содержателем балаганов и передвижных цирков. На арене Валентин Филатов стал выступать акробатом с шести лет, но истинное призвание нашел в дрессировке медведей. В это дело он вложил огромный труд, досконально изучив нравы и повадки будущих косолапых артистов.

По-настоящему заниматься дрессировкой медведей Филатов начал в 1941 году в Свердловске. Здесь с двумя медвежатами Буркетом и Дымкой он отрепетировал почти все задуманные им трюки, из которых впоследствии и был составлен знаменитый «Медвежий цирк».

Как же рождались эти трюки? Да по-разному.

Однажды будущий дрессировщик зашел в Свердловский зоопарк. И там его поразил громадный медведь. Стоило у клетки появиться двум-трем посетителям, как медведь жалостливо просовывал лапы и морду сквозь решетку и просил подачку. Если это попрошайство не удавалось, хитрый косолапый принимался выделывать всякие трюки. Особенно Филатова удивило жонглирование «артиста». Медведь хватал лежащее в клетке бревно, перекатывал через спину, перебрасывал с лапы

иа лапу, вертел, затем ложился, подбрасывал бревно кверху, ловил задиими иогами и быстро-быстро вертел его. Наверное, старые посетители Свердловского зоопарка помнят этого медведя. Я личио помию хорошо.

Служители сказали Филатову, что «артиста» иикто специальио ие дрессировал. И он решил попробовать эти иомера с двумя своими медвежатами, сделать из них «аитиподистов» (антипод — жоиглироваиие иогами).

— Трюком «медведь-аитиподист» я, призиаюсь, горжусь,— говорил Валеитии Иванович.— Такого иомера в цирке еще не было. Медведь-антиподист моя первая самостоятельная иаходка. И подсказал мне идею этого трюка медведь-попрошайка, «артист-самородок» из Свердловского зоопарка.

Много труда пришлось приложить дрессировщику, прежде чем был отрепетирован «Медвежий цирк». В Свердловске ои впервые был показан осенью 1951 года. Все номера в нем исполияли медведи.

В некрологе, иапечатаином 10 августа 1979 года в газете «Советская культура», о Филатове писалось:

«Сочетая высшее мастерство дрессировщика с элеметами почти всех ведущих цирковых жанров, он достиг выдающихся результатов, способствующих утверждеиию приоритета советского искусства иа междуиародиой ареие. Зоопаитомимы «Цирк зверей», «Свадьба в медвежьем царстве», подготовленные под его руководством, стали новым, замечательным достижением в области дрессуры животных».

Сейчас иа аренах советского цирка работают продолжатели дииастии Филатовых: Людмила, Татьяиа, Валерий, заслужеииые артисты РСФСР, и Алексаидр...

Последний балаган

Слово «балаган» прншло в русский язык из татарского. Оно обозначало какую-нибудь временную деревянную постройку вроде амбара нли склада. А так как подобных строений было много на ярмарках н нми часто пользовались различные бродячие театральные труппы и цирковые, то слово «балаган» приобрело и второе значенне: стало обобщающим понятием ярмарочных зрелищ и представлений.

Редкая дореволюционная ярмарка в Россин обходилась без балагана. Об этом есть много свидетельств в документальной и художественной литературе. Но, пожалуй, сейчас мало кто помнит, что балаганные представления в Свердловске существовали еще каких-нибудь пятьдесят лет тому назад. В то время в городе на колхозных ярмарках работал самый настоящий балаган. Программы его проходили в сараях Центрального и Шарташского рынков. В чьем ведении балаган находился и был ли там художественный руководнтель, я не знаю. Но давались в нем представлення в каком-то старинном лубочном стнле. Начинались онн с того, что на специальном балкончнке — раусе (помещался раус над входом) — появлялся старнк-зазывала.

Всякнми шутками-прибаутками зазывала приглашал народ на представлення. За день «прокручивалось» пятнадцать — двадцать представлений. У нас, мальчишек, денег не было, н попадалн мы в «зрительный зал» балагана с крохотной сценой н ситцевым занавесом очень редко. Зато бесплатное зрелище на балкончике готовы былн слушать и смотреть часами. Старика-зазывалу мы меж собой величали «стариканом» и каждый раз смеялись, когда он рассказывал, как окончил восемь классов мужской гнмназни за полчаса, то есть прошел сразу по всем классам и даже погулял еще в коридоре.

Иногда «старикан» пел частушки про попа и попадью,

про помещика и помещицу. Аккомпанировал ему «оркестр», состоящий из гармониста и клоуна Жана. Жан играл на гитаре.

Билет в балаган стоил один рубль, по-нынешнему примерно десять копеек. За эти деньги можно было посмотреть много забавного, в том числе и кукольную комедию с участием веселого Петрушки.

Мне особенно нравилось, как Петрушка лихо лупил толстопузого купца, городового, черта.

Но если репертуар «старикана» и Петрушки страдал известной долей архаизма, то клоун Жан в свои репризы пытался ввести дух современности. Он ударял, например, палкой по голове одного из артистов, и когда тот, потирая ушибленное место, с удивлением спрашивал:

— Что это у вас в руках?

Жан гордо отвечал:

— Рабоче-крестьянский термометр для измерения температуры вредителей!..

Выступал в балагане и ученый медведь, который показывал, как «бабы за водой ходят», как «мальчишки горох воруют», «как красавица перед зеркалом сидит».

Однако гвоздем программы считалась маленькая пьеса о встрече на проселочной дороге двух бывших монахов, Аркадия и Геннадия. Видимо, неизвестный автор, создавший это произведение, находился под влиянием комедии А. Н. Островского «Лес». Но «старикан», игравший Аркадия, очевидно, этого не знал. Он лихо пел песню о привольном житье-бытье в дореволюционном монастыре.

После каждого куплета шел припев:

Прошли золотые денечки!
Эх, молодость, где ж, где же ты?
Увяли навеки цветочки,
Остались одни лишь мечты...

Надо сказать, что артисты в балагане были люди талантливые... Но от эпохи они явно отстали. Их «золотые денечки» были где-то далеко позади. И «старикану» делалось все труднее и труднее зазывать на представление зрителей. Даже мы, мальчишки, через какое-то время перестали восторгаться его шутками. Вскоре последний балаган прекратил свое существование.

«Мы хотим иметь революционный драматический театр...»

Свой первый сезон Свердловский драматический театр открыл 2 октября 1930 года спектаклем по пьесе В. Вишневского «Первая конная». Но само здание театра было выстроено раньше. В дореволюционные времена на его месте находился двухэтажный магазин Второва. А в начале двадцатых годов здесь помещался магазин «Пайторг». Но зимой 1926/27 года он сгорел.

Как раз тогда в Свердловске дискутировался вопрос о постоянном драматическом театре. И в мае 1928 года горсовет, заслушав доклад заведующего Уральским отделом народного образования И. Переля «Об организации драматического театра в Свердловске» (в те годы театры находились в ведении отделов народного образования), вынес постановление: «Считать необходимым организовать драматический театр».

Но какой это должен быть театр? В оперном театре имени Луначарского по этому вопросу даже прошла зрительская конференция. На ней был и мой отец. Он рассказывал, что кое-кто на конференции пытался говорить об «истинном чистом искусстве», о театре «для отдыха», «для развлечения». Но представители трудового Свердловска заявили: «Мы хотим иметь революционный драматический театр, который бы одновременно давал

нам отдых и заставлял сосредоточивать внимание на задачах, поставленных перед нами социалистическим строительством. Вот какой театр мы намерены иметь в Свердловске...»

Еще не было готово здание для театра, но в Свердловск осенью решили пригласить труппу «Красный факел». Этот театр возник весной 1920 года в Одессе, однако через полтора года стал передвижным, начал гастролировать по стране. Свой первый сезон в Свердловске краснофакельцы провели в Деловом клубе (ныне филармония), а 15 октября 1929 года собрались после отпуска в здании только что выстроенного драматического театра.

Когда той осенью с ранцем за плечами я шагал в школу, то любил останавливаться у афишниц и читать большие афиши с изображением горящего факела. В них сообщалось: «Государственный драматический театр, улица Вайнера, 10. Открытие спектакля художественного театра «Красный факел». Открытие зимнего сезона 1929/30 г.»

Открытие состоялось 24 ноября 1929 года. В 6 часов вечера началось торжественное заседание горсовета и райсовета ВИЗа. А затем краснофакельцы показали спектакль по пьесе Б. Ромашова «Огненный мост».

Газета «Уральский рабочий» назвала тогда открытие постоянного драматического театра в Свердловске «событием большой политической важности».

Но когда «Красному факелу» предложили остаться в Свердловске и усилить труппу несколькими актерами «с именами», коллектив отказался. Со стороны краснофакельцы никого приглашать не желали. Кроме того, они самокритично считали, что «не созрели» еще для большой, постоянной сцены. Правда, в прощальной статье 9 мая 1930 года «Уральский рабочий» подчеркнул, что «Красный факел» своей работой доказал наглядно всем, кто в этом еще сомневался, право на су-

ществование революционной драмы в Свердловске...»

«Красный факел» уехал, и в городе стали набирать первую стационарную драматическую труппу. В нее вошли артисты гастрольного передвижного коллектива, работавшего тогда в Перми, выпускники Ленинградской театральной школы и ряд крупных мастеров периферийной сцены, среди которых был М. Бецкий и В. Ордынский.

Летом же в здании театра проходили киносеансы (оно по начальному проекту предназначалось для кинотеатра). Я видел здесь художественный фильм о Лермонтове «Кавказский пленник». И именно в этом здании впервые на Урале демонстрировалась звуковая кинопрограмма. В рекламе писалось так: «Говорящий, звуковой и шумовой фильм «План великих работ» в 6 частях, три музыкальных тонфильма, два поющих тонфильма, эксцентрический тонфильм «Тип-Топ»...

А 1 сентября 1930 года в верхнем фойе собралась труппа нового драматического театра.

Имени «Комсомольской правды»

В одном стихотворении Е. Долматовского есть такие строки:

> Должно быть, не известно вам,
> Сегодняшним ребятам,
> Что означает слово ТРАМ,
> Рожденное в тридцатом...

ТРАМ — это театр рабочей молодежи. Правда, поэт немного ошибся: слово возникло не в тридцатом году, а раньше, во второй половине двадцатых. Но действительно, мало кто из нынешних зрителей знает его.

Самый первый ТРАМ был открыт в ноябре 1925 года в Ленинграде. Затем они появились и в других го-

родах. Тесно связанные с комсомолом, эти почти самодеятельные театры по-молодежному откликались на самые злободневные вопросы жизни. Пьесы больше напоминали сценарии, в них было много импровизации, весело прославлялись передовики производства, комсомольские активисты, бичевались лодыри, пьяницы, хулиганы, бюрократы. Названия постановок уже говорят сами за себя: «Цеха горят», «Дружная горка», «Плавятся дни», «Прими бой», «Зови фабком», «Зеленый цех», «Клеш задумчивый».

Молодежь стремилась своим искусством помогать строительству социализма — и это было сильной стороной таких театров. Тема труда стала у них ведущей. Но, разумеется, трамовцы в большинстве случаев играли лишь самих себя — «рабочих пареньков» и «рабочих девчат», труппы комплектовались из участников заводской художественной самодеятельности, и от кандидатов в актеры требовалось не много: уметь петь, танцевать, владеть каким-нибудь музыкальным инструментом — уже хорошо...

На Урале областной ТРАМ открылся в Свердловске осенью 1931 года. Организовался он из двух полупрофессиональных молодежных театральных коллективов — свердловского и пермского. Постоянного помещения не было, спектакли шли и в клубе строителей, и в других рабочих клубах, на заводских площадках, в красных уголках. Но всегда пользовались большим успехом.

О характере спектаклей можно судить по стихам из «комсомольской оперетты» «Дружная горка». Героиня пела, например, такую «арию»:

Как хорошо быть молодой
И ничего не знать,
Гулять с заводскими парнями,
Песни распевать...

А хор ей отвечал:

Раз-два! Елки-палки!
Все наоборот!
Комсомольцы, комсомолки —
Ятевой иарод!

«Ятевой» — от выражеиия «на ять» — означало «хороший»...

Пытались трамовцы ставить пьесу А. Островского «Бедиость — не порок», но зрители так и ие поняли, что же им хотели сказать этим спектаклем. Когда Любим Торцов с пафосом произносил знаменитые свои слова:

— Шире дорогу! Любим Торцов идет! — то актеры, окружающие его, снимали парики и палили из винтовок. Спектакль кончался под грохот выстрелов.

Играли трамовцы не только в Свердловске, их бригады выезжали и иа село. Бывало, что местиые кулаки пытались срывать постановки.

Наши трамовцы быстро начинали чувствовать, как растет зритель. Молодежь хотела видеть на сцене переживания героев и вообще более зиачительиые, более содержательиые произведения, а не просто злободиевный отклик иа события.

В апреле 1932 года вышло постановление ЦК партии «О перестройке литературно-художественных оргаиизаций», и тогда остро встал вопрос о ТРАМах. Лучшие из них, в том числе свердловский, стали профессиоиальиыми, остальные были передаиы в ведеиие профсоюзов как кружки самодеятельиости. Свердловчаие пригласили в театр актеров-педагогов. Среди них был заслуженный артист РСФСР М. Бецкий, одии из осиователей Свердловского театрального училища. Коллектив укрепили группой профессиональиых актеров во главе с Н. Никомаровым, будущим иародиым артистом Узбекской ССР, пополнили выпускииками театральиых училищ Москвы и Ленинграда.

Н. Никомаров поставил ромаитический спектакль о

гражданской войне «Наша молодость» — инсценировку романа Виктора Кина «По ту сторону» (Виктор Кин одно время редактировал комсомольскую газету Уральской области «На смену!»). Затем приготовили комедию К. Гольдони «Слуга двух господ», где Н. Никомаров играл Труффальдино, будущий заслуженный артист РСФСР М. Крендель — Панталоне, а В. Емельянов, ставший впоследствии народным артистом РСФСР и создавший на киноэкране образы Ф. Э. Дзержинского и А. С. Макаренко, играл Флориндо.

Летом 1933 года молодежный театр гастролировал в Асбесте, работал в клубе «Пролетновь». Помещение было маленьким, не все желающие могли попасть на спектакли. И тогда в день годовщины освобождения Урала от колчаковцев инсценировку повести Д. Фурманова «Мятеж» вынесли прямо на городскую площадь. Соорудили большие подмостки с декорациями, к массовкам привлекли участников местной самодеятельности и кавалеристов-осоавиахимовцев (в то лето под Асбестом стояло учебное подразделение Осоавиахима).

Под открытым небом стремительно развивались картины — в штабе, в мятежной крепости, в тюрьме. Фурманов (его играл Н. Никомаров) и его товарищи обращались на митинге к массам с подъехавшей тачанки. В конце представления на площадь ворвались всадники с алыми лентами на фуражках, с обнаженными клинками, тачанки с пулеметами, раздалась стрельба... Спектакль был в городе большим событием...

Я видел «Мятеж» в постановке Свердловского ТРАМа. И мне особенно понравился Н. Никомаров в роли Фурманова. Он не только добился внешнего сходства, но передавал мужественность, силу партийной убежденности своего героя, его зажигающее ораторское мастерство. У дочери Н. Никомарова А. Лапиной, ныне редактора Свердловской телестудии, хранится фотография отца в роли Фурманова.

ТРАМ с успехом ездил на гастроли по Дальнему Востоку, а потом получил в Свердловске постоянное помещение — здание клуба имени Вайнера. В репертуаре театра были «Аристократы» Н. Погодина, «Чудесный сплав» В. Киршона, «Слава» В. Гусева, «Гроза» А. Островского, «Мещанин во дворянстве» Мольера.

И, пожалуй, лучшей постановкой, какую мне пришлось увидеть в ТРАМе, стала «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского. Под руководством режиссера Б. Рощина молодые актеры сумели передать публицистическую направленность произведения, его революционный романтизм. Газета «Уральский рабочий» оценила этот спектакль как «стоящий на уровне достоинства пьесы».

В начале 1937 года коллектив назывался Свердловским театром имени «Комсомольской правды». Но, к сожалению, вскоре он покинул Свердловск. Сезон 1937/38 года театр открыл в Кизеле комедией В. Шекспира «Двенадцатая ночь», к двадцатилетию Октябрьской революции поставил инсценировку романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Хоть он и продолжал именоваться Свердловским, но связи с родным городом потерял. И затем стал постоянным драматическим театром Перми.

«Поэма об Урале»

В 1932 году, к пятнадцатой годовщине Октябрьской революции, Свердловский театр оперы и балета имени Луначарского поставил ораторию «Поэма об Урале».

Текст оратории создал писатель Николай Харитонов, редактор тогдашней уральской литературной газеты «За Магнитострой литературы». А музыку — композитор Маркиан Фролов, преподаватель музыкального

техникума, потом первый директор Уральской консерватории. Оркестровку «Поэмы» сделал Рейнгольд Глиэр, будущий народный артист СССР, тогда уже профессор Московской консерватории. В Свердловске в те годы с успехом шел его знаменитый «Красный мак» — первый советский балет на революционную тему.

В «Поэме об Урале» участвовал весь творческий коллектив театра: оркестр, артисты оперы и балета, группа миманса, статисты. Солисты были участниками всех массовых сцен. Ставил спектакль заслуженный артист РСФСР режиссер В. Лосский, оркестром дирижировал А. Пазовский, впоследствии народный артист СССР и художественный руководитель Большого театра. Необычное оформление сделал художник А. Дубровин.

Замысел у создателей оратории был такой: новый Урал, радостный созидательный труд народа в годы первой пятилетки противопоставить старому Уралу с его тяжелым подневольным прошлым. 6 ноября, после торжественной части общегородского заседания в честь пятнадцатилетия Октября, состоялась премьера.

Звучит увертюра... Открывается занавес — и перед зрителями огромная рельефная карта Урала. Постепенно лучи прожектора освещают ее сильнее и сильнее. На ней возникают красочные, искусно выполненные обозначения природных богатств нашего края. И рабочий-краснознаменец Верх-Исетского завода — эту роль исполнял артист драматического театра М. Шульгин — в монологе перед картой говорил о том, что «Урал — такая комбинация богатств, какую нельзя найти ни в одной стране», о том, какие гигантские новостройки развернулись по всему краю, с каким энтузиазмом работают советские люди. А было время, когда труд считался проклятьем. И действие переносилось в XVIII век в южноуральские степи. Хор башкир (запевал знаменитый драматический тенор Д. Аграновский, исполняв-

ший партию старого башкира) пел тоскливую песню. И в нее постепенно вплетались ноты протеста, мятежа, борьбы...

В своем творчестве М. Фролов был тесно связан с фольклором. Народную песню и музыку он органично ввел в ораторию. Известно, что впоследствии композитор написал первую бурятскую национальную оперу «Энхе Булат-Батор» («Энхе — стальной богатырь»).

...Неожиданно за сценой раздавались звуки фанфар, потом слышалась песня русских. И вот они появлялись, закованные в кандалы, в окружении солдат. Начальник команды, офицер (артист А. Месняев) зачитывал указ «быть здесь заводу на рудах железных» и объявлял, что на заводе все должны работать «под страхом смертных наказаний». В ярости кидались башкиры вместе с русскими колодниками на солдат...

Во второй части оратории на киноэкране показывались документальные кадры об Октябрьской революции и гражданской войне на Урале. Они перемежались с балетно-мимическими сценами, эпизодами борьбы с царизмом и колчаковщиной. В сценах этих режиссером и балетмейстером Михаилом Моисеевым — впоследствии известным педагогом, воспитавшим много советских танцовщиков,— использовался принцип театра теней.

А затем на сцене звучала яркая симфония социалистической стройки. Появлялись колонны рабочих и работниц, новых хозяев Урала. Возводилась огромная домна. И, наверное, тогда впервые на сцене возникли различные сложные индустриальные подробности — вспышки электросварки, подъемные краны (как ныне на спектакле МХАТа «Сталевары»). Все это не выглядело бутафорией в естественных, четко разработанных режиссером сценах.

Третья часть оратории рассказывала о митинге по случаю завершения монтажа домны. Прибывали пред-

ставителн от старых заводов, от других новостроек — с Уральского Севера, нз Березинков, Нижнего Тагила. Когда онн нсполиялн свои арни, то на рельефиой карте Урала вспыхнвали очертання того райоиа, откуда был делегат. Партию уральца-северяннна пел баритон Андрей Иваиов, который потом стал солистом Большого театра, иародным артистом СССР.

В эпилоге все озарялось огием чугуиной плавки. По сцене и зрительному залу, высоко подняв зиамя и эмблемы заводов, шлн колоииы ударннков. Все завершалось «Интернацноиалом». Ведущие оперные солисты, подиявшись иа бельэтаж, балкои, галерею, вовлекали зрителей в общий хор. И мощный пролетарский гими был слышен далеко вокруг театра.

Зрители пели, аплодировали стоя. Медленио закрывался заиавес, и над сцеиой возиикал лозунг:

«Вперед, ко второй пятилетке!..»

...Ораторией заслуженного деятеля искусств РСФСР М. Фролова театр имени Луиачарского начал работу над самобытиымн уральскнми темамн. А в дни семнадцатой годовщииы Октября в репертуаре театра уже появилась иастоящая большая опера, создаиная целиком на уральском материале. Называлась оиа «Орлеиа» н рассказывала о восстаинн ревдниских углежогов. Музыку ее написал В. Трамбицкнй, либретто — И. Келлер.

Даешь по врагу ураганный огонь!

Датой рождення Свердловского тюза считается 30 марта 1930 года. Был он создан как передвижиой театр. Половина его спектаклей былн кукольиыми, их, особенио «Степку-растрепку» н «Прнключения Петрушки», очень любилн малыши.

Но уже в 1931 году было решено отделить кукольный театр от тюза, сделать его самостоятельной творческой единицей. И после гастролей в Челябинске в ноябре 1932 года спектаклем «Письмо из Италии» Свердловский кукольный театр открыл свой первый сезон. Вскоре ему передали зал Дома колхозника, но, к сожалению, ненадолго. И театру почти тридцать лет пришлось гастролировать по клубам, детским садам, школам, а летом — по пионерским лагерям и детским площадкам.

Лишь в середине шестидесятых годов для него построили специальное здание.

Своего помещения не было вначале и у тюза. Отсутствовали и главный режиссер, и постоянный художник. Но над Свердловским тюзом взял шефство Московский театр для детей. Тогда им руководила ныне народная артистка СССР Наталья Ильинична Сац. И для помощи новому тюзу она выделила из своей труппы актера и режиссера Ю. К. Корицкого.

Летом театр работал на открытых площадках в городских садах. Но когда подошла осень, многие актеры, в том числе и главный режиссер, не выдержав трудностей, расстались с Уралом. И директору тюза Киселеву пришлось спешно ехать в Москву, чтобы искать пополнение для труппы. Однако сезоны во всех театрах уже начались, свободных актеров не было, и Киселев заключил договор с одним из клубных самодеятельных коллективов. К счастью, этот коллектив оказался очень крепким и работоспособным. Новым главным режиссером стал Я. Танеев.

Вскоре Свердловский тюз перевели в ряд стационарных театров, и спектакли его с декабря 1930 года стали идти на сцене Делового клуба.

Самой первой постановкой, которую мне удалось увидеть в Свердловском тюзе, был спектакль «Винтовка № 4921166». Пьеса А. Крона посвящалась Красной

Армии и рассказывала, как бойцы одного из подразделений взяли к себе на воспитание четырех беспризорников. Звали их Ирод, Ахметка, Рязань и Паташон. Сначала ребята отказывались подчиняться своим воспитателям. Но высокая требовательность и разумная дисциплина Красной Армии приводили к перелому в сознании беспризорников.

Спектакль начинался с воинской присяги. Ее торжественно на фоне знамен произносили красноармейцы. В конце спектакля эту же присягу давали бывшие беспризорники.

Свердловский тюз сразу же сделал упор на современный репертуар. Его постановки «Легавый» Л. Веприцкой, «Фриц Бауэр» Н. Сац, «Алтайские робинзоны» Н. Шестакова были злободневны, живо откликались на события тех лет.

Прошел год, и тюз получил постоянную сценическую площадку в здании клуба имени Профинтерна (теперь Дом культуры имени Свердлова). Коллектив вырос до восьмидесяти человек. Художественным руководителем пригласили известного режиссера В. Игренева.

Ветеран Свердловского тюза, заслуженная артистка РСФСР Е. Лялина вспоминает: «Страстно влюбленный в детский театр, заслуженный артист РСФСР В. Игренев привил эту любовь и всем нам. Он подготовил ряд интересных спектаклей, ставших этапными в театральной жизни Свердловска — «Джордано Бруно» Т. Галицкой, «Плоды просвещения» Л. Толстого, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Борис Годунов» А. Пушкина. Игренев же поставил пьесу «Хлопчик», в которой впервые в Свердловске прозвучала знаменитая песня В. Белого и Я. Шведова «Орленок»...»

Но, пожалуй, самым популярным в первое пятилетие тюза стал спектакль-игра «Ураганный огонь», придуманный В. Игреневым по пьесе Н. Шестакова. Происходящее в нем было созвучно той напряженной меж-

дуиародиой обстаиовке, когда в Гермаиии к власти рваулнсь фашнсты, а войска японских нмпериалистов, оккупнровав Маньчжурню, вплотиую подошлн к советским дальиевосточным границам.

Спектакль иачинался уже в фойе, где зрнтелей встречалн ребята н девчата нз активистов тюза. Они формировали боевые взводы, затем этн взводы выстранвалнсь во главе со свонмн комаиднрамн и под оркестр пели популярные песни. Особеино любнлн «Маленького барабанщнка».

Потом зрнтели повзводио проходнлн в зал, повзводно рассажнвалнсь в кресла. А иа сцеие уже шел спор Васькн с отцом-железнодорожннком. Васька твердил, что участне в оборонных кружках — ерунда, дела, дескать, есть важиее н нитересиее. Отец, участник гражданской войны, пытался доказывать сыну обратное.

Вдруг в зале с тревожиой вестью появлялся красный команднр. Он сообщал, что на Советскнй Союз напала Японня, и ему нз зрителей тюза поручнли сформнровать боевой полк, который должен срочно выехать на фронт. Создавался поезд, вел его Васькин отец. В путн ловнли шпнона, бывшего белогвардейца, пытавшегося разузнать маршрут полка. Охранять шпнона доверялн особой команде нз зрнтелей... По сюжету шпиоиу требовалось убежать. А так как многне ребята смотрелн «Ураганный огонь» по нескольку раз н все зиалн, то глаз со шпнона не спускали. И что только не приходнлось прндумывать артнсту, нграющему эту роль. Он н всякне ннтересные историн рассказывал свонм охраинником, стараясь усыпить нх бднтельность, и конфеты предлагал... Все бесполезио. Когда же ему все-таки удавалось вырваться, ребята мчалнсь за ннм на сцену, потом за кулнсы, нскалн беглеца в артнстическнх гримубориых.

Коичалось все благополучно. Тюзовскнй полк побеждал япоицев, а Васька, по своей беспечиости едва

не угодив в плен, перевоспитывался. В заключение все опять пели хором под оркестр и, довольные, расходились. Лично мне петь под оркестр очень нравилось. Слова из спектакля «Даешь по врагу ураганный огонь!» были тогда любимой поговоркой свердловских ребят.

Так же горячо принимали юные зрители и антифашистский спектакль «Продолжение следует» по пьесе Александры Бруштейн...

В ту пору в Свердловске еще не открылась филармония, и вот тюз, чтобы познакомить своих завсегдатаев с серьезной музыкой, начал давать симфонические концерты. Но это были необычные концерты, театрализованные. Для них готовились специальные декорации, шились костюмы, делались парики, разучивались танцы той эпохи, музыка которой исполнялась. Например, все участники концерта из произведений Моцарта были одеты в соответствующие костюмы. В концерте «Россия в первой половине XIX века (эпоха крепостного права)» звучала не только музыка М. Глинки и А. Даргомыжского, но читались и стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова. Инициатором таких концертов был музыкальный руководитель тюза А. Александров. Он же писал музыку ко многим спектаклям. И самым удачным, по-моему, было музыкальное оформление тюзовского «Горе от ума».

Перед поднятием занавеса прожектор освещал на просцениуме портреты Александра I, Аракчеева, архимандрита Фотия, раздавалась барабанная дробь, свистели флейты, трубили горны, и под маршеобразный мотив чей-то голос читал пушкинские эпиграммы на царя, Аракчеева и на Фотия. Очень мелодично, в стиле грибоедовских времен, звучали танцевальные мотивы на балу у Фамусова.

Спектакль подготовил В. Игренев. Но ему во что бы то ни стало хотелось подчеркнуть молодость главного героя. Поэтому роль Чацкого он поручил женщине,

актрисе Л. Фанбуловой. Но Молчалина и Скалозуба играли высокие актеры, и «молодому Чацкому» приходилось, разговаривая с ними «на равных», становиться на цыпочки и все время тянуть голову вверх...

Сезон, посвященный двадцатилетию Октябрьской революции, тюз наконец-то открыл в собственном здании (раньше здесь находился ТРАМ) инсценировкой романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Этот роман в то время для многих читателей продолжал еще оставаться новинкой. Сам Н. Островский совсем недавно ушел из жизни, и горечь близкой утраты все еще давала о себе знать. Поэтому интерес к предстоящей премьере Свердловского тюза был огромный.

Ставил спектакль режиссер Л. Дашковский. Инсценировщики романа Ю. Гегузин и И. Судаков точно следовали сюжету. Спектакль состоял из множества картин, сменявшихся с калейдоскопической быстротой. Убедительно были сделаны массовые сцены. Таких интересных массовок в Свердловском тюзе еще не было.

Но главное внимание Л. Дашковский обратил на четырех героев: Павла Корчагина, Федора Жухрая, Риту Устинович и Тоню Туманову. Их образы в актерском воплощении приобрели для зрителей наглядность в самом точном смысле этого слова.

Павла Корчагина играл В. Битюцкий, будущий народный артист РСФСР, режиссер Свердловского академического театра драмы. Перед ним стояла трудная задача. Ведь Павел Корчагин сделался символом мужества. Почти все комсомольцы и пионеры тех лет мечтали быть такими, как он.

Как-то мы с ветераном Свердловского тюза заслуженной артисткой РСФСР Ниной Николаевной Лаженцевой, игравшей в том спектакле Тоню Туманову, вспоминали об образе Павла, созданном Вениамином Семеновичем Битюцким.

— Битюцкий как-то быстро сумел взять роль,— го-

ворила Лажеицева.— Был и твердый, н дерзкнй, и ласковый, н обаятельиый, и очень располагающий к себе. Он сразу захватывал и увлекал своей достоверной нгрой н нас, актеров, и зрителей. Кроме всего прочего, Битюцкнй н виешне был похож на автора романа «Как закалялась сталь».

Курсант Свердловского пехотного учнлнща Ямпольский, просмотрев спектакль, иаписал тогда в кнnге отзывов:

«Я снжу в зрнтельном зале, н мие кажется, что я перелистываю страиицы замечательного ромаиа Николая Островского «Как закалялась сталь». Я дважды читал этот роман. Образ Павла Корчагииа сохранится в моей памяти иа долгие годы. Артнст товарнщ Битюцкий ожнвил мой любимый образ. В его игре, как и в романе, Павел Корчагин — жизнерадостный, эиергнчиый, стойкнй, мужествеииый».

«Целые производствеииые коллектнвы смотрят пьесу, и постаиовка дает им хорошую боевую зарядку»,— писала в декабре газета «Уральский рабочнй».

О тюзовской «Как закалялась сталь» в тот театральный сезои шло много разговоров и в молодежных общежитиях, и в учебных заведениях, н в красноармейских частях. И это было естествеиио. Зрнтели как бы стаиовились участинкамн событий, пронсходящих на сцеие, событнй замечательиого революцнонного прошлого, пережнвали их и после спектакля. Я слышал, как молодые свердловчане, посмотревшие «Как закалялась сталь», говорили почтн слово в слово одио и то же:

— Спектакль правдив, спектакль учит, как нужно поступать в трудные моменты борьбы, как вести себя до последних мннут жнзнн, до последнего дыхання...

Могу еще добавить, что мы, свердловские школьиики, в тот год иеслн иа Октябрьской демоистрации макеты ромаиа Николая Островского «Как закалялась сталь»...

Вскоре тюз поставил веселый спектакль-комедию В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и инсценировал «Малахитовую шкатулку» П. Бажова, показанную в Москве на смотре детских театров.

Свердловский тюз никогда не оставлял без внимания значительные произведения прозы. «Чапаев» Д. Фурманова, «Рожденные бурей» Н. Островского, «Два капитана» В. Каверина, «Судьба барабанщика» А. Гайдара, «Малышок» И. Ликстанова — все эти инсценировки шли на его сцене. Не были забыты «Таинственный остров» Ж. Верна, «Остров сокровищ» Р. Стивенсона, «Три мушкетера» А. Дюма, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу.

Повесть «Малышок» ставил режиссер А. Вилинский. В спектакле была небольшая роль фотокорреспондента, и он решил сделать этого героя конкретным лицом. Почти все свердловчане той поры хорошо знали фотокорреспондента Леонида Михайловича Сурина. Сурин всегда зимой ходил в валенках, а в остальные времена года —в сапогах, неизменно носил черную толстовку. Славился он также своей рыжей бородой, о которой я уже рассказывал.

Загримировать и одеть актера под Сурина труда не составляло. И все в зрительном зале его мгновенно узнавали. Сам Сурин на премьерных спектаклях сидел в первом ряду и с важностью поглядывал на окружающих. Но вскоре случилось вот что.

По каким-то никому не известным причинам Сурин не признавал современных «леек». Его идеалом оставалась старая фотокамера; он таскал ее в деревянном ящике на ремне через плечо.

А Вилинскому кто-то однажды сказал, что фотокорреспонденту в его инсценировке не хватает профессиональных признаков. И Вилинский перед очередным спектаклем дал артисту, играющему роль Сурина, «лейку».

Спектакль начался. Сурин, как обычно, сидел в пер-

вом ряду и с нетерпением ждал «своего» выхода. И вдруг... Появляется «он», а на шее болтается в футляре «лейка». Что тут было! Разгневанный Сурин пулей вылетел из зрительного зала, обругал режиссера и больше уже на «Малышка» никогда не ходил...

В годы Великой Отечественной войны тюз за большую военно-шефскую работу получил переходящее Красное знамя УралВО.

Основу его репертуара составляли тогда патриотические спектакли: «Это было зимой» К. Филипповой, «Костя-партизан» И. Келлера, «Домик на окраине» А. Арбузова, «Отчий дом» В. Катаева. В конце войны была поставлена весенняя сказка А. Островского «Снегурочка»...

И в наши дни главный герой постановок Свердловского театра юного зрителя имени Ленинского комсомола так же, как и прежде,— молодой современник. Сменилось не одно поколение зрителей, но неизменной осталась любовь юных свердловчан к своему театру.

Автограф Твардовского

Александр Трифонович Твардовский в автобиографии, напечатанной в начале пятидесятых годов в сборнике «Стихотворения и поэмы», писал: «В последние годы ездил по родной стране в командировки — на Урал, в Забайкалье и на Дальний Восток. Впечатления от этих поездок должны составить материал моих новых работ в стихах и прозе».

И результатом их стала знаменитая поэма «За далью — даль», в которой есть такие, сделавшиеся крылатыми, строки о нашем крае:

Урал! Опорный край державы,

Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец...

Вряд ли они могли появиться на свет, если бы поэт лично не познакомился с Уралом. А приезжал он сюда в середине апреля 1948 года как корреспондент «Литературной газеты». Останавливался и в Свердловске, встречался со студентами.

В то время я учился в Уральском госуниверситете имени Горького, или, как его сокращенно называли,— УрГУ. Еще в апреле 1945 года университет перебрался в здание бывшей средней школы № 11, занятой во время войны госпиталем. Помещение читального зала там было довольно просторным, но в тот день, о котором я вспоминаю, оно вряд ли могло вместить всех желающих. Пришлось каждый стул поделить на двоих. Так по два человека и сидели на одном стуле...

Твардовский опаздывал, его задержали рабочие Уралмаша, перед которыми поэт выступал до нашего университета. Однако студенты терпеливо ждали — и те, кто сидел, и те, кто стоял. Между рядами было невозможно пробраться. Так пролетело два часа.

Наконец Твардовский появился, а вместе с поэтом — и студент Леонид Шкавро, ездивший за ним на Уралмаш. Александр Трифонович извинился, сказал, что задержка уважительная, что ни на него, ни на рабочих Уралмаша за это обижаться не стоит. И как-то сразу этим оправданием расположил к себе всех.

Во вступительном слове он пояснил, почему приехал к нам на Урал. Твардовский считал, что писатель должен очень хорошо знать свою страну. И для этого следует часто ездить.

Правда, сам Твардовский признался, что пока еще не знает, будет ли писать что-либо об Урале, о Свердловске, но полученные от поездки впечатления, несомненно, как-то отразятся в его творчестве.

Потом разговор перешел к поэме «Васнлнй Теркни». Оказалось, что еще в дии войны с белофнннами поэт делал стнхотворные подписи к картиикам в воеииой газете. Героем тех картннок н был бывалый солдат Вася Теркин. Этот герой совершал сверхъестествеиные, головокружительиые подвигн: добывал «языка», притворнвшись сиежиым комом, накрывал врагов пустыми бочками н, усевшнсь на одиой из них, закуривал цигарку. То есть тот Теркии не был еще Теркиным из зиамеиитой впоследствии поэмы. Теркии, которого мы все хорошо зиалн, родился лишь в годы Велнкой Отечествеииой войиы. Пнсал поэт поэму, как он доверительно признался, без заранее продумаииого плаиа. Но как-то само собой получилось, что место каждой главы ие было случайиым. Автор все же заботился о том, чтобы рассказать о чертах характера своего героя в определениой последовательиости.

— Начало было полулубочным,— говорил Алексаидр Трнфонович. — А затем этот мой солдат пошел все сложиее и сложиее.

...В коице встречн студеиты попросили прочнтать что-иибудь нз поэмы.

Твардовский чуть смутнлся.

— Можете не вернть,— лукаво сказал он,— но я все иаизусть не восстановлю... Вот если бы кннжку...

Конечно, в бнблнотеке кннжка нашлась. Но оиа была затрепаиа, зачнтаиа до дыр. Покрасиевшая бнблнотекарша начала извиняться, Твардовскнй же обрадоваиио восклнкнул:

— Как приятно, что кинга ие пылнтся на полке! Такой ее вид — лучшая награда автору...

В тот год один из преподавателей нашего фнлологнческого факультета на своих лекцнях утверждал, что Василий Теркнн — это прежде всего русскнй характер,

что такой солдат мог быть на любой войне. Советского, дескать, в Теркине мало.

И кто-то из присутствующих рассказал о той интерпретации Твардовскому. Поэт ответил примерно так:

— Не знаю, я не думал об этом. Мне кажется, существенного значения это не имеет. В данном случае понятие «русский — советский» однозначное...

Помнится еще один из вопросов:

— Александр Трифонович, правда ли, что когда вы, уже будучи автором «Страны Муравии», учились в Московском историко-философском институте, то вам на экзамене по литературе попал вопрос о «Стране Муравии»?

— Нет,— засмеялся Твардовский,— такого со мной не бывало... А вот такое случилось. Встретили меня перед экзаменом в коридоре мои товарищи и говорят: «Ну-ка, расскажи нам скорей, что ты в своей поэме изобразил?..»

Читал он «Теркина» с выражением, без завывания, чем, как правило, грешат многие наши поэты. Чувствовалось, что артистический дар у него есть. Но в книжку порой заглядывал...

А после, когда Твардовский стоял на главной лестнице в окружении студентов, которые буквально заглядывали ему в рот и слушали его впечатления о Свердловске, две мои однокурсницы — Галя Смыкова и Люся Шурова — попросили Александра Трифоновича оставить свой автограф на поэме «Василий Теркин».

— Но у меня книги-то, к сожалению, нет! — развел руками Твардовский.

Тогда Галя протянула ему ту самую, библиотечную, истрепанную...

— Как же так!— удивился он.— Книга-то ведь не ваша?

— Ничего,— не растерялась Галя.— Я ее в библиотеке выкуплю.

Хитро улыбнувшись, Твардовский достал из кармана пальто совершенно новенького «Теркина» (оказывается, все-таки поэма у него с собой была) и надписал. Вот каким образом Галя Смыкова приобрела книгу с авторским автографом.

На другой день, счастливая, она всем демонстрировала этот подарок, с обложки которого ей подмигивал Теркин.

Из биографии коммуниста

В 1963 году, когда я еще работал в «Уральском следопыте», страна отмечала шестидесятилетие II съезда РСДРП. И редакция нашего журнала решила организовать на его страницах воспоминания членов КПСС о том, как они вступали в партию. Мы хотели, чтобы выступили коммунисты с 1903 года и так год за годом по 1963 год. Каждый год должен был представлять один человек.

Рубрику взяли такую: «Из биографии коммуниста».

Теперь нужно было как можно быстрее определить авторов. Члена партии с 1903 года нам, к великому сожалению, разыскать не удалось. Но с 1904 года мы нашли. Им оказался И. С. Белостоцкий, организатор советского здравоохранения на Урале. Следующим стал А. В. Рогожин, вступивший в партию в 1905 году в Красноуфимске. Они охотно откликнулись на призыв журнала.

Когда же мы дошли до кандидата шестидесятых годов, то кто-то произнес:

— А ведь в это время коммунистом стал Юрий Гагарин... Может, его попросить написать для «Следопыта»?

Попросить? Но как? В те дни еще не знали о существовании Звездного городка. Написать просто в Мо-

скву на имя первого космонавта? Только передадут ли наше письмо сразу в руки Юрия Алексеевича?

И мы придумали следующее. В «Уральском следопыте» недавно печаталась повесть «Вам — взлет!» М. В. Водопьянова, который в числе семерых летчиков, спасших в 1934 году со льдины челюскинцев, один из первых получил звание Героя Советского Союза. Ясно, что Водопьянов хорошо знал Героя Советского Союза Н. П. Каманина, тоже принимавшего участие в том спасении. А Каманин был тогда наставником и руководителем подготовки космонавтов.

И редакция срочно послала в Москву письмо Водопьянову, вложив в конверт письмо к Каманину, а в письмо к Каманину — письмо к Гагарину.

Действительно, скоро в «Уральский следопыт» пришел ответ Юрия Алексеевича Гагарина, и под рубрикой «Из биографии коммуниста» в седьмом номере журнала за 1963 год появилась его статья «Дороже всего».

«В жизни человека,— писал Гагарин,— бывают незабываемые яркие дни — самые приметные вехи его биографии. Для меня, естественно, это — 12 апреля 1961 года, когда удалось осуществить первый полет человека в космос. Но есть и другая дата, столь же, а может быть, еще более дорогая моему сердцу.

В солнечный день 16 июля 1960 года меня пригласили на партийное собрание. Мне хотелось отправиться в космический полет членом великой партии ленинцев. Это уже стало традицией советских людей — накануне решающих событий в их жизни вступать в славную семью коммунистов. Помните, как в годы Великой Отечественной войны, перед атаками, бойцы писали на обрывках бумаги заявления: «В случае моей смерти прошу считать меня коммунистом». Я тоже шел на опасный путь!

Товарищи подияли руки «за». И хотя благодарить иа партийном собраиии ие полагается, я не мог удержаться и сказал:

— Спасибо! Большое спасибо! Я оправдаю доверие! Готов выполиить любое задаиие партии и правительства!..

...В те дии, когда всеиародио отмечается славное шестидесятилетие II съезда РСДРП, мие хочется воспользоваться возможиостью, предоставлеииой жуприалом «Уральский следопыт», и послать горячий привет уральской молодежи. Страна, как заботливая мать, воспитывает юношей и девушек иа легеидариой истории своей героической Коммуиистической партии, иа трудиых подвигах нашего иарода — творца и созидателя»...

Надо ли говорить, как были мы счастливы в редакции, получив письмо от Юрия Алексеевича Гагарина.

Свердловск — необыкновенный город. «Работник и воин» — назвал его В. Маяковский. И, конечно, на страницах этой книги я рассказал не все, что знаю и помню о нем. Да это просто одному человеку и невозможно!

Новый Свердловск по площади во много раз превосходит тот город, который был в двадцатых и тридцатых годах. И, наверное, уже не мне изучать его...

Книгу, которую вы прочли, я написал не сразу. Первый очерк, вошедший в нее, был опубликован в июльском номере журнала «Урал» за 1970 год. В тот месяц отмечалось пятидесятилетие даты, когда по наказу В. И. Ленина 1-я революционная армия труда достроила Казанскую железную дорогу. Но я даже не представлял себе, что этот очерк откроет в 1985 году мою книгу.

Однако получилось так, что «Наказ Ленина был выполнен» натолкнул меня на мысль: а если попробовать и дальше рассказывать о своем городе? И на страницах

журналов «Урал» и «Уральский следопыт», а также в местных газетах стали появляться мои очерки, статьи, заметки о Свердловске, подписанные и настоящей фамилией, и псевдонимами.

Ясно, что не при всех событиях мне доводилось присутствовать, не все видеть. И тут на помощь приходили беседы со старожилами, архивные материалы, подшивки газет двадцатых и тридцатых годов. С некоторыми героями будущих очерков приходилось встречаться лично. Но все же по-настоящему я не мог бы рассказать о Свердловске, если бы сам так долго не жил на Урале.

Мои работы заинтересовали моих товарищей.

— А почему тебе не выпустить книгу о Свердловске, — советовали они.

— Действительно, почему бы? — стал думать и я, вспоминая патриарха свердловских фотокорреспондентов Леонида Михайловича Сурина, который часто повторял:

— Историю своего города всем жителям положено знать. Не зная прошлого, нынешний день по-настоящему не представишь...

В квартире Сурина мне приходилось видеть альбомы, где на каждой странице аккуратно были наклеены по три фотографии. На них изображалось какое-нибудь достопримечательное место Свердловска: как оно выглядело до Октябрьской революции, как в двадцатые или тридцатые годы и как в самом начале пятидесятых годов.

Леонид Михайлович любил рассказывать историю каждой фотографии. Для него Свердловск был частицей нашей Родины. А Родина, как писал в журнале «Урал» доктор филологических наук А. Лазарев,— «это всегда и прежде всего память, это знание о наших истоках, корнях... Лишиться памяти — означает лишиться Родины. Может ли быть что-нибудь страшнее этого! Так почему же мы, можно сказать, добровольно многое не

помним из истории родной земли и больше всего, как это ни странно, не знаем о том, что рядом с нами, что составляет понятие «отчий дом», «родной край»?

Работая над очерками о Свердловске, я хотел, чтобы юные читатели полюбили мой орденоносный город, заинтересовались его историей, продолжили бы ее изучение, стали бы неутомимыми следопытами краеведения.

Помните, как замечательно закончил стихотворение «Екатеринбург — Свердловск» В. Маяковский:

У нас
на глазах
городище родится
Из воли
Урала,
труда
и энергии!

Прошлое и настоящее этого «городища» надо обязательно знать!

Захаров С. А.

З-38 Это было недавно...: Записки старого свердловчанина.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.— 192 с., ил.

В пер.: 50 к. 30 000 экз.

Рассказы старого свердловчанина о родном городе, его жителях.

З $\frac{0802010207-022}{M158(03)-85}$ 87-85 ББК 63.3(2Р36)

Свердловск, улица Малышева, 1927 год (1-я стр. переплета).
Торжественный пуск первого трамвая, 7 ноября 1929 года (форзац).
Свердловск, улица Ленина. Октябрь 1929 года (4-я стр. переплета).

Стефан Антонович Захаров

Это было недавно...

Записки старого свердловчанина

Редактор Л. Золотарева
Фотографии Л. Сурнна, И. Тюфякова н архив автора
Художннк Е. Арбенев
Художественный редактор Г. Кетов
Техннческий редактор Л. Голобокова
Корректоры: Т. Дрябииа, О. Малютин

ИБ № 1271

Сдано в набор 12.06.84. Подписаио в печать 11.11.84. НС 12338. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гаритура лнтературиая. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,8. Усл. кр.-отт. 9,9. Уч.-нзд. л. 8,9. Тнраж 30 000. Заказ 387. Цена 50 к.

Средне-Уральское книжиое издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.

Тнпография нзд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Леннна, 49.

Тамара Буслаева со своими питомцами.

Л. М. Сурин (сидит справа) и его ученик И. Н. Тюфяков (в центре) на сабантуе в Свердловском парке культуры и отдыха. Начало пятидесятых годов.

50 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1985

